

АЛЕКСАНДРЪ

ISSN 2542-0135

литературно-исторический журнал № 6 (105)

июнь, 2025

СЛОВО РЕДАКТОРА

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Перед вами июньский номер литературно-исторического журнала «Александръ», и по сложившейся доброй традиции примите искренние поздравления с Пушкинским днём России – Днём русского языка!

Невозможно представить человека в нашей стране, который бы не был знаком с творчеством Александра Сергеевича Пушкина. Вместе с его произведениями мы взрослеем, через них открываем для себя очарование русского языка, перенимаем любовь к Отчизне, к своему родному краю.

Русский язык на протяжении веков объединяет многонациональный народ нашей страны, организует его созидательную деятельность, взаимодействие и взаимопонимание, ведёт к победам и достижениям.

Великие писатели и поэты нашего Отечества создавали художественные произведения на русском языке. Своим творчеством и сегодня они способствуют укреплению взаимопонимания и добрососедства между людьми. Для каждого россиянина важно сохранить и приумножить это национальное достояние, чтобы великий и могучий русский язык продолжал быть для наших потомков источником вдохновения и творчества, объединяющей силой во благо Отчизны.

В 2025 году отмечает красивый юбилей замечательный русский поэт Евгений Юшин. Редакция «Александра» от всей души поздравляет Евгения Александровича с днём рождения и желает здоровья и неисчерпаемого вдохновения, а всем вам, дорогие друзья, – с удовольствием и пользой отметить День русского языка, насладившись великолепным пушкинским словом и общением с добрыми друзьями и единомышленниками! Мира вам, счастья, добра и благополучия!

Анатолий ТРУБА,
директор – главный редактор

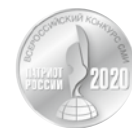
О ПУШКИНЕ

Пушкин – чудо, явленное русскому человеку на века. Это наша всегдашняя песня, тяжкие и светлые думы, печали и чаяния, радость и свет нашего пути. А поэзия Пушкина – песня русской души в её естественной простоте, чуткости и любви. Мысль и слово, чувства и откровения – вот стезя нашего гения. И покуда мы будем это любить и ценить, до той поры мы и будем...

За Пушкиным, Лермонтовым, Тютчевым, Некрасовым, Блоком, Есениным пришло новое окрылённое поколение. Твардовский, Симонов, Заболоцкий, Рубцов... Да разве всех перечислишь?

Верю, придут и новые поэты, чьи имена потомки будут вспоминать с любовью и гордостью.

Евгений ЮШИН,
член Союза писателей России

Литературно-исторический журнал «Александръ» включён в список изданий, выходящих при содействии Союза писателей России.

Главный редактор – Анатолий Сергеевич ТРУБА,

член правления Союза писателей России, доктор экономических наук, профессор.

Шеф-редактор – А. Н. СЁМИН (Екатеринбург), член Союза писателей России, академик РАН, заслуженный деятель науки РФ.

Редколлегия:

В. С. АРШАНСКИЙ (Мичуринск), почётный гражданин Тамбовской области, член СПР, заслуженный работник культуры РФ;

Н. Ф. ИВАНОВ (Москва), председатель правления Союза писателей России;

Г. В. ИВАНОВ (Москва), поэт, первый секретарь Союза писателей России;

В. В. БЕРЕЗОВСКИЙ (Москва), директор Центра «Святые Лавры Руси Православной»;

И. И. ВОЛКОВ (Мичуринск), председатель правления Мичуринского отделения Российского союза ветеранов Афганистана;

Т. Н. ВОРОНИНА (Екатеринбург), народная артистка России, артистка Свердловской государственной филармонии, создатель и руководитель «Театра Слова», член Союза писателей России;

В. И. ГАЗЕТОВ (Москва), член Союза журналистов России, декан факультета рекламы и связей с общественностью Института экономики и культуры, кандидат исторических наук, профессор, почётный работник высшего профессионального образования РФ;

В. Т. ДОРОЖКИНА (Тамбов), член Союза писателей России, почётный гражданин города Тамбова, заслуженный работник культуры РФ;

В. А. КАЗМИН (Луганск), председатель Луганской писательской организации им. В. И. Даля Союза писателей России;

Л. В. КОЛПАКОВ (Москва), секретарь Союза журналистов России, первый заместитель главного редактора «Литературной газеты», шеф-редактор отдела «Искусство»;

В. Г. КОРЗУН (Москва), лётчик-космонавт, Герой России, генерал-майор;

С. И. КОТЬКАЛО (Москва), сопредседатель Союза писателей России, главный редактор интернет-обозрения «Русское Воскресение», журнала «Новая книга России»;

И. М. КУЛИКОВ (Москва), доктор экономических наук, академик РАН, директор ВСТИСП;

Р. С. ЛЕОНОВ (Мичуринск), член Союза журналистов России, председатель информационно-издательского отдела Мичуринской епархии;

Ю. М. ПОЛЯКОВ (Москва), председатель редакционного совета «Литературной газеты», писатель, публицист, общественный деятель;

Г. Н. ПОПОВА (Мичуринск), член Гильдии театральных менеджеров России, директор Мичуринского драматического театра, заслуженный работник культуры РФ;

Никас САФРОНОВ (Москва), народный художник РФ, академик Российской академии художеств, профессор, член Союза писателей России;

С. А. ТРАХИМЁНОК (Минск), доктор юридических наук, профессор, член Союза писателей России, член Союза писателей Беларуси;

А. Н. ЧУМИКОВ (Москва), генеральный директор агентства «Международный пресс-клуб», гл. н. с. ФНИСЦ РАН, доктор политических наук, профессор.

Редакция вступает в переписку только с авторами, материалы которых приняты к публикации. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Авторы присылаемых материалов обязаны сообщить редакции: домашний адрес с почтовым индексом; день, месяц, год своего рождения; паспортные данные (серия, номер, кем и когда выдан). Редакция убедительно просит авторов присылать электронную версию своих произведений с обязательной распечаткой текста. Рукописи без распечатки не принимаются. Параметры набора: 14-й кегль через 1,5 интервала, отчётливо читаемый.

ЖУРНАЛ «Александръ» № 6 (105), июнь 2025 г.

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-66728 от 8 августа 2016 г.

Учредитель и издатель, директор, главный редактор – А. С. Труба.

Дизайн, вёрстка – Елена Ермохина (Путятина).

Дата выхода – 01.06.2025 г.

Тираж 1000 экз.

Распространяется бесплатно. Безгонорарное издание.

Адрес редакции, адрес издателя: 119146, Москва, Комсомольский проспект, 13, Союз писателей России.

Телефон: 8-915-879-14-14 – директор, главный редактор.

На обложке: Никас Сафронов. Пушкин

Электронная почта: truby.anatoly@yandex.ru

Адрес сайта: www.alexlib.ru

Информация предназначена для лиц старше 12 лет.

Бумага мелованная. Гарнитура PF Agora Slab Pro.

Формат 60x90 1/8. Усл. печ. л. 12.

Изготовлено в полном соответствии с предоставленным макетом в типографии «СТРОКИ», г. Воронеж

Тел. 8 (980) 542-01-78, <https://stroki.ru/>

ISSN 2542-0135

В журнале использованы рисунки и фотографии, находящиеся в интернете в свободном доступе.

В НОМЕРЕ:

ГОСТЬ НОМЕРА

- 6 Алексей Шорохов.
Свет и горечь Евгения Юшина
- 8 Евгений Юшин

ДАТА В ИСТОРИИ

- 12 Александр Балтин.
6 июня

ПУШКИНИАНА

- 18 Евгений Татарников.
Пушкин стоял у истоков
телеграфа барона Павла
Шиллинга

ПОЭТИЧЕСКИЙ БЛОКНОТ

- 24 Валентина Коростелёва
- 27 Вадим Никитин
- 32 Натали Донч
- 34 Екатерина Каргопольцева.
Летнее

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВА

- 36 Анатолий Омельчук.
Сибирский путь Александра
Невского

СТИХОТВОРНОЙ СТРОКОЙ

- 50 Сергей Белов.
Михайло Ломоносов

ТЕАТРАЛЬНЫЙ РАЗЪЕЗД

- 52 Валерий Аршанский.
«Дом у дороги»
- 54 Андрей Обьедков.
Зарождение нового театра

ДЕБЮТ

- 56 Игорь Борисевич
- 58 Вячеслав Черноводский
- 59 Юрий Сучков

МАЛАЯ РОДИНА

- 62 Андрей Шутов

РУССКИЙ МИР

- 66 Никита Брагин.
Золотые пятиглавия

ТРОПИНКИ ТАМБОВЩИНЫ

- 70 Валентина Дорожкина.
Его родник не остывает...
- 72 Сонет – любимый жанр поэта
- 74 Присягнувший берёзам России
- 79 «Поменьше пушек, побольше книг
и игрушек!»

ЖИТЕЙСКОЕ

- 82 Инна Важдаева.
Проклятый дар

ПУШКИНСКИЙ КЛУБ

- 86 Наталья Шарнина.
Баллада об уральских пушкинистах

ЛЮДИ НАУКИ

- 89 Валерий Аршанский.
Двойной успех

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ

- 91 Анатолий Труба.
Сахалинский лёд

ШАГИ «АЛЕКСАНДРА»

- 94 Александр Сергеев.
Писатели на Всероссийском
субботнике

Евгений Юшин родился в 1955 году в городе Озёры Московской области. Детские годы прошли на Оке и на Воже в рязанской деревне Лужки.

Школу и пединститут (историко-филологический факультет) окончил в Улан-Удэ. С 1978 года работал редактором в Центральном Доме культуры железнодорожников г. Москвы. Здесь же несколько лет руководил литературным объединением «Магистраль». В 1986 году перешёл на работу в журнал «Молодая гвардия», которым руководил с 2000 по 2014 год.

Стихи Е. Юшина публиковались в центральных журналах, альманахах, транслировались по радио и телевидению, переведены на болгарский, немецкий, французский, сербский, азербайджанский языки.

Автор двенадцати поэтических книг. Лауреат ряда литературных премий, в том числе премии «Имперская культура», премии имени Александра Невского «России верные сыны», Большой литературной премии России.

Свет и горечь Евгения Юшина

О НОВОЙ КНИГЕ ЕВГЕНИЯ ЮШИНА «ПОЛЫНЬ И ЗВЁЗДЫ»

Алексей ШОРОХОВ

Большой русский поэт, называя свою книгу, даёт определение времени.

Того самого времени, которого не существует для вечности. Но которое выпало на его долю.

*Время движет, снега несутся,
Рвут столетия, в прах круша.
Но не может душа проснуться,
Как не может уснуть душа...*

Свое поэтическое время Евгений Юшин назвал «Полынь и звёзды». Полынная горечь погрома русской культуры и затянувшейся гражданской войны и неизбывный свет степного звёздного неба над нами.

Практически знаменитая формула Иммануила Канта. Только без сухой академической отстранённости.

Хотя, к чести кёнигсбергского философа надо сказать, что, приняв российское подданство при Елизавете Петровне, он от него уже никогда не отрекался. Даже тогда, когда чередой измен и дворцовых переворотов Восточная Пруссия оказалась на полтора столетия оторгнута от России.

У Евгения Юшина вопрос поэтического и нравственного подданства никогда не возникал. Представить себе сегодня более русского поэта в нашей блистательной литературной современности сложно.

Русскость поэтического мира Евгения Юшина не манифестируется «словами» и «заявлениями», он ничего не достаёт из широких

штанин и ничем не размахивает перед оторопевшим собеседником.

Его слово напаявается родниками отчей и дедовой земли, проступает алыми ромбиками брусники в петлицах осенних болот, обдаёт горячим степным воздухом пропитанных тысячелетними битвами просторов. Всматривается голубыми материнскими глазами подступающей вечности:

*Я навек полюбил эти заводи, эту осоку,
Эти серые избы с певучим печным говорком.
Эти сосны шумят надо мной
широко и высоко.
Говори со мной, лес, первобытным
своим языком:*

*Торфяным, глухариным, брусничным,
зелёным, озёрным,
Хороводным – в распеve сырых
земляничных полян.
Ой, туманы мои! Ой вы, жадные вороны
в чёрном!
Скоморошьи дороги и ратная кровь
по полям.*

*Я прикрою глаза и услышу кандаальные
звоны,
Безысходный по-бабьи горячечный плач
у берёз.
Как скрипучи дороги! Как мертвенно бледны
иконы!
Как селенья ужались и как распростёрся
погост!*

У Осипа Мандельштама есть сравнение поэтического произведения с истребителем, который может лететь лишь тогда, когда из одного образа рождается другой, из того – следующий. И так – в бесконечность.

Это про Юшина.

При всей несхожести их поэтик и генеалогии.

* * *

Кстати, о схожих поэтиках. Классики отечественного литературоведения давно и со-

вершенно точно подметили, что в литературе процесс наследования идёт не от отцов к детям, а от дедов к внукам.

Поэтому – несмотря на эпитафии из Рубцова и даже нарочито общие темы с корневым направлением в русской поэзии 60–70-х годов XX века, получившим название «тихая лирика», – поэтика Евгения Юшина однозначно далека от творческой манеры Передреева, Жигулина, Тряпкина, Решетова и других поэтов этой плеяды.

Он скорее ближе к новокрестьянским поэтам начала XX века, безошибочно и безжалостно выкошенным из литературы и жизни троцкистами в кожанках и штатском (а зачищены были все, в два приёма: Ганин и Есенин – в 1925-м, Клюев, Орешин, Клычков, Васильев – в 1937–1938 гг.).

И слово (литературное направление), придуманное Есениным, как нельзя более точно объясняет саму суть юшинской поэтики: имажинизм. От латинского *imago* – «образ».

Это то, что щедро дарит поэт миру; то, что двигает вперёд его стихотворения, – образ, рождающийся из образа и рождающий образы.

Как любил подчеркнуть наш великий современник, филолог и мыслитель С. А. Небольсин, яркий поэтический образ – единственное, что способно во всей полноте схватить и передать сущность и явление в этом мире. В отличие от однобоких понятий и монотонных описаний.

Только вслушайтесь!

Там берёза в ливне бьётся, словно жерех...

Или:

По-женски вскрикивают чайки...

Или:

В мохнатой шубе комариной

Июнь по берегу идёт...

Совершенно неверно будет сказать, что это «рассыпано» по стихам Евгения Юшина, это и есть его стихи, это их природа. Из этого они вырастают и этим растут.

Но есть ещё одно, что роднит стихи из новой и во многом итоговой книги Юшина с произведениями двух наших великих поэтов,

вставших в бронзе друг напротив друга на Тверском бульваре в Москве.

Это интонация. Та просветлённость, которая несёт слово Пушкина и Есенина сквозь злобу века сего прямо в русское сердце, любящее и доверчивое.

Не сказать чтобы раньше за нашим поэтом не замечалось такой интонации – она часть его поэтического дара, несущая конструкция, да простят мне это строительное сравнение.

Но в книге «Полынь и звёзды» голос Евгения Юшина достигает какой-то уже дождевой прозрачности и солнечной доверительности.

«Будьте как дети», – слышится мне в его голосе.

Оттого и образ матери неразлучен с поэтом и проходит через все страницы этой книги.

Можно много было бы ещё сказать и написать о Юшине и его новом творении.

Но зачем?

Поздравляю нас всех с этим полынным млечным светом над неусыпающими полями нашей Родины!

И имя этому свету – Евгений Юшин.

Евгений ЮШИН

* * *

Россия начинается с дороги,
С бурана, бурелома и берлоги,
С разбойников, узорочья берёз,
С молитвы светлой и горячих слёз.

Россия начинается с тревоги.
Кто наши не притаптывал пороги?
Ордынцы и тевтонцы – всё разбой.
...Узорный плат, наличники – резьбой.

Россия начинается с надежды.
То рядит европейские одежды,
А то китайский примеряет шёлк.
И... щёлкает клыком тамбовский волк.

Распевом красок инока Рублёва
Россия начинается со Слова.

Веди судьбу – душою не криви.
Россия начинается с любви.

С разгульной песни тракториста Сашки,
С горячего глотка из тёртой фляжки,
С горящей, горькой правды в мире лжи
И с васильков, мерцающих во ржи...

* * *

От деда пахнет мёдом, туманом, огородом,
Рыбацкою лодчонкой, копчёным рюкзаком,
От бабушки – стогами, вареньем, пирогами,
От матушки – малиной и тёплым молоком.

От бати – пот, и порох, и дней суровый ворох.
Жена рассветом пахнет и щебетом детей.
Стоим и замираем, а в церкви пахнет раем,
А в церкви пахнет раем и родиной моей.

* * *

Этот мир надо мной – белым облаком, птицей
и Богом.
Этот мир подо мной – муравьишкой, пылью
веков...

Я люблю, когда небо целует дождями дорогу,
Заполняя копытца недавно прошедших коров.

Я навек полюбил эти заводы, эту осоку,
Эти серые избы с певучим печным говорком.
Эти сосны шумят надо мной широко и высоко.
Говори со мной, лес, первобытным своим
языком:

Торфяным, глухариным, брусничным, зелёным,
озёрным,
Хороводным – в распевах сырых земляничных
полян.

Ой, туманы мои! Ой вы, жадные вороны
в чёрном!
Скоморошья дороги и ратная кровь по полям.

Я прикрою глаза и услышу кандальныя звоны,
Безысходный по-бабьи горячечный плач
у берёз.

* * *

* * *

И целый век – гремучий, грубый –
Преподнесут как чудеса
Её пергаментные губы,
Почти незрячие глаза.

И как без прошлого? Мы слепы.
В борьбе враждующих идей
Технократические скрепы
Рабами делают людей.

А ты взгляни – за красноталом,
За камышовым ветерком
Заря – лоскутным одеялом,
Туман поречный – рушником.

* * *

День убывает.
Лето впереди,
А всё же ощущается утрата.
Хоть далеко ещё до листопада,
А ветерок его – уже в груди.

Ещё полны кипреем небеса
И по-коровьи облака неспешны,
Но замолчали милые скворечни,
Ромашки прячут добрые глаза.

И зыбкие ныряют ветерки
В густой траве и нам напоминают,
Что этот ясный день цветёт, но тает,
Как свет зари на гребешках реки.

ПЛЮШЕВЫЙ КОВРИК

Я десять лет у крёстной не был.
Ничто не изменилось тут:
Всё то же ситцевое небо,
И та же банька, тот же пруд.

Как прежде, в доме половицы,
Слегка поскрипывая, ждут:
Когда ж Евгений из столицы
Их навестит? И вот я тут!

А тут всё в прошлом. Как ни жалко,
Но крёстной нет уже давно.
Лишь коврик плюшевый с русалкой,
На нём же – лебедь и окно.

Счастливой сказкой, сновиденьем
Себя побаловал народ:

Ветле рогатой – стать оленем,
Корыто – лебедем плывёт.

Ну что? Приехал, дядя Женя?
Лишь память с прожитым роднит.
Русалка смотрит на оленя,
Олень на лебедя глядит.

ТАЙНАЯ ЛЮБОВЬ

А ты и не знаешь, как тайно любить я умею.
Мол, шёл я тут мимо, а вот и решил заглянуть.
Зайдусь болтовнёй, даже сам от себя оробею,
И – сердце в набат, что едва ли не вышибет
грудь.

Горячего чаю нальёшь мне с аиром, кипреем.
Подвинешь варенье. Улыбку пушу по усам.
И ложечку робко возьму и губами согрею,
Ведь ложечка эта к твоим прикасалась губам.

Твой чай колдовской разольётся во мне,
словно солнце.
И разве куда-то уйдёшь от такого тепла?
И трепет, и нежность... Герань расцветёт
на оконце.

Но будут сурово иконы смотреть из угла.

Ты шаль распахнёшь, и затеплятся тайною очи.
Взойдёт за окошком луна, как насупленный
страж.

И муж твой войдёт. Улыбнётся, но как-то
по-волчьи.

«Харе чаевать! Помоги». – И потянет в гараж.

И станет показывать мне там свои железяки.
Вот тут закрути, а вот тут подними, поддержи.
И редких прохожих пугнут для порядка собаки.
Умоюсь в кадушке. Зачем мне всё это, скажи?

А нету ответа. И в думах – одни многоточья.
Калитку открою – дорогу туман побелил.
Хозяин опять улыбнётся и снова по-волчьи.
И только вослед уже спросит:
«А что приходил?»

* * *

Вздогнет берёзы осенняя люстра,
И полетят медяки на траву.
Белые грузди, чёрные грузди
Неторопливо под елями рву.

Белые грузди. Чёрные грузди.
Что ж это грусти – через края?
Где-то высоко небесною Русью
Мамочка, мама проходит моя.

То пожурит меня дождиком синим,
То приголубит певучей волной,
Выйдет лучами над полем озимым,
Светом незримым взойдёт надо мной.

Плавно река устремляется к устью,
И уплывают дрёмой веков
Белые грузди, чёрные грузди
Грустных, осенних, сырых облаков.

* * *

Свеча моя плачет, а я не сронил ни слезинки.
И скорбны иконы, как будто поднялись из глины.
Я с папой прощаюсь, читаю родные морщинки:
Вот эти – за Брест и Варшаву, а та – за Берлин.

Куда ты, куда отлетаешь от милых полесий?
Озёра твои ещё помнят тебя и зовут.
Соснового бора небесные, синие песни
Далёко-далёко последней тропею ведут.

А ты поднимись, оглянись – за разбуженным
садом,
Вскипающим, птичьим, плывут облаков
корабли.
Ты нёс на плечах меня майским счастливым
парадом.
Теперь вот другие тебя на плечах понесли.
Прощай, мой хороший. Я знаю, ты будешь мне
сниться.
Ещё будет много нежданных и жданных
потерь.

Тебя ещё помнят скрипучая дверь, половица
И этот вот стол, где тебя поминаем теперь.

Как поздно любовь, что ты мне подарил,
возвращаю.
Из вечных просторов обратного нету пути.
А если что было не так, то тебе я прощаю.
А если что было не так, и меня ты прости.

В ГРОЗУ

Сквозь блин коровий лето проросло.
Перед грозой парит, над лугом – сырость.
Кивнув причалу, скрипнуло весло,
И лопухи у берега столпились.

И гроыхнуло так, что дух смело!
И дали потеряли очертанья.
И над кипящим полем понесло
Горы небесной гулкое рыданье.

Так полило, что света не видать!
Летели воды и свивались в свитки.
И скрылся мир. И стали прорастать
В смятённой мгле ордынские кибитки.

Из гнёзд высоких падали грачи.
Летел табун, века пересекая.
И звонко харалужные мечи
Щиты рубили, искры высекая.

Колокола и пушки – гром внахлест!
Приветим всех, седой слезой политых.
Плыла Россия в небе мимо звёзд –
В крови, пожарах, песнях и молитвах.

Ей слышен голос каждого села,
Ручья и поля, леса и оврага.
Весь русский мир она с собой несла
Среди просторов космоса и мрака.

И всё менялось, грудилось, тряслось:
То гунны пролетали, то гусары...
Но как-то разом всё оборвалось,
Как струны надорвавшейся гитары.

6 ИЮНЯ

Александр БАЛТИН

1

Разнообразен и многолик, играющий все-рьёз, предлагающий одну из сильнейших формул самовоспитания: «И с отвращением читая жизнь свою...»

Дающий чудеса, не объяснимые в принципе: «...весёлым треском / трещит натопленная печь...»

Не говоря о предшествующем янтарном блеске, делающем стихотворение столь цвето-во насыщенным, что завораживает оно, играя оттенками жизненной живописи.

Космос Онегина, собравший столько деталей: психологии, быта, мысли; закрутивший столько узлов человеческих противоречий; льющийся и пьющийся языковым питательным млеком, сложный – в устройстве психологических далей...

Пушкин истории пугачёвских войн: напряжённой и дающей вариант высокого прозаического языка, почти такого же, как в «Капитанской дочке».

Множественность полей, открытых Пушкиным: хоть история маленького человека, хоть новый лад лирики...

*Где наша роза,
Друзья мои?
Увяла роза,
Дитя зари.
Не говори:
Так вянет младость!
Не говори:
Вот жизни радость!
Цветку скажи:
Прости, жалею!
И на лилею
Нам укажи.*

Всё увядает?

Нет, остаётся – одно сменяет другое, круг метаморфоз бесконечен, и если сейчас жизнь воспринимается даром напрасным и случайным, то завтра прозвучат молитвы отцов-пустынников.

Пушкин двигался духовной стезёй: какие предполагались изменения в оной, мы едва ли узнаем...

Бесконечность игры жизни, данной смертельно всерьёз, увлекала его неистово.

...Нева заворачивается в беспокойной своей постели, Нева представит собой кошмар и ужас, всё заливая, и бедный Евгений, познав огни безумия, попробует убежать от грозной неизвестности.

«Полтава» представит такой воздух, что, напитавшись его прозрачностью, можно очистить сознание...

Странная подоплёка мерцает за «Русланом и Людмилой»: будто история Древней Руси излагается в сложно-сгущённых символах, переведённых в образный строй, и всё вращается, мерцает, завораживая количеством чудес, которые всегда есть, больше того: они рядом.

...Чудное мгновенье засветится, сверкая каждой гранью строки.

Бездны человеческие обнажаются, становятся яснее, и длится, длится развёрнутый во все времена лабиринт, организованный Пушкиным.

2

Коды прозы Пушкина – в поэзии: растёт из неё и строится по своеобразному принципу: будто не фраза, а строка, та же естественность любого поворота, и рифма, мнится, вспыхивает двоением в роскошно отполированном зеркале вечности.

Страшна ли «Пиковая дама»?

В детстве можно испугаться – правда, сегодня вряд ли кто-то будет читать рассказ ребёнку...

Никас Сафронов. Пушкин на фоне Санкт-Петербурга

Никас Сафронов. Зимний Пушкин

Психология даётся своеобразно – тонко просвеченными нитями, намёками; тут ещё нет последовавшего в русской прозе мощного психологического портретирования.

Да в рассказе «Гробовщик» (скажем) оно и невозможно: тут важен сюжет, схема необычности, выход за пределы реальности...

Любовь к отеческим гробам проступает, искажённая карнавальными стихией.

«Капитанская дочка» разворачивается спокойно, не суля нагромождения, напластования трагедийных ситуаций, и Пугачёв, появляющийся почти в начале, ничем не похож на того, неистового...

Он для Пушкина двойственен: и объект научного исследования, и символ стихии русского бунта, логично избыточного, ибо альфа социальной несправедливости особенно сильно чувствовалась в России.

(Сейчас, впрочем, тоже, хотя декорум сильно изменился.)

...Снежные, свежие, морозные строки-фразы – даже ежели речь о лете или любимой осени; строки, отливающие мрамором, без его тяжести, белым-белым...

В Тоскане те, кто добывал камень, именовали его мясом – живое мясо земли...

Живой мрамор пушкинских строк, создающих суммарно прозу поэта, сияет, маня, влечёт всё новыми и новыми погружениями в такое знакомое пространство...

3

Борис Годунов раскинет мощно цветовые слои исторического космоса по небу – духа...

Страшный, несчастный Борис – из недр шекспировского как будто мира, совершенно русский, растянутый, когда не распятый на крюках грехов, с наползающим ужасом, сминающим все чувства, все возможности дальнейшего бытования...

Сколь возвышен белый стих!

Кажется, и рифмы – лёгкой подруги – более не надобно, мешала бы, отвлекала...

Европейское время растягивалось, как великолепная река, теряя точную атрибутику

периодов; впрочем, в противостоянии двух (о котором не подозревает солнечный Моцарт) время конкретно, как донельзя конкретны трактир и вино – мнится, можно попробовать оценить вкус...

Скупец, спускающийся в подвал, опьяняющий себя сильнее всякого вина: гипноз золота своеобразен, его не истолкуешь так просто, иначе по-другому строилась бы жизнь...

...Воздух Украины вполне отвечает европейской старине, поражая такой словесной прозрачностью, что ощущения собственные – спустя два века – уточняются как будто:

*Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звёзды блещут.
Своей дремоты превозмочь
Не хочет воздух. Чуть трепещут
Сребристых тополей листы.
Луна спокойно с высоты
Над Белой Церковью сияет
И пышных гетманов сады
И старый замок озаряет.*

Громоздится восковой череп замка, зреют события, вызревает тугая, полная таинственного сока виноградная гроздь истории...

Пушкин не мыслится вне её: она близка – различная: и Римом, и Византией, и Испанией, и Германией: щедрое сердце поэта вбирает в себя все эпохи, чтобы перевоссоздать их по-русски, приблизить к русской тайне и космосу.

...Пышно говорил Достоевский на открытии памятника, сильно, восторженно; Бунин отвечал на вопрос о Пушкине: «Не смею я о нём никак думать...»

Буйная пестрота цыган, неистовство разрывающих крючьями страстей; но тело-то остаётся – крючья работают метафизические...

Ту цыганщину, которую любил Пушкин, не представить сегодня: и песен таких не уцелело, и накал подобный был бы в диковинку.

Смириться?

Пушкин был против – большую часть огромной, такой короткой жизни.

Он был против до периода:

Отцы пустынноики и жёны непорочны,
 Чтоб сердцем взлетать во области
 заочны,
 Чтоб укреплять его средь дольних бурь
 и битв,
 Сложили множество божественных молитв;
 Но ни одна из них меня не умиляет,
 Как та, которую священник повторяет
 Во дни печальные Великого поста;
 Всех чаще мне она приходит на уста
 И падшего крепит неведомою силой:
 Владыко дней моих! дух праздности унылой,
 Любоначалия, змеи сокрытой сей,
 И празднословия не дай душе моей.

Тут уже смирение ощущается – тугими пульсациями, всё более и более важными гордому человеку...

...Ахматова писала о нём легко и таинственно; Цветаева – с волшебным своим жаром-захлёбом-неистовством; Тынянов рассматривал трезво, научно, если и допуская фантазию, то в пределах источниковедения; Даниил Андреев –

так, как мог бы моряк блуждавшего в темноте корабля отнестись к маяку.

А вот Пушкин анекдотический – из рассказа Зощенко «В пушкинские дни» – Пушкин, увиденный сквозь кривые мещанские окуляры, словно ставший забавным, хотя забавны те, кто так видит...

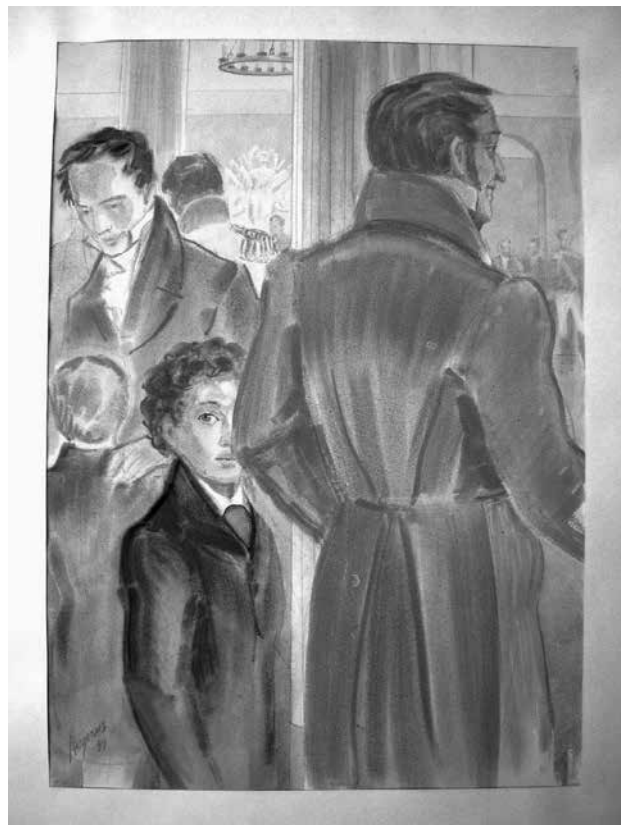
...Руслан вечно несётся на бороде Черномора; а сказки кота отдают извечностью тайны; запутаны многие тропы «Руслана и Людмилы», начинены, кажется, содержанием, которое передал молодому поэту таинственный волхв.

Или не было такой встречи?

Разное можно предполагать, храня живого Пушкина – через пуды напластований, через школьную, познанную всеми рутину, – храня чудо философского камня его грандиозного наследия.

4

Влиял ли весёлый остроумец и сатирический наблюдатель современного ему социума Василий Львович Пушкин на племянника, ставшего солнцем русской поэзии?

Поэты влияют друг на друга и просто общаясь, и вот послание племяннику не говорит о большем:

*Довольно и того, что журналист сухой
В журнале читит себя романтиков главой.
Но полно! Что тебе парнасские пигмеи,
Нелепая их брань, придирки и затеи!
Счастливицу некогда смеяться даже им.
Благодаря судьбу, ты любишь и любим.
Венчанный розами ты грации рукою,
Вселенную забыл, к ней прилепясь душою.*

Романтизм, как известно, был присущ А. Пушкину, по крайней мере в определённые периоды жизни; и В. Пушкин, придерживающийся традиций классицизма, хотя и изрядно разбавленных новыми веяниями, декларирует определённое осуждение романтизма в начале стихотворения, подчёркивая:

*Хоть модный романтизм подчас я
осуждаю,
Но истинный талант люблю и уважаю.*

Однако есть и в сатирических струях, запускаемых в небо А. Пушкиным, нечто от ядовитых сатир дяди:

*Не дорого ценю я громкие права,
От коих не одна кружится голова.
Я не ропщу о том, что отказали боги
Мне в сладкой участи оспаривать налоги
Или мешать царям друг с другом воевать;
И мало горя мне, свободно ли печать
Морочит олухов, иль чуткая цензура
В журнальных замыслах стесняет балагура.*

Осуждается одно, хотя кажется, В. Пушкин осуждает другое:

*Нет боле сил терпеть! Куда ни сунься: споры,
И сплетни, и обман, и глупость, и раздоры!
Вчера, не знаю как, попал в один я дом;
Я проклял жизнь мою. Какой вралей содом!
Хозяин об одной лишь музыке толкует;
Хозяйка хвалится, что славно дочь танцует;
А дочка, поясок под шею подвязав,
Кричит, что прискакал в коляске модной –
граф.*

Корень осуждения общий: и глобальность его – изначальная человеческая порочность, вшифрованная уже в сам физиологизм; и корень этот течёт ядовитыми соками...

Сатира не врачует, увы, никакой социум не прислушивается к поэзии настолько, чтобы меняться...

Тем не менее лад стиха племянника и дяди имеет нечто общее.

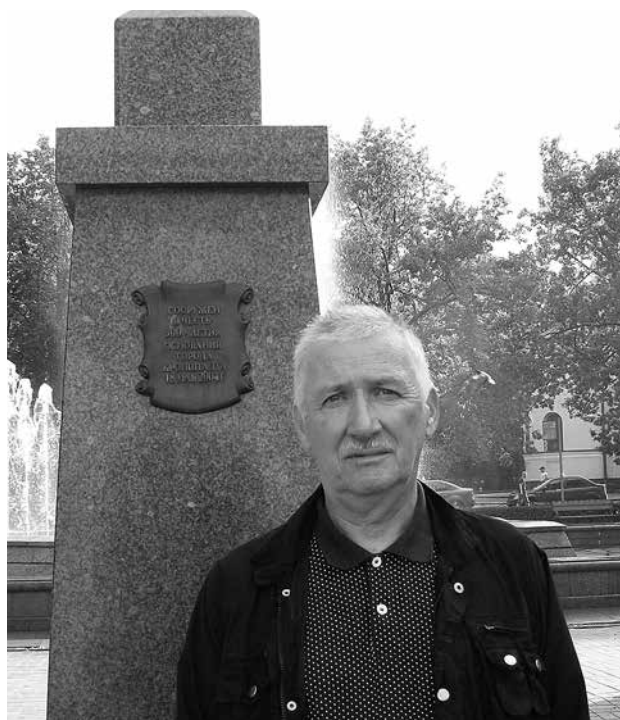
Облачка схожести можно увидеть, если быть пристрастным и читать насквозь, но, разумеется, практически нигде Василий Львович, при всём уважении к его дару, не достигает той глобальной ясности, глубины и красоты, которую демонстрировал племянник, менявший весь строй русского слова.

Рисунки Лев Нецветаев

ПУШКИН СТОЯЛ У ИСТОКОВ ТЕЛЕГРАФА БАРОНА ПАВЛА ШИЛЛИНГА

ЭССЕ О ДРУЖБЕ ПОЭТА И ИЗОБРЕТАТЕЛЯ
ИЗ ЦИКЛА «ПУШКИН – НАШЕ ДОСТОЯНИЕ»

Евгений ТАТАРНИКОВ

*О, сколько нам открытий чудных
Готовят просвещенья дух,
И опыт, сын ошибок трудных,
И гений, парадоксов друг,
И случай, бог изобретатель...*

А. С. Пушкин

Пушкин не такой уж был «сухарь», заточенный только на поэзию, каковым мы его знаем, он благодаря друзьям верил в науку, считая её одним из важнейших двигателей культуры и технического прогресса. Одним из таких друзей у него был учёный, изобретатель барон Павел Львович Шиллинг, который научил его многому, в том числе и мечтать. Поэтому читаем у Пушкина:

*Лет чрез пятьсот дороги, верно,
У нас изменятся безмерно:
Шоссе Россию здесь и тут,
Соединив, пересекут.
Мосты чугунные чрез воды*

*Шагнут широкою дугой,
Раздвинем горы, под водой
Пророем дерзостные своды,
И заведёт крещённый мир
На каждой станции трактир.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Накануне своего отъезда в Забайкалье в 1830 году барон Павел Шиллинг привлёк к работе по телеграфу талантливому механику Илью Алексеевича Швейкина. И к возвращению его из Забайкалья в 1932 году в основном были уже готовы заказанные им до отъезда приборы обоих вариантов телеграфа, который изобрёл барон Шиллинг. Эти приборы и теперь изумляют точностью и тщательностью отделки всех деталей, остроумной конструкцией узлов. Между тем совершенно забыто имя того, чьему искусству принадлежит заслуженная слава изготовления первого практически пригодного телеграфа, – имя талантливого русского механика Ильи Алексеевича Швейкина. Его работа была не только талантливой, но и бескорыстной: зная о постоянном недостатке денег у Шиллинга, И. А. Швейкин, имея на иждивении большую семью, тем не менее на протяжении ряда лет не брал денег ни за свою работу, ни даже сполна за материалы, которые он приобретал для изготовления деталей телеграфа.

В Кяхте (Забайкалье, Бурятия), где Шиллинг был в двухгодичной экспедиции (1830–32 гг.), его потрясло умение китайских предсказателей угадывать будущее с помощью нехитрой системы из 64 фигур. Каждая такая фигура (гексаграмма) состояла из шести линий двух типов – непрерывной и прерывистой. Сегодня эта система – И-Цзин – широко известна в мире. «Если с помощью шести линий кяхтинские провидцы рассказывают всю судьбу человека, то тогда уж для передачи алфавита её тем более хватит!» – отметил в своих записях Шиллинг и применил эту систему в своём изобретении в электромагнитном телеграфе.

УСПЕШНЫЙ ОПЫТ НА КВАРТИРЕ ГРАФА ШИЛЛИНГА

«Я не писал тебе потому, что свинство почты так меня охолодило, что я пера в руки взять был не в силе. Мысль, что кто-нибудь нас с тобой подслушивает, приводит меня в бешенство. Без политической свободы жить очень можно; без семейственной неприкосновенности невозможно: каторга не в пример лучше», – писал Пушкин 3 июня 1834 года из Петербурга в Полотняный завод в письме к жене, Наталье Гончаровой, и он знал, его письма подвергаются перлюстрации. А ещё Пушкин знал, что в России бароном Шиллингом изобретён электромагнитный телеграф, и, возможно, догадывался, что когда-то изобретут и телефон. 7 марта 1876 года Александром Беллом было запатентовано изобретение под названием «усовершенствованная модель телеграфа», которое впоследствии было переименовано в телефон. А мы знаем, что стало с изобретением сотового телефона, который изобрели в наш век... В него погрузилось всё человечество.

Чрезвычайно интересна предыстория создания электромагнитного телеграфа. Ведь сведения о нём как о вполне законченном изобретении встречаются ещё до 1830 года. Так, например, сослуживец Шиллинга по Министерству иностранных дел Феликс Фонтон в мае 1829 года писал: *«Весьма мало известно, что Шиллинг изобрёл новый образ телеграфа. Посредством электрического тока, проводимого по проволокам, растянутым между двумя пунктами, он проводит знаки, коих комбинации составляют алфавит, слова, речения и так далее. Это кажется маловажным, но со временем и усовершенствованием оно заменит наши теперешние телеграфы, которые при туманной неясной погоде или когда сон нападает на телеграфистов, что так же часто, как туманы, делаются немymi»*. И 21 октября 1832 года Павел Шиллинг впервые показал свой усовершенствованный телеграфный аппарат широкому кругу лиц. Демонстрация происходила в квартире Павла Шиллинга в Петербурге на Царицыном лугу (ныне Марсово поле)».

Пятикомнатная квартира изобретателя Павла Шиллинга находилась в роскошном трёхэтажном здании на углу набережной реки Мойки и Марсового поля, где в гостях частенько бывали Крылов, Пушкин, Вяземский и Жуковский. Это был дом купца Антонова, он же дом итальянского архитектора-проектировщика Доменико Адамини. Дом был выстроен в стиле классицизма и выделялся среди других домов на набережной своим портиком из восьми полуколонн, пилястрами и лепным фризом с грифонами. Как оказалось, эта квартира Шиллинга была мала для демонстрации его телеграфа, и он на время нанял у владельцев дома весь этаж. Для демонстрации передатчик был установлен в одном конце дома, где собрались приглашённые в небольшом зале, а приёмник – в другом конце, в рабочем кабинете Шиллинга, так называемой китайской комнате. Получилось расстояние, превышающее 10 метров. Первая в мире телеграмма, состоявшая из десятка слов, на глазах у собравшихся была лично принята по электромагнитному телеграфу Шиллингом моментально и верно.

По поводу электромагнитного телеграфа один из сослуживцев Шиллинга по Министерству иностранных дел, Христофор Екимович Лазарев, который состоял при генерал-адъютанте графе А. Х. Бенкендорфе в звании камергера по особым поручениям, писал: *«Когда надобности опытов размещения всего этого телеграфа потребовали, тогда он, П. Л. Шиллинг, для большего простора занял всю линию, верхний весь этаж, дабы от одного конца крайней комнаты в другую оконечную провести на дальнейшее пространство проволоку и цепи, и через то по телеграфу сообщать те известия, кои предназначали посетители, которых он многократно, всегда и почти ежедневно приглашал в разных отдельных обществах высшего, среднего и низшего круга и класса».*

ПУШКИН СТОЯЛ У ИСТОКОВ ТЕЛЕГРАФА ПАВЛА ШИЛЛИНГА

Пушкин наконец-то после длительного перерыва, связанного с двумя ссылками: южной

(Кишинёв, Одесса, 1820–24 гг.), которая была для него фактически командировкой, поэта просто перевели на другое место службы в должности коллежского советника, и северной (Михайловское, 1824–26 гг.) – вернулся на государственную службу в Коллегию иностранных дел, где и служил после лицея. С 1826 года к Пушкину стал присматриваться царь Николай I, которому был нужен такой человек в Коллегии иностранных дел, чтобы он разбирался в вопросах идеологии, истории, просвещения, литературы и политики. Вот таким человеком, по мнению Николая I, и был А. С. Пушкин.

После событий на Сенатской площади, где по приказу нового императора Николая I декабристы были расстреляны картечью из пушек, а их предводители угодили под суд, правительство и царь решили раз и навсегда покончить с дворянской вольницей. Был учреждён строгий надзор. Для этого 3 июля 1826 года при Собственной Его Императорского Величества канцелярии было учреждено Третье отделение, которое возглавил герой войны 1812 года генерал Александр Бенкендорф, и Пушкин находился под негласным его надзором.

В декабре 1828 года на балу у танцмейстера Йогеля Пушкин впервые встретил Наталью Гончарову, которой в ту пору было 16 лет. Пушкин написал 30 апреля 1830 года А. Х. Бенкендорфу о своём решении жениться, испросив у царя Николая I благословения, поскольку *«г-жа Гончарова боится отдать дочь за человека, который имел бы несчастье быть на дурном счету у государя».* Бенкендорф в ответном письме передал, что император был очень доволен и рад услышать новость о скорой женитьбе поэта. Этого было достаточно, чтобы вся неблагонадёжность Пушкина исчезла в глазах матери Натальи Гончаровой. Пушкин женился 18 февраля 1831 года, а уже в июле 1831 года он, испытывая финансовые проблемы и не без намёка жены, которой не хватало денег на наряды, чтобы выходить на великосветские балы, обратился с прошением к императору о приёме на государственную службу. Царь Николай I повелел Александру Христофоровичу Бенкендорфу, курирующему

Министерство иностранных дел, дать указание Карлу Васильевичу Нессельроде: «...определить в государственную Коллегию иностранных дел известнейшего нашего поэта титулярного советника Пушкина с дозволением отыскать в архивах материалы для сочинений истории Петра I».

27 января 1832 года Пушкин принял присягу, при этом он расписался в двух присяжных листах: на одном как коллежский секретарь, на втором как титулярный советник. Титулярный советник А. С. Пушкин возглавил одну из секретных экспедиций Министерства иностранных дел Российской империи – газетную. Кроме того, в его обязанности входило оказание помощи шифровальной экспедиции и дешифровальной (криптографии), которой заведовал друг поэта барон Павел Леонидович Шиллинг. Выезд сотрудников этих секретнейших экспедиций был категорически запрещён. Пушкин стал получать от казны жалованье, но уже не 700 рублей в год, как получал он после лицей, а 5000, оклад неслыханный, в 7 раз превышающий официальный оклад чиновника его ранга. Сумма «столовых» денег, например, при выплате жалованья чиновнику в 5000 рублей составляла 4000 рублей, «квартирных» – 1000 рублей, которые выплачивались дополнительно к окладу. Таким образом, чиновник, имевший жалованье в 5000 рублей, получал примерно 10000 рублей.

И теперь, стоя у телеграфа 21 октября 1832 года как должностное лицо Коллегии иностранных дел, Пушкин смотрел на устройство, способное передавать по проводам текстовую и цифровую информацию. Устройство представляло собой чёрно-белую клавиатуру наподобие рояльной – для передачи – и шесть подвешенных на тонких нитях картонных кружков, окрашенных с одной стороны в чёрный, а с другой – в белый цвет, для приёма. Внизу кружки были соединены с магнитными стрелками, а под ними стояли электромагниты. Пушкин смотрел и не понимал, как всё же работает этот телеграф. Но зато Пушкин подумал: «Ну вот, скоро буду свои стихи отправлять в журналы и редакции по телеграфу», – и улыбнулся. Рядом стоявший Шиллинг спросил поэта:

– Ну, как тебе, Александр Сергеевич, моё изобретение? Польза будет какая-то от него?

– Без сомнения, Павел Львович, оно принесёт удобство всем... особенно дипломатам – мгновенно отправлять свои депеши в Министерство иностранных дел, – ответил Пушкин.

Для работы устройства Павел Шиллинг придумал телеграфную азбуку: комбинации символов для каждой буквы алфавита, которые проявлялись в виде чёрных и белых кружков на аппарате. Текст первой памятной телеграммы на французском языке составил и передал сам российский император Николай I. По-русски это звучало так: «Я очень рад был посетить господина Шиллинга».

Под впечатлением от увиденного Пушкин написал знаменитые строки:

О, сколько нам открытий чудных
Готовят просвещенья дух,
И опыт, сын ошибок трудных,
И гений, парадоксов друг,
И случай, бог изобретатель...

Интерес, который вызвало изобретение в самых разнообразных кругах русского общества, был настолько велик, что демонстрации не прекращались почти до самого Рождества 1832 года. На просмотр приходил и граф Александр Христофорович Бенкендорф (кстати, двоюродный брат Шиллинга). Военный инженер Карл Шильдер, также посетивший квартиру Шиллинга в те дни, писал своему знакомому: «В скором времени сообщу тебе ещё одно интересное дело. Оно касается проекта телеграфа на неопределённое расстояние, основанного на гальванизме, с помощью которого возможно будет во всякое время телеграфировать с быстротой мысли. Я надеюсь, что он будет когда-нибудь испытан до Москвы, если только опыты в малом виде сделают очевидным то, что в техническом отношении не подлежит малейшему сомнению...»

Русский учёный Карл фон Бэр, докладывая общему собранию Петербургской академии наук о последних успехах Шиллинга, отмечал, что «развитие знаний об электричестве при-

вело к открытию в С.-Петербурге средства из запертого покоя, сквозь самую стену, без помощи письмен или голоса сообщать свои мысли в другие пространства того же дома или даже и на гораздо большие расстояния. Что для пушкинской эпохи было просто фантастикой.

ПУШКИН НЕ ТОЛЬКО ГЕНИЙ ПОЭЗИИ, НО И «ВЕЛИКИЙ МЫСЛИТЕЛЬ»...

В 1833 году Пушкин написал повесть «Пиковая дама», сюжет – «секрет трёх карт», который ему подсказал его друг князь Голицын, такой же азартный картёжник, как и Пушкин. Во время написания повести Пушкин вспомнил опыт Шиллинга с электромагнитным телеграфом, где тот применил гальваническую батарею, которая служила источником электричества, под его воздействием в аппарате отклонялись магнитные стрелки. Пушкин применил в «Пиковой даме» мало кому известное слово «гальванизм» – сокращение мышц под воздействием электрического тока, – написав в повести так: *«Графиня сидела вся жёлтая, шевеля отвислыми губами, качаясь направо и налево. В мутных глазах её изображалось совершенное отсутствие мысли, и, смотря на неё, можно было бы подумать, что качание страшной старухи происходило не от её воли, но по действию скрытого гальванизма»*. В спальне старой графини была ещё масса вещей, *«изобретённых в конце минувшего столетия вместе с Монгольфьеровым шаром и Месмеровым магнетизмом»*. Правда, под магнетизмом тогда понимались опыты по внушению гипнотического явления немецкого врача Франца Антона Месмера (1734–1815). Так что Пушкин под воздействием барона Шиллинга в зрелом возрасте старался идти в ногу с техническим и научным прогрессом, который не стоял на месте.

В «Пиковой даме» Пушкин писал: *«Две неподвижные идеи не могут вместе существовать в нравственной природе, так же как два тела не могут в физическом мире занимать одно и то же место»*. И в этом его выражении

явно есть физический смысл, хотя Пушкин физику в лицее не любил, как и геометрию, про которую всё же сказал: *«Вдохновение нужно в геометрии, как и в поэзии»*. Правда, если честно говорить, то *«Вдохновение нужно в поэзии, как и в геометрии...»* – эти строки восходят к известному изречению французского историка и математика Жана Даламбера (1717–1783). Книга Ж. Даламбера сохранилась в библиотеке Пушкина, который в 1827 году записал: *«Вдохновение есть расположение души к живейшему принятию впечатлений и соображению понятий, следственно, и объяснению оных. Вдохновение нужно в геометрии, как и в поэзии»*. Пушкин действительно был умён. Император Николай Павлович в 1826 году, после первого свидания с Пушкиным, которому было тогда 27 лет, сказал Дмитрию Блудову, министру народного просвещения: *«Сегодня утром я беседовал с самым замечательным человеком в России»*. Пушкин с Блудовым был знаком, так как оба были участниками литературного кружка «Арзамас», и до конца жизни поддерживал с ним отношения.

«...Французский посол Барант, человек умный и образованный, один из постоянных собеседников кружка А. О. Смирновой, говорил о Пушкине не иначе, как с благоговением, утверждая, что он – „великий мыслитель“, что „он мыслит, как опытный государственный муж“. Так же относились к нему и лучшие русские люди, современники его: Гоголь, кн. Вяземский, Плетнёв, Жуковский. Однажды, встретив у Смирновой Гоголя, который с жадностью слушал разговор Пушкина и от времени до времени заносил слышанное в карманную книжку, Жуковский сказал: *„Ты записываешь, что говорит Пушкин. И прекрасно делаешь. Попроси Александру Осиповну показать тебе её заметки, потому что каждое слово Пушкина драгоценно“*. Когда ему было восемнадцать лет, он думал, как тридцатилетний человек: ум его созрел гораздо раньше, чем его характер. Это часто поражало нас с Вяземским, когда он был еще в Лицее...» – писал Дмитрий Мережковский в очерке «Пушкин».

ЭПИЛОГ

В мае 1837 года Николай I организует особую комиссию для строительства телеграфной линии между Петергофом и Кронштадтом. В письме к возглавившему её морскому министру князю А. С. Меншикову Шиллинг, дав подробное описание конструкции своего телеграфа и перспектив его применения, замечает: «Описав мой телеграф, остаётся мне поставить на вид некоторые преимущества одного перед ныне употребляемыми: 1) Что быстрота его несравненно больше. 2) Что он действует в дождливые и туманные погоды... 3) Что он во время действия не возбуждает внимания публики. 4) Что он не требует постройки особых высоких башен и содержится весьма малым числом людей и, наконец, 5) Что первоначальное заведение одного стоит меньше, чем в обыкновенных телеграфах».

Что касается телеграфа Шиллинга, то он предложил соединить телеграфом Петергоф и Санкт-Петербург, для чего планировал подвешивать медную проволоку на керамических изоляторах к столбам вдоль дороги. Это было первое в мире предложение современного типа электрических сетей. Но тогда чиновники восприняли проект Шиллинга как дикую фантазию. Генерал-адъютант П. А. Клейнмихель, которого не любили при дворе, но поделаться ничем не могли, так как ему благоволил император, сказал Шиллингу: *«Любезный друг мой, ваше предложение – безумие, ваши воздушные проволоки поистине смешны»*. Правда, смеялись недолго. Первые линии телеграфной связи в 1832–1837 годах сначала соединили между собой помещения Зимнего дворца, затем Зимний дворец с Адмиралтейством. С этого момента началась эпоха электрической связи.

А стихи Пушкина актуально звучат и сейчас, когда в мире неспокойно:

*О чём шумите вы, народные витии?
Зачем анафемой грозите вы России?
Что возмутило вас? волнения Литвы?
Оставьте: это спор славян между собою,
Домашний, старый спор, уж взвешенный
судьбою,*

*Вопрос, которого не разрешите вы...
Иль нам с Европой спорить ново?
Иль русский от побед отвык?
Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды,
От финских холодных скал до пламенной
Колхиды,*

*От потрясенного Кремля
До стен недвижного Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?..
Так высылайте ж к нам, витии,
Своих озлобленных сынов:
Есть место им в полях России,
Среди нечуждых им гробов.*

(А. С. Пушкин
«Клеветникам России». 1831 г.)

Главный шифровальщик царской России барон Шиллинг умер внезапно, с разницей в полгода после гибели Александра Пушкина. Что это – случайное совпадение?..

Источники:

1. Степанов В. П. «Заметки о В. Л. Пушкине».
2. Алексеев М. П. «Пушкин и наука его времени».
3. Дементьев А. Статья «Этот таинственный Доу».
4. Шеваров Д. Статья «Плывёт корабль, как лебедь громовержец...».
5. Гордин А., Гордин М. Путешествие в пушкинский Петербург. – Л., 1983.
6. Павлищев Лев «Мой дядя – Пушкин» (Из семейной хроники. Глава X).
7. Гершензон М. О. «Тень Пушкина».
8. Тыркова-Вильямс А. «Жизнь Пушкина».
9. Яроцкий А. В. «О деятельности П. Л. Шиллинга как востоковеда».
10. Баталов С. К. Статья «Человек, который был верен себе».
11. Макеев А. Статья «Миссия отца Иакинфа».
12. Бичурин Н. Я. [Иакинф] (1821–1849). Письма.
13. Кривцов В. Н. «Отец Иакинф».
14. Соболева Т. А. «История шифровального дела в России».

Валентина КОРОСТЕЛЁВА

БЫВАЮТ ДНИ...

Бывают дни – любой душе награда,
Когда надежда ближе и родней,
И вот уже мы несказанно рады
Листве и солнцу, тонущему в ней!

Такие дни всё реже год от года,
Но ни о чём сегодня не жалеи!
И до чего ж мудра она, природа,
Как гениальна в доброте своей!

...И этот чистый свет над головами,
И ветерок, что прогоняет тьму,
И то письмо с хорошими словами,
Что словно светит сердцу и уму!..

БИЛЕТ

Не дивит биография новью,
Для кого-то поёт соловей...
Убиваешь меня нелюбовью,
Упиваясь любовью моей.

Оглянусь – вот и жизнь пролетела,
Не врачует июльский рассвет...
И уже ничего не поделать,
Просто выпал безбожный билет.

ТО ЛИ, ТО ЛИ...

Всё в холодных перьях небо сине,
Стали горы книг добычей мух...
Что же это делается с Россией?
Выживают всюду русский дух,

Наши песни добрые и были,
Что носили в сердце мы любя...
Чтобы мы самих себя забыли,
Перед Богом предали себя,

Чтоб замкнули уши серой ватой,
Чтобы плакал колокол в тиши...
То ли иноземцы виноваты,
То ли сами очень хороши!

ОТ КРАЯ И ДО КРАЯ

Хоть ещё разок увидеть мне бы
Близь опушки, блещущей росой,
Это фантастическое небо,
Небо перед самою грозой.

Белый, и лазоревый, и синий,
Все цвета – любуйся, выбирай!
Вот она, сама судьба России,
На востоке, в уголке – рай...

Как сказал поэт – не надо рая,
И вбирает память не спеша
Небеса – от края и до края,
С коими сливается душа...

ЕСЛИ ПО РОССИИ...

Вот, казалось, лету далеко не точка,
Нежными цветами не насыщен взгляд.
А уже на ветках жёлтые листочки,
Как предупреждение, тихо шелестят.

Ну а жизнь, конечно, всё в своём походе,
В чьи-то окна снова коршуны летят...
И с коротким летом многое уходит,
Впереди – вопросов неизбывный ряд.

Только среди них – острее всех и главный –
Что надежды наши, проза и стихи,
Если по России – вьюги окаянны,
Если наступают вороги лихи?!

ЗНАЮ, ЗНАЮ...

Мне такая игра надоела:
Обижаешь меня то и дело,
И душою моею играешь –
С днём рожденья, увы, не поздравишь

И закроешь в желанное двери...
И что любишь меня – не поверю.
То молчанье, а то вдруг укоры –
Вот, такие у нас разговоры.

...Я поплачу в душе или охну –
Знаю, знаю, о ком нынче сохнешь.
Я бы думать об этом не стала!..
Если б только любить перестала.

НЕПОГОДИНА

Сто забот и не до отдыха,
Дверь закрой, своё пиши...
Только мало нынче воздуха,
Нет покоя для души.

Жизнь какая-то неполная,
Не поможет и режим...
Убежать куда ни попадя
От асфальта и машин!..

Молодые – больше бродами,
В сердце нет корней уже:
Где познать душою родину,
Где тут вырасти душе?

Жду я августа духмяного,
И поездок, и красот...
Может, с Ясною Поляною
Подружиться повезёт,

Чтоб на сердце непогодина
Не посеяла бы мрак...
Нет природы – нету родины,
А без родины – никак!

ВЕРНЫЕ ДРУЗЬЯ

Пойду на улицу продлить денёк,
Там всё равно светлее, чем в квартире.
И сквер найду, и сяду на пенёк,
Мне дела нет, что там творится в мире!

Там без войны – ни ночи и ни дня,
Там капитал вершит свои капризы,
И, если честно, лично от меня
Там ничего, хоть тресни, не зависит.

И что бы надо, высказать нельзя –
Опять свою навяжут перемогу!
...А здесь деревья – верные друзья –
И выслушают мудро, и помогут.

СУЖЕНЫЙ

Снова охнешь: кругом надувательство,
Разлюбезная эта игра.
И споткнёшься опять о предательство,
И услышишь: «Такая пора».

Но коснёшься душой ветра вешнего,
Встретишь суженого своего
И пошлешь неприятности к лешему –
За улыбку и слово его.

Я ВАС ЗАВОРОЖУ...

Нет, не кокетством, не духами,
Не звоном ярких кастаньет –
Я вас заморожу стихами,
Хотите этого или нет.

И вы опять душой вспоёте,
И затуманятся глаза,
И хоть куда за мной пойдёте –
Вам будет музыкой гроза.

И будет вам легко и просто
Расстаться с прозою земной,
И будут вам послушны звёзды,
Пока вы будете со мной...

ПЕСНИ ВЕСНЫ

Свежая зелень объяла округу,
Лёгким крылом прикоснулась к душе,
Схлынула разом сердечная вьюга,
Вот и слагается песня уже.

Что там, за серою дымкою буден,
Что там созреет в людских головах?
Ясно, вся жизнь, как ни глянь – перепутье,
Всполохи прозы в душе и в словах.

Но на сегодня – долой разговоры,
К чёрту сомненья и к лешему – грусть,
Я обману вас, всегдашние воры,
Песни весны заучу наизусть!

В ДЫМ

Семь десяточков без малости,
Ни годочка не отнять.
Хорошо дожить до старости,
Чтобы многое понять,

И беречь для жизни силушки,
Избавляться от грехов,
И сложить куда-то крылышки,
Доставая для стихов.

А в стихах возможно разное:
Опьянеть от воли в дым
И такие выси праздновать,
Что не снятся молодым!

РЫЖИЙ КОТ

Замирает мышь любая
За листом, разинув рот:
По газону выступает
Раскрасавец рыжий кот.

Он идёт, такой пушистый,
И чудно на нас глядит.
Важно шествует по листьям,
Ничего не говорит.

Он, конечно, всё-то знает,
Что и нам не по уму,
Он присядет, позевает,
Вспомняв ночную тьму.

Сразу видно, кот бесстрашный:
Всякой шавке не спугнуть.
Вот опять – вразвалку, важно –
Продолжает царский путь...

КЛЁНЫ. РУСЬ...

Времена пришли – не до походов,
И давно палатки в доме нет,
А душе до реченьки охота,
Отдохнуть от шума и от бед,

От машин, от всякой вредной сажу,
Что скопилась на житейском дне,
И уже радёшенька пейзажу,
Что в большом красуется окне.

Пышут ненаглядные уголья
Поздним летом, клёном золотым.
Мир ещё пока для счастья годен,
Разгоняет ветер всякий дым.

А вверху, откуда мчит речушка,
Промывая всё, что на пути,
Воссияли маковки церквушки,
До которой хочется дойти

Сквозь аллею задумчивую зелень,
Груз сомнений стряхивая с плеч...
И, конечно, вспомнится Есенин:
Клёны. Русь. Его живая речь.

Вадим НИКИТИН,
г. Камышин

ПУШКИН

Ему мы честь и славу воздаём
как первому из главных, из великих,
кто словом раздвигает окоём
земных путей на их горячем стыке,
на стыке их с дорогами креста,
что пролегают по святым канонам.
Досель недужат горькие места,
где, спотыкаясь, падал он со стоном,
где правило отчаяние им,
где слабину давал он (слабы все мы)
и где порой сомнений сизый дым
мешал решать задачи и дилеммы.
Ему, поэту, гимны мы поём.
И это замечательно, светло.
Но никто не без греха. И пред Христом
творил он покаянные поклоны.
Он – просто Божье чадо, человек.
И значит, всех похвал и пьедесталов
ему нужней, чтоб каждый имярек
молился о потомке Ганнибала.
Ведёт не гениальность в Небеса,
а вера, и любовь, и упование.
Раб Божий Александр смотрел в глаза
сей истине, в глаза её блистанью.
А ежели и не смотрел, тогда
ещё насущней, братья, наша память,
ещё важней молений высота,
летящая над горькими местами.
Внесите же, врачую даль времён,
включите имя это в сердцевины
родимых списков дорогих имён
для кровно-негасимого помина.
И вместе с ним другие имена,
тех, кем земля полынная гордится,
о ком души немолчная страна
всегда зовёт и просит помолиться.

О СЧАСТЬЕ

*Привычка свыше нам дана.
Замена счастью она.*

Александр Пушкин

Привыкаем к тяготам своим –
и они не кажутся такими.
«Вот замена счастью», – говорим,
помянув тепло
поэта имя.
Правда, привыкаем быстро мы
и к хорошему. И дни тускнеют.
В этом случае симптомы тьмы
наше привыкание имеет.
Счастье нам ничем не заменить,
ведь оно – способность и потреба
видеть и невидимую нить,
что к душе от Бога вьётся с Неба.

СОЛНЕЧНОЕ СПЛЕТЕНИЕ

В солнечном сплетении дорог
нахожусь – давно ли, нет – не знаю.
Только ясно: здесь он, мой порог,
всех стремлений точка отправная.
В этой точке вовсе нет брони.
И удар сюда больней намного.
Но от уязвимости хранит
мудрость обрётённого порога.
И считает сердце всё равно
болевой участок местом света,
ибо здесь очам души дано
видеть и малейшие приметы,
замечать и понимать черты
мира невещественных явлений,
где сошлись, наверное, следы
сотен чьих-то солнечных сплетений.
И я наше чувствую родство,
нам ниспосланное, дар бесценный.
И не нужно больше ничего,
лишь бы высь переполняла вены
и вскрывала их лучами дней
ради глубины кровоотдачи.
...Солнечным сплетением путей
удаляюсь от наук незрячих.

ЗАЩИТА

Вселенское, немереное зло
сжимает горло. Никуда не деться.
Но тёплый вздох ложится на крыло
спасительной доверчивости детской.
Дивлюсь я кротости, что так тверда,
и что свеча сильней ночи оскала,
и что фундамент жизни всей – вода,
и что пред нею отступают скалы.
Наверно, я десятки тысяч раз
избавлен тихо от огня и дыбы.
И снова влага благодарных глаз
отодвигает сумрачные глыбы.
Незримо поднят беспощадный меч,
а я вишу на волоске над бездной.
Однако паутинку не рассечь,
не разрубить её клинком железным.
Мне тьма давно бы подвела итог,
да и весь мир ушёл бы, рухнул в небыль,
когда б не тонкий этот волосок,
и не слеза, стекающая с Неба,
и не ладошка робкого крыла,
что в сердце, точно ладанка, зашита.
Душа, идя по краю, обрела,
познала в беззащитности защиту.

КАПЛИ ВЫШНИЕ

Когда я плачу вовсе не от бед,
не от разбитости судьбы-корыта,
а потому, что льётся в душу свет
и рвётся из души в полёт молитва,
когда источник слёз моих – любовь,
иль умиление, или покаянье,
и колокол сердечный вновь и вновь
во мне рождает струи упования,
когда влажны от жалости глаза,
от сострадания,
тогда я знаю,
что это распахнулись Небеса.
И капли вышние благословляю.
Они текут строкой святого дня.
Да плакать я и не могу иначе.
Другие слёзы скрыты от меня.
И мне тревожно, если я не плачу.

ПРИМИ, БОЖЕ!

«Жажду!» –
Ты воскликнул в час Твой страшный.
Так прими же от любви моей
чашу слёз, больного сердца чашу
и раскаянье раба испей.
Сей напиток, что несу к Престолу,
был натаян из полярных льдов.
Для меня полынен он и солон.
Для Тебя, надеюсь, он медов.

АКВАРЕЛЬ

Художник жизни, мне с Тобой
светлы и тёмные картины.
Ты мне в глаза плеснул прибор
восхода и тепло камина.
И посреди судьбы стою,
объятый радостью апреля.
Ты боль нарисовал мою
своей медовой акварелью¹.

ПУТЬ ДОМОЙ

Вроде я в России златоглавой.
ситцевой, берёзовой, седой.
Только нет, отнюдь. Такой неправый,
я далеке от земли святой.
Не по крови, не по документам
чад своих определяет Русь,
а по выси каждого момента.
Так что в сыновья ей не гожусь.
Но пытаюсь дотянуться всё же
до любви, до истины её.
Не могу без колокольной дрожи
сарафанно-песенных краёв.
Там сердца и храмы нарасташку
и ветра в раздумья вплетены.
Рвусь туда, несу души ромашку,
чтобы возвратить корням родным.
Жажду в образах, в очах и травах,
в неоглядных далях утонуть.
И веду, и правлю я, неправый,

¹ При изготовлении акварели применяется мёд как связующий компонент краски.

путь домой, где Небом дышит грудь.
Там и я бы, как могучий витязь,
подпирал плечом вершину дня.
Будете в России – поклонитесь,
поклонитесь Богу от меня.

ВЕЛИКИЙ ПОСТ

Великий пост. Стоим, стоим на нём.
Стоим от века на посту своём.
На страже Неба наш Великий пост.
Стоит Россия. Строго, в полный рост.
Надежду, веру и любовь храня,
стоит Россия, часовой огня,
огня свечи – и больше ничего.
Великий пост. Мы – воины его.

КАЖДЫЙ КАМЕНЬ

Рождена минувшими веками
каждая песчинка там и тут.
Прошлого исполнен каждый камень.
Из былого все пути идут.
Пращуры вокруг стоят незримо
и глядят на нынешних на нас.
Это для меня неоспоримо,
это чувствую во всякий час.
Вижу кадры хроник неотснятых,
как богатыри на подвиг шли.
Вот они дубами в три обхвата
встали, стражи дедовской земли.
Памятью ковыльною воспитан,
красотой былинною пленён,
я – служитель веры неубитой,
веры, в коей пращуров закон.
Отчими тропинками ступаю,
вещие молитвы их пою.
Ну а если нет, то обличает
каждый камень
в кривде жизнь мою.
И благодарю я за науку,
говорящую мне, что неправ.
И целую жилистую руку
богатырской хроники дубрав.

ПО-НАСТОЯЩЕМУ

Шагаю полем. Я сюда пришёл.
Я правда здесь. И травы стелют шёлк,
мне травы стелют свой ковёр под ноги.
Иду, как подорожник, вдоль дороги.
Пусть кто-то скажет: «Выдумал опять.
Куда ему по полю-то шагать,
куда ему, уже едва живому!
Мы знаем, ходит он лишь возле дома».
И говорящий будет в чём-то прав.
Где я – где поле с ароматом трав!
Но я дышу чудесным ароматом,
как прежде, точно в золотом «когда-то».
Шагаю полем и дышу, дышу.
Его в себе теперь, обняв, держу.
И им держусь. И вдаль иду по полю.
Оно в душе, во мне и ширь, и воля.
Невыдуманно, истинно иду,
ловлю ветра, как песни на лету.
Вся Русь идёт со мной судьбой звенящей,
судьбою личной, самой настоящей.

СОЮЗНИКИ

*По словам русского императора
Александра III, у России только два
союзника: армия и флот.*

Об этом я скажу одно:
сие – ошибка, полагаю.
Ведь названы не все, считаю,
союзники страны родной.
Покуда Русь под Небом есть,
природу нашей силы множат
Господь и всё святое, Божье:
отвага, верность, правда, честь...

БУКВА «ЗЕТ»

Я тихий, мирный. Впрочем, очень разный.
Без гнева тоже вовсе нет меня.
Но гнев – он от любви, что сердцу ясно.
Любовь – мой щит и меч, моя броня,
моя гора, зовущая подняться

меня над серым, будничным собой,
зовущая (отнюдь не для оаций)
солдатом быть, всегда готовым в бой.
И я готов отдать и жизнь за эту
берёзовую теплоту и грусть,
за детские судьбы моей приметы,
которые зовутся кратко: Русь.
И посвящаю каждую минуту
любви и братству душ на сотни лет.
Я счастья всем желаю. Потому-то
и ставлю на странице букву «ЗЕТ».

З

Хотя при чём тут буква «ЗЕТ», скажите?
Неужто же в родимом алфавите
достойных символов недостаёт,
чтоб выразить исконно русский код?¹

ПО ФАКТУ БОЯ

К Дню Победы

Как будто был и я фронтовиком,
простым солдатом на войне великой,
войне, чьё эхо – это сердца ком,
исполненный молитвенного крика.
Беззвучный, он горит свечой в груди,
идя навстречу Дню Победы нашей.
А по-другому некуда идти.
И словно шёл и я дорогой страшной.
И точно бы и я погиб, убит
под Минском, Ржевом или Сталинградом.
И стонет память и душа скорбит
о всех товарищах, polegших рядом.
И мы бок о бок, как и в те года,
одной земли сыны, бойцы, солдаты.
Я с вами, братья, хоть и никогда
не воевал – родился поздновато.
Не воевал. Но о любом из вас
могу сказать я как о том герое,
кто, заслонив меня, от смерти спас –
и не как будто, а по факту боя.

¹ В кириллице буква «Д» называется (означает) «добро», «Ж» – «живёте» (жизнь), «Л» – «люди» (главная земная ценность), «Н» – «наш» (наши), «С» – «слово», «Т» – «твёрдо». А «СТ», получается, – «слово твёрдо». Много высоких начал есть и в современной нашей письменности.

БЕССМЕРТНЫЙ ПОЛК

Срок давности у памяти народной
отсутствует, сжимая даль времён,
и ставит на скрижалях Небосвода
глубокие зарубки лет, имён...
...Летят осколки сердца над полями,
где, кажется, как будто бы вчера
свистели пули, бушевало пламя,
гремели взрывы и неслось: «Ура!»
Вставала здесь невиданная сила,
корёжившая вражеский металл.
В бессмертный полк тут запись проходила,
хоть этого никто и не желал.
Никто о славе и не мыслил даже –
о жизни думал, о земле родной.
А смерть багровую сучила пряжу,
и был клубок размером с шар земной.
Но разгорелся от огня чужого
и наш огонь. И тьму ночную сжёг.
И не найдя ни славы, ни улова,
шипя, змеинный сдох, погас клубок.
И снова солнце развернуло знамя.
Лишь только в памяти всё тот же стон.
Летят осколки сердца над полями,
летят несметным перечнем имён.
И, как хоругви, мы несём портреты,
несём в груди и скорбь, и торжество.
Идёт поток преемственного света.
И ни границ, ни сроков для него.

ЧЕГО ХОЧУ

Не хочу я в герои, ибо
не хочу ни врагов, ни дыбы.
И желать никому не стану
обретения славы бранной.
Да иссякнет у мира свойство,
принуждающее к героизму,
да не будет бойцам работы!
Я бы в трусы пошёл с охотой.

ПОНИМАЮ ТАК

Кто в земле, кто попросту не рядом –
сколько вас, кого хочу обнять!
Да и впредь разлуки чёрным ядом,
знаю, будут пульс мой обрывать.
Вот поэтому и драгоценны
все, не удалённые ещё
ни одной дорогой и ареной,
коим сердце потеряло счёт.
Бьёмся мы о стены трудных судеб,
погибаем на своей войне.
Горько. Мы уходим. А по сути –
возрастаем день за днём в цене.
Обнимаю вас, моё богатство,
и по вам, по вам сверяю шаг.
Мы – навеки фронтовое братство.
Жизни соль я понимаю так.

КАПИТАЛ

На прилавке дней, прилавке старом
я – товар, как хлеб или цветы.
Продаю себя. Почти что даром.
Продаю за каплю теплоты.
Переплата – дело здесь простое.
Но, родные, не тревожьтесь! Вам
всё верну монетой золотою,
что звенит в груди. Стократ отдам.
Мне не ясно, я умён ли, глуп ли,
или же и то, и это есть.
Продаюсь, хотя уже и куплен
столько раз, что даже и не счесть.
Подходите, люди, покупайте!
Лишь за кроху доброты – я ваш.
Забирайте сердце, разбирайте
капитал накопленных продаж.

СЕРЕДИНА

Приходят мысли горькие опять
о временах, о том, как жить непросто.
А за окном теплеет благодать.
Там тихий вечер зажигает звёзды.
Он – там. Я – здесь. Но с ним наедине.
Мы слиты. Мы повенчаны. Мы вместе.
Но, впрочем, я, наверно, не вполне
стою на этом, данном свыше месте.
Направо – вечность. Слева – времена.
А я душой посередине, видно.
И мысли горькие, и тишина
во мне живут. Отраднo и обидно.
Слагает в Небесах вечерний храм
поэму свеч. И тают в сердце льдины.
И кланяется золотым огням
моя незолотая середина.

ДЕЛО В ЗОРКОСТИ

Люди ищут ярких впечатлений
часто и за тридевять границ:
в Рио, Дели, Лондоне и Вене,
посреди Афин, Каиров, Ницц.
Ищут в ликах стран, морей и градов –
туры и круизы там и тут.
Только поиски подобных кладов
сердцу мало золота дают.
А кого-то и листок осины,
верю, более обогатит,
чем иных Китай и Сан-Марино,
Ниагара, и Париж, и Крит.
Дело в зоркости. Она – богатство.
Ежели душою ты дитя,
можно обретать, обогащаться,
даже никуда не выходя.

Натали ДОНЧ

Образование высшее. Автор девяти сборников стихотворений.

Имеет публикации в журналах «Наш современник», «Александръ», в поэтических сборниках «Победный май», «Пора в космос», «Яблочный Спас» и других изданиях. Член Союза писателей России.

* * *

Детство военное, детство голодное,
Личики бледные, душеньки скромные,
Синие глазоньки, сердце горячее,
Васенька маленький, холодно, плачется.
Суслики хитрые прятались в норочки,
Вася ловил их, мечтая о корочке
Хлебушка чёрного, хлебушка белого,
Было б хоть яблочко, пусть и не зрелое.
Детство голодное, детство холодное,
Сердца любовью навек обделённое,
Сколько тебе ещё плакать и маяться,
Что же поможет тебе не отчаяться?

* * *

Котелок, инициалы Б. А. К.,
Найденный на вяземской земле,
Не узнаешь, жаль, уже никак,
С кем он рядом был в военной мгле.
С кем он в бой шёл, первый или нет,
С кем не спал и пил горячий чай,
С кем молился, чтоб не знала бед
Родина, любимый милый край.

С кем он вспоминал своих родных,
Побеждая вновь и вновь врага,
С кем мечтал остаться бы в живых
И домой вернуться навсегда...

* * *

За янтарный горизонт хлебов
Солнышко усталое садилось,
И душа в который раз дивилась
Красоте божественных даров.
В сочном изумруде мягких трав
Бегало, резвилось чудо-лето,
Но тревожна чуткая планета,
Грозный ветер в мире повстречав.
Хочется, чтоб мирным был рассвет,
Чтобы не боялось просыпаться
И в прозрачных реках умыться
Наше солнце много-много лет...

* * *

Жизнь её ожиданьем наполнена,
Ожиданьем любимого сына,
Пусть печальна она, но не сломлена,
И любовь её сына хранила.
Все подарки его драгоценные,
Каждый день протирая, целует,
Это весточки трепетно верные,
Что приедет, всегда с нею будет.
Крымский камень, подписанный волнами,
Его подвигом пламенным дышит,
Вечерами пустыми и долгими
Сердце чувствует сына и слышит.
Слабый солнечный свет пробирается
И ложится квадратами на пол,
Но старушка, надеясь, старается
Жить безропотно, в сердце припрятав
Мимолётные дни, что встречаются
В длинном, длинном году так нечасто,
Те цветы, что лишь ей улыбаются,
Что засохли давно, но прекрасны.
Жизнь опять ожиданьем наполнена,
Ожиданьем любимого сына,
И Надежда, и Вера не сломлены,
И Любовь её сына хранила.

* * *

Я не узнаю никогда, как жил мой дед,
Каким он чудом страшный голод пережил,
Как он работал с мамой с самых юных лет,
О чём мечтал и что на свете он любил.
Мне не узнать, весёлым был он или нет,
Любил рассказывать о чём-то иль молчать,
Но он оставил в моём сердце добрый свет,
И я могу порой лишь память обнимать.
Война жестокая навеки молодым
Его оставила на поле под Москвой,
И не увидеть нам его совсем седым,
Ушёл солдат и не вернулся к нам герой.
Он не узнает никогда, как рос сынок,
И не увидит майский праздничный салют.
Дед будет рядом с нами, он не одинок,
И наши души его любят, помнят, чтут!

* * *

Ах поле, Богородицкое поле,
Как много знаешь ты и как молчишь
О русских сыновьях, их тяжкой доле,
В своей душе все судьбы их хранишь.
Ах поле, поле Памяти и Славы,
Под Вязьмой ты бежишь за горизонт,
Твои пути кровавы, величавы,
И над тобой любви небесный зонт.
Ах поле, Богородицкое поле,
Ожившее Евангелие здесь,
Где каждый ветер говорит о боли
И не смолкает память, память – лес...
Здесь «Вяземская – Ратная» икона
В честь павших и пленённых всех в котле
В том сорок первом чёрном небосклоне
На Вяземской, на Вяземской земле.
На ней река небесная земная
И мученики воины идут,
Отечество бесстрашно защищая,
Уходят в небеса, их души ждут.
У Бога живы все, была бы Вера,
Что, как окно, горящее в ночи,
Идут снега, дожди, идёт и время,
Но ты свети, пожалуйста, свети...

* * *

«Обещаю быть в живых...» –
Так писал солдат из боя
В вяземских сороковых,
Пряча в сердце струны горя.
«Свидимся, коль суждено,
Всех вас крепко расцелую...» –
То последнее письмо,
Подарившее благую
Весть, что жив ещё солдат,
Бьёт врага, сражаясь храбро,
Коль придётся, будет рад,
Будет счастлив днём октябрьским...

* * *

Не уходят подвиги в отставку
Вместе с тем, кто совершил его,
Не бывает жизнь всё время гладкой,
Не жалея сердца, как в кино.
Подвиги всегда в строю и в росте,
Память их лелеет и хранит,
Светлая печаль заходит в гости,
Время тихо раны бережит.
Зацветают ирисы, тюльпаны
В честь ребят, что землю сберегли,
Утренние мирные туманы
Шепчут им: «Спасибо, что спасли».

* * *

Не забывай, солдат, что ждут тебя
Твой отчий дом, тепло родных и близких,
И, каждый колосок земли любя,
Ты в сердце береги рассветов искры.
Сражаясь храбро на полях войны,
Ты помни тех, кто молится и верит,
Тепло той жизни бережно храни
И чаще вспоминай про детства берег.

Екатерина КАРГОПОЛЬЦЕВА,

член Союза писателей России,
г. Кострома

* * *

Влетела бабочка в окно.
Меня совсем не замечая,
Порхала солнечным пятном
Над кипой книг и чашкой чая,
По горсти брошенных конфет...
И ей в безмолвном царстве книжном,
Казалось, вовсе дела нет,
Что я слежу за ней недвижно.
Беспечной радости полна –
И своевольна, и дичлива –
Кружила в комнате она
И мнилась мне почти что дивом.
...Нарушив мой дневной покой,
Легко скользнула в полог белый
Гулявших штор, а я с тоской
До темноты в окно глядела.

ЛЕТНЕЕ

В бессвязном шёпоте ночном,
Совсем не следуя приметам,
Вошло легко в мой сонный дом
Преград не знающее лето.
Ликуя, радуясь, оно
В счастливом бреде – стоязыко!
И разве важно, как давно
Здесь тихо горе кто-то мыкал?

Глядит в глаза, глядит, глядит...
Щебечет рифмы не смолкая.
Как будто хочет, чтоб гранит
В душе моей, как лёд, растаял.
И я – притихшая – молчу.
В окно сочится свет пунцовый...
Ну что ж, стоокоое, врачуй!
Тебе довериться готова.

* * *

Нещадно льёт... Кружат ветра,
В неистовстве беснуются.
Такая хмарь стоит с утра –
Не выглянешь на улицу!

Сентябрь сменил свой нрав. И вот –
Осенняя сумятица...
И будто всё в водоворот
Бездонный этот катится.

Но в дикой битве двух стихий,
В дурном её гудении
Придут негаданно... стихи
И станут вдруг спасением.

* * *

Сегодня дождь по-варварски беспечен...
Он безоглядно шествует повсюду
И льёт печаль на головы и плечи,
Кривя зонты шагающего люда.

По всей земле – больной, осиротелой –
Разносит грусть ноябрьского бесцветья,
Стучит в дома, благуя; то и дело
Пускает в ход невидимые плети.

О, как легко с уныньем этим слиться
И раствориться в темени до срока –
Из жёлтых окон призрачные лица
Глядят в упор на олово потока...

И каждый жив как будто бы отчасти,
В безмолвных муках странно леденя.
Но чем дурней осеннее ненастье,
Тем тяга к жизни всё-таки сильнее...

* * *

Лёгкой тенью бестелесной
В странной яви полусна
Ангел Божий, светлый вестник,
Встал у тёмного окна.

И, познавши дух недужный,
Всё глядел в мои глаза,
Выстилая белью व्यужной
Невозвратный путь назад.

...Я, смиренная, молчала.
Тишиной со всех сторон –
Безглагольной, небывалой –
К сердцу шёл церковный звон.

ЛЮБОВЬ

Разгадай попробуй,
 как она
Вдруг поселится в душе неожиданно,
Огневицей – до потери сна –
Выжжет всё, как недруг окаянный.
Ход часов замедлит,
 и легко
Власть свою над сердцем беспокойным
Явит, и поранит глубоко
Пулей позолоченной
 разбойной...

* * *

Всё будто канет в долгое безвременье,
Когда опять ночная маета
Изъест огни тускнеющие теменью
И в дом войдёт за мглою пустота.

Но сна не будет...
 Горькая бессонница
Возьмёт своё, и сквозь громаду лет

В тягучей бездне сердцу вдруг откроется
Минувших дней давно забытый свет.

И вспомню я несказанное, тайное...
Твоё лицо и злой метельный снег...
Прости меня и те слова случайные,
Мой человек, любимый человек...

* * *

Ошибка... Случайность. Бездумное слово –
Простить бы, забыть... Но душа, негодую,
Страдает, ей горько. Она не готова
Оставить в минувшем нелепость такую...

«Да сущая глупость, – промолвишь ты. – Право,
Какая обидчивость! Вот ведь гордыня...»
А я после этой словесной отравы
Молчу, говорить не умея отныне.

* * *

Выщвели звёзды над сонной теменью,
Мрак на земле – не видать ни зги.
Тихо... Как будто течение времени
Вдруг повернулось к мирам другим.
И, будоража виденья памяти,
В этой крошечной тягучей мгле
Прошлое то обернётся заметью,
То вострепене́тся огнём в золе...

* * *

Сердце горит,
как пламя,
Бьётся – хоть душу вынь!
Сброшенными стихами
Плавит
земную стынь.
Не подходи!
Не трогай,
В холод людской маня, –
Будут в груди ожоги
От моего огня...

СИБИРСКИЙ ПУТЬ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО ХОЖДЕНИЕ В КАРАКОРУМ

**Анатолий
ОМЕЛЬЧУК**

Когда началась Сибирь-Россия? Какого летоисчисления русская Сибирь? Для всякого задумчивого, думающего сибиряка – немаловажный вопрос. Вроде спорить-то и не о чем. После похода Ермака и началось сибирское покорение. Европейские русские нападали, а азиатские сибиряки оборонялись и покорялись. Так? Год известен – 1581-й. Кто ж осмелится оспорить или хотя бы усомниться в «Покорении Сибири атаманом Ермаком», что так красочно живописал великий сибиряк Василий Суриков?

Но почему же у московского государя Иоанна IV Васильевича Грозного уже с 1555 года

среди его многочисленных титулов имелся и такой: «Всея Сибирских земель повелитель»? Царь Грозный, принимая Ермаково подношение сибирской землицей, что, совершенно забыл, что великий воин и владыка Сибирского ханства Едигер именно в 1555 году совершенно добровольно вошёл в состав его Московского царства? И стал платить дань-налог в московскую на ту пору скудную казну?

Дело давнее. У царя Ивана с памятью всё в порядке, но кому-то из царедворцев такая интерпретация хода событий активно не нравилась. Такое богатое приобретение да без победы Москвы над азиатскими басурманами! Хозяева Ермака, ловкие уральские промышленники ушли графья Строгановы, и назначили атамана «покорителем» Сибири. Сам богатырь Ермак здесь ни при чём, он к тому времени уже упокоился на диком берегу Иртыша в тобольской землице. Но кто сегодня станет разбираться и различать реального атамана и Ермака-миф? Миф очень красивый: Ермак – лидер народно-казацкого освоения сибирских пространств до Тихого океана. Миф «Ермак» послужил России и ещё послужит: красивая легенда всегда сильнее голой реальной правды.

Тем более что обретение Сибири Русью-Россией началось куда раньше. На 333 года.

С чего начинается родина? Солнышко встало.

Солнышко встало, солнышко вошло на востоке и покатилося на закат. И родина началась. На восходе. Ты проснулся, а солнышко встало. Ты, как родина, начинаешься с восхода.

«И ходи святой Александр в Канович...»
Случайная летописная строчка? Главная строчка российской истории! Какой Александр?

А кто знает? Кто помнит? О чём это? Когда? Куда? Что за Канович?

Поздновато попался мне на глаза список Лаврентьевской летописи. Строчка оттуда. Интрига началась. На современных картах никакого Кановича мы не отыщем. Русские летописцы так записали Каракорум. Каракорум? Да это же ханская ставка самого Чингисхана – повелителя Вселенной. Хан, Каан... А ставка – Канович.

Любое путешествие – это размышление. Путешествие мысли. На колёсах или с рюкзаком за плечами. Я сам себе не поверил, когда мне это взбрело в голову: моя родная Россия – изначально! – от Тихого океана до Атлантического. Изначально. В Божьем помысле, в Божественном замысле, в небесной идее России. Вовсе не по расхожему ломоносовскому – России «прирастать» Сибирью и сибирской Арктикой. Не прирастать. Азиатская Сибирь – азиатская Россия – изначально. Восточная Россия. Западная – Московское царство, прежде Киевская Русь. Они – запад и восток России – не отдельно, они сразу вместе, единое целое, будущая Российская империя. Никаких механических прирастаний. Ментально – в Божьем промысле. Может, в Божественном произволе. Я понимал, что это – мозговые заморочки, умствования на запоздалое неприятие навязанного расхожего «Сибирь как колония». Чего-то не хватало. И тут мне пришёл на выручку Александр Невский. Тот самый, святой, со своим хождением («ходи») в Каракорум. «Русский улус», «Славянский улус», Орос-улус Великой империи Чингисхана, где не просто ментально, а фактически существовало общее государство. Со столицей Каракорум.

Мы, советские школьники, да и наши предшественники, воспитывались в каноне: татаро-монгольское иго – беда Руси. Однозначно. Подлинная сложная достоверность – крамола. Но кто усомнится в святом и благоверном? Александр Невский. Безусловное и безупречное «лицо России». Главный национальный герой. Родоначальник современной России. Русский лидер безупречной репутации. Неоспоримо. Государственный муж. Государственный мудрец. «Номер один» тысячелетней России. Стратегический князь.

Конечно, я помнил, что великий князь господин Новгородский Александр добирался и до моей родной Сибири, совершил вояж – государственное путешествие, государственный визит аж до самого Каракорума. Но это мельком, мимоходом – советские историки ни своё, ни моё внимание не заостряли и на азиатских маршрутах Александра не акцентировались.

Зачем на другой край света в 1249 году ехал молодой победитель беспощадных тевтонов Александр? Он же не просто шведских ландскнехтов и немецких псов-рыцарей разбил – европейскую агрессивную орду. А едет в Каракорум – столицу мировой Орды Чингисхана и его наследников. Князь только что похоронил отца, нашедшего свою смерть после посещения Сарай-Бату в Золотой Орде. И вернётся ли сам живым из Каракорума – ни ему самому и никому не ведомо. Но чтобы мудро править на родине – во Владимире, Суздале, в Киеве и Новгороде Великом – он должен получить «небесный ярлык» в Каракоруме.

С большим лишком год, почти два, будет длиться этот азиатский маршрут будущего великого князя. Александр получит «небесный ярлык» на княжение. Великий князь «Киевской и всея Руси» и первый гражданин-господин Новгородский. Он получает не только печать первого правителя, но – что важнее – благословение азиатского Неба на власть.

Что демонстрирует этот дальновидный, но явно трудный шаг Невского? Неизбежность? Покорность? Смирение? Слабость? Синдром побеждённого? Я хочу понять его логику, вникнуть в княжеское размышление. Его собственную прозорливую, дальновидную, перспективную логику. Летописцы и историки, пожалуй, простят великому государственному мужу эту вынужденную покорность. Профессионалы-интерпретаторы, скрипя зубами, простят, но, скорее, не примут. Негоже русскому государю унижаться даже перед владыкой Вселенной ради «мандата Неба», поддаваться принуждению к союзу с сильнейшим. Свирипой Ордой. Лучше забыть, запечатовать, представить мелкой случайностью, временной слабостью великого лидера.

Но сам-то Александр Невский? Он что – топтал собственную русскую гордость? Великую славянскую гордость? Княжеское достоинство?

Но если понять логику князя Александра – рано или поздно поймёшь и логику стратегии России. Русь, становясь азиатской страной, в будущем получала мандат на Российскую империю на двух континентах – в Европе и Азии.

Дальновидно и через века смотрел на судьбу своей родины этот молодой ещё человек. Мудрость выше гордыни. Мудрость – высшая гордость.

Князю Александру на ту пору всего 27 лет. Время отваги, возраст мужества, неуправляемо опрометчивой решительности. Побеждают рискованные. И на Неве, и на Чудском озере. Но... Всего 27! Он отчаянно молод. Да, но, пожалуй, только в эти годы и можно быть столь отчаянно мудрым. Отчаяние – мать мудрости? Государственная мудрость обязательно требует молодого мужества. Всадник решился. Мужество и мудрость его не подведут. Будь что будет? Нет, будет так, как подсказывает его мужественная мудрость.

Я – азиат в первом поколении, но на судьбу своей страны смотрю именно из Азии – из российской Азии. Русь с Сибирью, Сибирь с Русью началась именно при Александре Русском, в далёком XIII веке, в его середине, после княжеского трансконтинентального путешествия.

А царь Иван Грозный, присовокупив к Московскому царству ханства Казанское, и Астраханское, и добровольно примкнувшее Сибирское ханство, продолжит традицию великих азиатских империй – дарованную по «небесному мандату» власть.

Я ещё сам не привык к собственной мысли: Россия ментально, в Божественном замысле, изначально и сразу задумывалась как единое целое трёх океанов – от Великого до Атлантического и океана Северного полюса. Творец не учитель географии и, пожалуй, не знал имён континентов, ни Европы, ни Азии. Россию он замыслил как единый континент, это уже потом дотошные административные географы начнут рисовать границы. Для меня совершенно ясно: Провиденье вело под уздцы коня всадника Александра – с него исторически начинается Россия в Сибири.

Не страшно ли мне самому в своём размышлении? По правде – страшновато. Александр Невский и для меня – пример державной гордости. А надо же усомниться во всех его достоинствах. На поклон – к врагу, к «поганому» захватчику, надменному язычнику. Так

нас учили... А где ж она, гордость первых великороссов?

В современной геополитической лексике империя Чингисхана – это союз государств. Ханств, княжеств, улусов, каганатов, эмиратов. Среди которых – часть Поднебесной. Среди которых и «всяя Руси» Орос-улус.

Хождение Александра в Каракорум – это, да, не без некоторого принуждения обстоятельствами, вхождение в союзное государство. Понятно, Александр Мудрый добровольно согласился платить в союзный бюджет. Тогда это называлось – ясак, выход, дань. Но у этого союзного государства существовал обет защиты от внешней угрозы, и по крайней мере на век вперёд Русь надёжно была защищена союзным договором о совместной обороне имперских рубежей от европейских злыдней.

Но даже не это главное. Главное: Россия – это Европа и Азия. Изначально. Мне, азиату в первом поколении, это чувство необходимо. Ведь я же размышляю, может быть, о главном событии изначальной единой, евроазиатской истории России.

Геополитический термин «Сибирь» тогда ещё неведом, но империя Чингисхана – Восточная, Монгольская, Сибирская империя со столицей в северомонгольской, южносибирской ханской ставке (Канович!) Каракоруме.

...Мне 75. Я уже перешёл с казённой теле работы на вольные хлеба. Свободный художник – сам по себе. Я уже написал всё, о чём размышлял, думая об Александре. Но пазл, кажется, всё же не складывается. Я же не побывал в Каракоруме.

Значит просто – ты ничегошеньки не представляешь: зачем и почему историческое хождение Александра. Вдохнуть воздух Великой степи. Разве не ветер из Великой степи навевал его мудрый подвиг? Как это было, где происходило? Место действия. Сибирь XIII века.

Чтобы проделать дальнее, долгое, обречённо-трудное путешествие, наверняка его надо совершить сначала мысленно. Отвага мысли поважнее бесстрашия последующих поступков.

Это для меня загадка: каким путём в Каракорум шёл молодой князь? Мрак. Тьма, мгла

веков. Сам-то Александр Ярославич, понятно, был посвящён и просвещён: куда идёт, как идти, какие угрозы несёт каждая степная верста, какие опасности на пути, что обязательно брать с собой.

Зачем гадать и придумывать, как выглядел государственный обоз княжеской посольской миссии? В дальней дороге всякий из нас показывает чудеса расторопной изобретательности и приспособляемости: сам себе повар, лекарь, брадобрей, ратник, водонос, охотник и защитник. Больше никому.

Не побывать в Каракоруме, не пройти следом Александра Ярославича, не снять задуманный «докфильм»... Жизнь теряла смысл.

Обязательно. В Каракорум. Шагом марш! Я решил. Но началась всемирная пандемия. COVID.

Я захворал. Хворал тяжко. Онтологически. Жить – не жить... Бытие перестало интересоваться.

Выкарабкивался долго. Устал. Смертельно. Смертельная усталость – щадящая репетиция смерти. Всё – всё равно. Оказывается, смерть милосердна и милостива. Она подготавливает смертным равнодушием. Бессмертная душа устала от смертного тела.

Я выкарабкался. Не прибрал Господь. Оставил. Я задумался: «Почему оставил? Зачем?»

Ответ прозвучал ясно: «Каракорум. Ты же ещё не добрался до своего Каракорума. Твоя жизнь ещё вполне не состоялась. Иди в Каракорум».

Путешествие в прошлое, пожалуй, интереснее, чем путешествие просто. Время и пространство пересекаются.

Напрашивался маршрут по следам Александра.

И тут выясняется, что я уже давно, добрый десяток лет, следую его азиатской дорогой. С тех пор как взялся за необъяснимый телесериал «Сибирь – сон Бога». Александр северный Алтай проходил? И я его облазил. Уймонская долина. С Белухой у горизонта. Чёрный Ануй с Денисовой пещерой. Плато Укок, Телецкое озеро, обское Триречье. Истоки Тобола, Ишима и Иртыша. Хребты Саянские с истоками Енисея.

Сакральный массив Ергаки. Хакасский «Сотый перевал». Бурятские толгои. Долина золотого Аржаана и степная Тыва. Я уверенно шёл путём Александра, не догадываясь об этом.

О чём должен быть фильм? Конечно, о пути Руси в Азию, о дороге Александра в Каракорум. Были ли тогда такие пути? Понятно, всадники Чингисхана мчались на Европу Великой степью. А как добирались в Каракорум торговые караваны персов, китайцев, хазар? Главная магистраль северного полушария планеты, Великий шёлковый путь, тысячелетия соединявший Азию с Европой, в Александровы времена, понятно, существовала. Но князь, скорее, выбрал дорогу поскромнее, потише, покороче. Самым северным шёлковым путём была Калмыцкая сакма, Калмыцкий «отход». Почему именно калмыцкая? Предки современных калмыков к себе в нынешний поволжский Прикаспий веками из Срединной Азии шли именно своей Сакмой.

Десять лет с Эдуардом Улыбиным мы снимаем документальный телесериал «Сибирь – сон Бога». Большею частью по местам Александрова маршрута. Оказалось, что большая часть фильма уже снята. Оставался Каракорум.

Интересно, а какой походный отряд был у нашего князя?

Понятно, все – всадники. Послы не паломники, пешеходом до Каракорума не дойти. Конечно, отряд невелик – княжеский конвой. Каждый на счету. Штучно. Дорога долгая и неведомая. И пекарь – воин, и лекарь – воин, и шорник – вояка, и кузнец – воин.

Обоз – провиант, заболевшие, больные, подарки хану. С пустыми руками придёшь – пустым и уйдёшь. Если уйдёшь.

Всегда готовы к бою и битве, хотя наверняка и ханские конвой-охрана были. Важный князь, важное посольство далёкого улуса. Орос.

Мировая пандемия преградила нам путь в Каракорум на полных два года – карантин в Монголии установили свирепый, честнее китайского. Граница на коронном замке. Бесконечный год за неподвижным годом. Два.

Монголия открылась почти неожиданно. Медлить нельзя, и я призвал своего славного

московского шефа, командира региональных телекомпаний России Рифата Сабитова, на помощь. Он тут же при мне позвонил в Улан-Удэ, в подведомственную ему ГТРК «Бурятия».

– Дмитрий Игоревич, тут у меня твой коллега из Тюмени. Ему надо к твоим соседям – к Чингисхану, в Каракорум. Омельчуку нужен погонщик верблюдов, экипаж с водителем, проводник – знающий толмач. Поможешь?

На другом конце ответили положительно.

– Сам бывал в Каракоруме?

Из Улан-Удэ, видимо, ответили отрицательно.

– Стыдно, – укорил Сабитов. – Но не всё потеряно. В общем, помощи. Назначаю лидером каравана.

Бадмаев – фамилия в Бурятии почтенная, чтимая, дала много великих земляков – учёных, купцов, государственных мудрецов. Коллега Дмитрий Бадмаев чести фамилии не посрамил. Степняк – всегда джигит. Если даже «под седлом» – джип «Икстреил» не самого юного возраста. Трасса Улан-Удэ – Улан-Батор, безусловно, скоро получит высший международный статус, но на нас пришёлся затянувшийся ремонт. Так что сотни три кэмэ Дмитрий за баранкой бывалого испытанного «Икстреила» демонстрировал виртуозное мастерство автоскачек по нехоженным степным толгоям, холмам, оврагам, горкам и пригоркам. Какой же Каракорум без дорожных испытаний? Наш конь не споткнулся.

Толмачом-проводником у нас почтенная Баирма-гоа – самая популярная ведущая самых популярных передач бурятского телевидения. Передачи, естественно, об общих планетарных корнях здешних азиатских народов. Все наши философские беседы с мудрой Баирмой крутились возле одной проблемы: что же означает это, скорее всего, в монгольском языке не существующее слово «Каракорум»? Звучное слово – явно давняя русская огласовка: ни монголами, ни бурятами не произносимая. Баирма-гоа склонялась к версии «чёрная крепость». Меня больше устраивало «чёрные камни». Выразительнее же звучит: чёрные камни русской истории.

– Слово «чёрный» в этом контексте, – горячилась спокойная Баирма Дондуковна, – никакого негативного оттенка не содержит.

Объясняла, и я соглашался:

– Кара – это не просто тёмный, но – волшебным тёмным свет плотных вечерних сумерек. Солнце уже закатилось, но тьма ещё не пришла: волшебное послезакатное время. Хара.

Как не согласиться с мудрой женщиной! Чёрные камни русской истории можно различить только в вечерних сумерках спускающейся волшебной тьмы Великой степи. Хархорин. Каракорум.

Зря мы говорим «тьма веков». На самом деле – свет давних веков. В крайнем случае – волшебные сумерки. Ночь над степью. Мерцающее прошлое...

Всадники мчались? Или устало брели? День за днём. Весна. Лето. Осень. Зима. Весна.

Монголия – это ветер. Простор и ветер. Непрекращающийся ветер. Несмолкающий ветер. Здешнее пространство – земля ветра. Степь создана для дорог. Да, пожалуй, степь уже и сама – дорога. Дорога человечества. Дорога свободы. Степь да степь кругом. Вольная душа. И за горизонтом степь. Степь без горизонта. Когда-то здесь стоял Каракорум. XIII век. Середина. Пески времён... Песок степи – волны океана. Пески забвения. Время вечных песков скрыло следы Каракорума и великой ханской империи. Только пески. Никаких следов. От великолепного Каракорума не осталось ничего. Просто ничего.

Современный Хархорин не очень презентабельный степной городок – центр аймака. Если бы не старинный, XVII века, монументальный дацан-кремль, о былой столичности ничто бы не напомнило.

Но музей Каракорума – превосходный. Главная его драгоценность – макет-реконструкция чингисхановской столицы именно XIII века. Конечно, картонные домики не передадут столичного великолепия, но восточный пафос и скромную роскошь тщательная реконструкция являет: это не просто ханская ставка монголов, это действительно столица тогдашнего обитаемого мира.

Сам я не могу определиться и прошу Баирму-гоа поискать христианский квартал в макете-Каракоруме. Она ходит кругами у макета и наконец-то находит. Православный храм, торговые славянские ряды, избы русской рубки. Скромно, но достойно. Славянский квартал вписан в многонациональный столичный полис.

Баирма о чём-то спрашивает музейного гида, и вдруг в монгольской речи моё ухо улавливает – «Тюмен».

– Что она сказала про Тюмень?

Баирма-гоа честно смеётся.

– Про Тюмень – ничего. Она рассказывает, что «небесный ярлык» князю Александру вручали, скорее всего, во дворце хана Угэдэя. Дворец назывался «Тюмен ам галант». Десять тысяч лет благоденствия. Монгольские «десять тысяч» по всей тюркоязычной Азии – «десять тысяч».

По дороге я рассказывал, что моя внучатая Тюмень – это тюмен (десять тысяч) боевых всадников для конницы Золотой Орды. Скорее всего, Александр получал великокняжеский «небесный ярлык» – каана «всея Руси» – в каракорумском дворце Удэгэя.

Тюмен. 10 тысяч лет. Как Александру произнёс толмач это слово? Тюмен? Тюмень? В общем, и это без всяких излишних фантазий на нашу с вами, дорогие тюменцы, радость – Александр знал: он в тюмен'е.

– Я в Тюмени!

Он слышал, он знал – Тюмень. Хорошее пророчество и для нас, тюменцев. Каракорум гарантирует: 10 тысяч лет благоденствия алёнушкиной Тюмени.

Кстати, это можно использовать как приветствие:

– Тюмен, друг. Десять тысяч лет благоденствия, друг!

– Тюмен, Тюмень!

Как согрело ухо тюменского деда это нечаянное монгольское мягкое «тюмень».

Может, и в Каракоруме я так по-сумасшедшему безумно стремился, чтобы услышать эту нежность вечности – «тюмен ам галант».

Никогда в истории Русской земли государь настолько надолго не отлучался от своего княжеского престола. Рисковал князь.

И впереди, если что, – казнь, и позади, если что, – смута.

Самое сложное: нет в отечестве профессионального пророка прошлого. Я могу честно фантазировать и предаваться своим заблуждениям. Мне, дилетанту, никто не запретит. Но никогда не помешает свои озарения-заблуждения соотнести с мнением знатока-профессионала. Конечно, профессионалу непросто – он работает в каноне и обязан опираться на какие-никакие факты – даже если их негусто, а то и вовсе нет.

Да, самым сложным для нашего телефильма оказалось найти знающего профессионала-специалиста по русскоазиатскому Средневековью. Обыскали всё отечество. Гулко отзывалось: никто русскими в Каракоруме не занимается. Восточного-то знатока удалось найти быстро: Олег Сергеевич Ринчинов. Он математик, но защитил докторскую по истории, осуществляет научное руководство академическим Центром ксилографии и восточных рукописей. В своё время он меня вывозил на Меркитские ворота, приоткрывая простор Великой степи и тайны рождения прекрасной сибирячки Оэлуи, матери Чингисхана. Улан-Удэ. «Красный» город. Другого знатока нам удалось разыскать в «святом» городе – Санкт-Петербурге. Директор института истории и гуманитарных наук в знаменитом Герценовском педуниверситете (набережная Фонтанки, Строгановский дворец) Роман Александрович Соколов несколько своих работ посвятил Александру в Азии. Соколов – большой профессионал в традиции, но в этом вопросе, пожалуй, не особо в официальном каноне. Вырывается за границы дозволенного профессионалу.

С их помощью я и проложил сибирский вариант пути хождения Невского. Дилетанту хорошо. Отсутствие фактов позволяет ему предполагать самые невероятные версии. Они недоказуемы, но неопровержимы. Опровергнуть их никто не может – фактов нет. Кайф вдохновенного дилетанта – уныние умудрённого профессионала. Всё, что нельзя опровергнуть, – правда.

Но всё же какая дорога вела в Каракорум? Понятно, стопроцентно мы никогда не докажем

достоверный маршрут русского вооружённого посольского конвоя. Но косвенно... Косвенные улики всегда обнаружатся.

Сибирский вариант. Прямую линию, понятно, не проведёшь – впереди степи, пустыни, горные системы, плато, мощные озёра, быстрые потоки и истоки великих рек. От прикаспийского Сарай-Бату (по современным геомеркам это город в Европе, полсотни километров от границы с Азией) долгая киргиз-кайсацкая степь до озера Зайсан, север Алтайской горной системы, истоки длинных рек – Ишима, Тобола, Иртыша, Катунь, обское Триречье, плато Укок, Телецкое озеро, Абаканский хребет, истоки Енисея: Бий-Хем и Каа-Хем, наверняка монгольский брат Байкала озеро Хубсугул и... там, вдали, за быстрым степным горизонтом, сам Каракорум.

Если предположить, что на своём пути княжеская дружина Александра пересекала Чёрный Ануй, шла его долиной, то сибирскому варианту попросту нет альтернативы. Путь Руси в Азию совпадает с распространением человечества в северные пределы полушария. Ведь долина Чёрного Ануя – это и Денисова пещера, где найдены следы самого древнего сибиряка, сибирская стоянка альтернативного человечества.

Предопределённый путь. Главные дороги человечества. Магистральный путь России в Азию.

В предместьях Улан-Батора (два конных перехода) создан мощный мемориал повелителю Вселенной Чингисхану. Монголы не стыдятся своего великого предка. Гордятся. Монгольский хан – человек тысячелетия. Когда глядишь в глаза Чингисхана... В глаза – Чингисхану. У этого мощного монумента есть особенность: Чингисхан здесь – с глазами. Глазастый. Обычно у монументальных скульптур глаз нет. Индивидуальных глаз – нет. Так, общечеловеческое обозначение. Чингисхан на своём месте – с глазами. И можно заглянуть ему в глаза. Он видит тебя. Может, даже кивнёт, подморгнёт. По глазам: Чингисхан – мудрец, воин, нежный мужчина. Мудрый правитель. Сильный мощный воитель. Хитрый соблазнитель. Простодушный нойон. Великодушный повелитель.

Когда хоронили Чингисхана... По обычаю вождя хоронят в степи. Его тело сопровождает специальный конвой. Но конвой никогда не возвращается. Никто не знает, где похоронен владыка Вселенной. Великая степь – могила Чингисхана. Не ищите могилу повелителя Вселенной. Планета – его могила. Он зарыт в земной шар. Это самые точные координаты. Где-то здесь, в степи, в Великой степи. Он – не прах, не жалкая горстка праха, он – земля. Он – эта земля, эта степь, Великая степь. Он становится землёй, а его земля – землёй Чингисхана.

Монголия – это ветер. Простор и ветер. Непрекращающийся ветер. Несмолкающий ветер. Здешнее пространство – земля ветра.

Степь создана для дорог. Да, пожалуй, степь уже и сама – дорога. Дорога человечества. Дорога свободы. Степь – это простор и свобода.

Степь – это путь. Степь – это только вперёд. Степь – это седло. Степь – это на бегу. Даже так: на лету. Степь – это стрела. Степь – неукротимое движение.

Чтобы вжиться в логику князя Александра Ярославича, я сочинил – для себя – несколько его монологов. Наверное, человеку века XXI трудновато в эту логику вжиться, но кто мешает попробовать? И главное: кто опровергнет авторский волюнтаризм?

Километр за километром. Много времени для размышлений. Можно поразмышлять не только о себе. Я взял на себя смелость поразмышлять вместе с Александром. Я же предупреждал: это он сам лично мне поручил каракорумскую эпопею.

МОНОЛОГ АЛЕКСАНДРА

Сарай-Бату, Каспийская степь

– Где родина? Откуда начинается? Да там, где солнышко встаёт. Я встречу солнцу иду, и родина продолжается. Не кончается родина. Там, за Каракорумом, говорят, океан Великий, из которого наше солнце верняком и выкатывается. Наше русское солнце – на восходе.

Боюсь чего ли? А чего уже бояться? Коли дорогу выбрал – назад ходу нет. Встречь солнцу.

Даст Бог – союз составим. Монголы – народ не жадный, и царь их свою долю знает. Только слова надо держаться. Сказал слово – держи. У великого хана слово – крепче сабли, метче стрелы, надёжнее огня.

Погибель Руси с восхода никогда не придёт. Угроза там, где солнце заходит. Оттуда всё – темное солнце заката. Кара-Солнце. Встречь... И солнце. И океан.

Берег Иртыша. Дикий берег. Истоки. Монгольский Алтай

– Неширокая речушка, но течёт, говорят, далеко. Иртышом называют. Землерой. В океан скатывается – вечно Ледовитый. Тайга по берегам непроходимая. Длинная тайга, дольше, чем степь. А уж, кажись, длиннее и больше степи ничего не придумаешь. А и там, за тайгой, народы живут. Морозно, зябко, даже солнышко не всходит полгода, а они ничего – свой оленый скот пасут, кормятся и живут. Отважные народы, отчаянные. Своим живут, на чужое не злятся. Простор – это свобода.

Мы ещё половину своего пути не минули. Удивительные края! Чего я боялся? Дикое место? Но здесь даже зверь на человека по-человечьи глядит. Зорко. Когда тесно народу – сам зверьём становится, завидует, бесится, отнять хочет, убить, чужим завладеть. У нас на Руси почему брат на брата, сын на отца,

внук на деда? Буйна славянская кровь, бешена, бурлива. Своё право знают, чужого ведать не хотят. А как усмирить? Как успокоить? Порядок Руси нужен. Распорядок. Вон Чингисхан какую обширную страну изобрёл, а порядок держится. Всем своим богам его народы молятся, а хану великому – одному.

Так, брат Иртыш?

Берег Иртыша – путь назад

– Не власть на Русь везу – мир везу. Сильная власть – это всегда мир. На силе мир держится, а не на слабости. Мир Руси нужен, только мир.

Монголы – хорошие товарищи, слову не изменяют. Только сам не обманывай, этого не терпят. Жестоко не терпят. Договорились по справедливости. Защита – это же работа, а всякая работа цену знает. Хан цену не завысил, просил только срок соблюдать, выход-ясак вовремя передавать. Непросто это на нынешней Руси, ох, непросто. Но не обедняем. Дороже обойдётся, коли тевтонам уступим. Жадны зело, пощады не ведают. Монголы, понятно, себе на уме, но более простодушны, не столь коварны. Только не обмани. Тогда... Обычай у них такой: главный грех – предательство. Свой ли предал, другой. Мне поверили, как товарищу. Смелый смелому должен верить. Удалось! Тяжело всё, но в Каракоруме удалось. Главное удалось. В главном сошлись: друг дружку союзно выручая, всё по правде. Ведь в чём Бог? Говорят: он в силе. Он и в силе, но поначалу он в правде. Бог, он в правде.

Так-то, брат Иртыш. Мы с тобой, брат, нынче одной страны. Где она начинается, где кончается? Где твердь заканчивается – и на восход, и на заход, и на север – везде эта страна. Быть Руси такой. Запомни, Иртыш, – до самого своего устья, до океана.

Видение Новгорода Великого

– Что получает Русская земля? Покровительство неба Азии, покровительство великой Орды великого хана. Усмирится, слава Богу, Русь. Усмирится и устремится.

О ком думаю? Думаю – о ком? О ближних? О дальних? Чувствую, юная моя Русь – на пе-

репутье. К западу лицом – поклон. К Азии лицом – восход. Чую – надолго. На восход. Солнце подскажет, солнце не подведёт.

И МОЙ МОНОЛОГ

У стен древнего дацана, в степи, где пески вечности погребли блистательный Каракорум – столицу империи Чингисхана

– Чтобы где-то в глубинной Сибири в рабочем лесозаводском посёлке Могочино на правом заливном берегу Оби встретились и поцеловались хохол Костя и белоруска Таня, должны были произойти Великая Октябрьская социалистическая революция, успешная столыпинская реформа крестьянского переселения в Сибирь, товарищ Сталин должен был умеючи победить товарища Троцкого и эффективно провести всесоюзную коллективизацию. Моего отца Константина Терентьевича сослали в Сибирь, как младшего из сыновей раскулаченного деда Терёши, а моя мама Татьяна Кузьмовна пришла в сибирскую деревню Сарафановку босиком в обозе столыпинского добровольца деда Кузьмы Марковича. Только благодаря всем этим великим обстоятельствам XX века на свет появился у урождённых европейцев, моих родителей, я – азиат в первом поколении. Урождённый сибиряк. Наверное, князь Александр Ярославич меня не предвидел и не предусматривал, но своим азиатским государственным визитом-посольством всё же поспособствовал. Спасибо, князь. Спасибо, князюшко, за родную Сибирь. Спасибо, князь, за родину.

...Дилетанты – народ бесцеремонный. Что возьмёшь с людей, не испытывающих пиетета к канону?

Признаюсь, я на своих учёных консультантов и в Улан-Удэ, и в Санкт-Петербурге бесцеремонно давил, вымогал чёткие ответы на свои опрометчивые вопросы. Как истинные профессионалы, они в поддавки не играли, на компромиссы не велись, и их формулировки не упрекнёшь в недостоверности.

Что требовалось доказать?

Александр Ярославич совершенно добровольно искал сильного союзника и нашёл его в Каракоруме.

Империя Чингисхана – союз государств (ханств, улусов, княжеств, каганатов, эмиратов), признающих власть монгольского хана и платящих в союзный бюджет обязательную дань («выход»), взамен со стороны Каракорума получая надёжную защиту от внешних врагов.

Александр, по существу, – правитель – предтеча будущего многонационального государства. Русь Каракорума – предвосхищение Российской империи. Особенно упираю на корень «восхищение». Кроме себя самого – я никому ничего не доказываю. Как там у пророков? Главное – сказать. Пророк состоится, если его услышат – даже через века. Или не услышат.

Напрашивается. Никто в отечестве не занимался и не занимается дорогой великого Александра в Каракорум. А его путь: Новгород Великий – Суздаль – Владимир – Волга – Сарай-Бату – Великая степь – Алтай – Саяны – Каракорум – это же национальный путь Руси: русский путь – в Азию. Невиданной красоты места. Почему бы энтузиастам-экстремалам Русского императорского географического общества во главе с президентом РГО генералом

армии Сергеем Шойгу (кстати, сибиряком) не заняться исследовательской разведкой этого пути? С необходимой долей достоверности всё можно доказать.

Национальный маршрут. Естественно, следует подключить соседей по империи Чингисхана. Сегодня это Казахстан, Узбекистан, Киргизия, Иран, Монголия и, конечно же, Китай: Поднебесная вместе с Орос-улусом Александра Ярославича входила в союзное государство – империю Чингисхана. Это будет и самый востребованный туристический маршрут. Национальная дорога. Сердце Евразии. Русский путь Александра Невского. Начинать, понятно, нужно от Александро-Невской лавры.

Не доживу, пожалуй. Но зёрнышко, надеюсь, посеял.

...Мы возвращаемся из Монголии – впереди уже российская граница, родная таможенная Кяхта. Заканчивается ремонтируемая дорога – последнее испытание для нашего «икстрейл»-экстремала молодого Дмитрия, бурята, похожего на молодого Чингисхана. Чудовищно изуродованная трасса. Как он управляется? Но вот уже завиднелся вождеденный твёрдый стандартный асфальт. Последняя изуровская канава... Это длится мгновение – наш

«Икстрейл» как-то косовато, наперекосяк преодолел последний бетонный уступчик, взмыл – и вот уже... авто в полёте. В безвоздушном пространстве. Под нами кювет с острыми мрачными асфальтовыми огрызками. Похоже на могилку. Братскую. Мгновенная паника. Зажмуриваюсь.

Что он сделал? Как удалось Дмитрию развернуть автомобиль в воздухе? Но наш пострел-«Икстрейл» – успел, минуя кюветную рытвину, становится на все свои потрёпанные четыре колеса на твёрдый асфальт и как ни в чём не бывало резво продолжает путь.

Да, он турбулентно качнулся, как самолёт на посадке при боковом ветре. Но это всё.

– Ангел пролетел, – лепечу я.

– С нами Баирма-гоа, – успокаивает Дмитрий.

Баирма заметно бледна, но щедро улыбается.

О чём я могу подумать в этот благополучный трагический момент? Конечно, на дорогу в Каракорум нас благословил святой благоверный Александр и, ведя своим давним путём, приглядывал за нами и спасал. Не Господь же. Ангел от святого Александра сопровождал. Каракорум – поручение Господне. И для Александра. И для нас. Господь сподобил.

Всё произошло. И у Александра. И у меня. Но как провидец Александр рисковал!

МАТРИЦА РОССИИ

Александр Невский, Сергей Радонежский и «Троица» Андрея Рублёва.

Мне эта триада нравится. Код России. Александр Невский не боится ошибиться, не боится быть непонятым. Не боится проиграть. Проигрыш в матрице – будущая победа.

Это перекрёсток. Любой выбор – не ошибка, но будущая судьба. Выбор судьбы – собственный выбор собственной судьбы. Не за что обижаться на выбор Александра.

Князь Александр выбирает родину – будущую Россию: Россию трёх океанов, Россию трёх материков, Россию трёх тысячелетий. Россию – титен – десять тысяч лет благоденствия.

Александр Невский – русский код истории. Код русской цивилизации. Эпоха Александра – почти полтысячелетия Россия с лицом, обращённым на восход. Эпоха – вызревание империи. Эпоха, которую мы, как непослушные школьники, не хотели бы учить и забываем. А это – фундамент современной России.

Восход – родина солнца. Уже давно Россия начинается там, где восходит солнце. Россия – страна трёх континентов и трёх океанов. Почему-то этому не придают значения. Хотя Запад насмерть запуган именно этим космическим обстоятельством.

А русское солнце восходит над Великим Тихим. Всё великое тихо.

«Россия нигде не заканчивается», – обмолвился недавно лидер нашей с вами родины. Очень резонно и очень конкретно. Россия всегда и везде только начинается, добавлю от себя. И мы знаем точно, где начинается наша страна. Россия распахнута на восток. Россия начинается с восхода.

...И восходит солнце... Русское солнце. Солнце России.

Современникам не понять пророка. Он не проповедовал истину. Он истинно действовал и делал. Вдохновенный государственный суперпрофессионал, князь Александр, получая «небесный ярлык» в Каракоруме, учреждает будущую Россию – Российскую империю. Учредитель империи.

Всё остальное – интерпретации, косоглазое мировосприятие бестолковых потомков, плохо думающих и мало смыслящих. Косолапые интерпретации: поклон врагу, унижение гордости.

Что я делаю? Я ведь не в логику великого Александра вживаюсь – опровергаю, стараюсь опровергнуть логику его интерпретаторов: летописцев, основополагающих русских историков и исторических беллетристов, злокозненных иноземных толкователей. Это их придуманный Александр Невский. Подлинный, великореальный – не к «поганым» идолищам шёл на поклон и унижение, а к сильным, мощным конкурен-

там-соперникам, которых следовало уговорить в соратники. Не страшась, но – уважая.

Зададимся сакраментально крамольным вопросом: не будь великого хождения князя Александра Ярославича в Каракорум, состоялось бы в XVI веке продвижение Московской Руси в сибирские пространства? Вы точно уверены, что состоялось бы? Неизбежно? Это предопределено? Или всё-таки предопределено именно Александрово хождение и Александровым хождением? Я не сомневаюсь: не было бы никакой России в Азии без подвига Александра Ярославича.

Вспомним: ведь уже в конце века XVII братец будущего великого Петра Фёдор Алексеевич сокрушённо говаривал:

– Зачем нам эта Сибирь? Зачем Москве эдакая обуза?

Князь Александр проложил путь и заложил традицию: Сибири быть Россией и не быть России без Сибири, ибо Сибирь – изначальная Россия.

Даже в царские московские мозги эта традиция, сибирский путь Александра, внедрялась с невероятным трудом. Но код русской истории было уже не изменить.

Хождение европейца князя Александра в сибирскую Азию – не откровенно засекреченное, но как бы спрятанное событие отечественной истории. Возможно, сакральность события всегда подразумевает такую спрятанность? неявность? секретность? Предоставляя нам право расшифровывать ход событий.

Вся история моей родины – отечественная. Отечественная история. Великая Отечественная история.

P. S.

Необходимый постскриптум

На встрече с читателями в научной библиотеке в Кургане ко мне подошла благородная седая женщина крохотного роста. Она давно почему-то хотела поговорить со мной.

– А вы знаете, Анатолий Константинович, что храм Александра Невского у нас в Кургане построен по указу императора Александра Третьего во времена строительства Транссиба?

Я этой истории не знал.

– И в Челябинске тогда построили храм Александра Невского, и в Красноярске, и в Иркутске. По всей Транссибирской железной дороге.

Оказывается, у главного строителя Транссиба императора Александра Третьего святым благоверным считался Александр Ярославич. И по всем городам и крупным железнодорожным узлам Александр Транссибирский повелел возводить храмы и часовни в честь святого Александра Невского – вплоть до самого Харбина и КВЖД. Часовня Александра Невского на ж/д станции Кривощёково (будущий Ново-Николаевск, Новосибирск) угодила прямо в географический центр тогдашней Сибири.

Рассказ старой хрупкой дамы привёл меня в изумление. Надо же так: путь к храму, храмовый путь – от Александро-Невской лавры до Поднебесной. Это же сибирский путь Александра Невского в Каракорум. Знал ли Александр Третий про сибирскую эпопею своего святого? Наверняка знал. Да если и не знал... Но это же не случайно – храмы Александра Невского по всему Транссибу.

Небесное провидение вело великого русского князя Александра Ярославича в глубины Азии, а полученный им «небесный ярлык» заставлял Александра Третьего прокладывать рельсы к берегам Тихого океана. Транссибирская магистраль надёжно, окончательно и прочно связала Россию-Европу с Россией-Азией. Россией-Сибирью. Навсегда.

Кто меня переубедит в том, что и сам Александр Невский это предчувствовал? Чувствовал и знал. Он же не тамгу на власть в Каракоруме получал – «небесный ярлык». Повеление небес.

Я не особо набожный человек, но в курганский храм Александра Невского зашёл. Свечу поставил. Помолился. Спасибо, князь, за родину. Спасибо, князюшко, за родную Сибирь.

ВЫБОР АЛЕКСАНДРА – ПУТЬ ПУТИНА

Я писал сценарий документального телефильма «Хождение в Каракорум. Сибирский путь Александра Невского». И туда, в Азию, и обратно,

в русскую Европу, наш главный национальный герой великий благоверный князь Александр Ярославич в 1250 году шёл и возвращался Калмыцкой сакмой. Калмыцкий отход – это самое северное направление трансазиатского Великого шёлкового пути. Великий шёлковый пут... Что-то меня отвлекло, какая-то мозговая заминка произошла, и я продолжил: «...Путин». Великий шёлковый Путин. Потом, перечитывая, споткнулся: а причём тут Путин? Но призадумался и понял: нет, в этом что-то есть. Нет, не случайно я оговорился. Какие-то скрытые намёки, может быть, даже смыслы. Пересечение путей.

Наш документальный фильм «Сибирский путь Александра Невского» показал телеканал «Союз». Союзный телесигнал ловят даже на Полярном Урале. В Байдарацкой тундре, в фактории Лаборова, живёт моя добрая подруга, ненецкая писательница, великая Анна Неркаги. Кстати, трижды нобелевский номинант по литературе. Она посмотрела «Хождение...» по «Союзу» – все три показа. У меня в пригородной Тюмени раздаётся звонок с полярноуральского озера Тейнто.

– Толя! – Анна Павловна явно возбуждена, торопится взахлёб. – Тебе нет равных! Покажи свой «Каракорум» президенту. Владимир Владимирович обязательно твой фильм должен посмотреть. Но обязательно один. В одиночестве. Без царедворцев.

Я, понятно, польщён, не ожидал, ошалел от Анниной политической напористости и эстетической непредсказуемости, но от неожиданно-сти, наверное, привычно хихикнул.

– Омельчук! – строго пресекла Неркаги. – Президенту это важно. Именно сейчас. Но только в одиночестве. Один.

– Я подумаю, Аня.

Большая мама Байдарацкой тундры на комплименты обычно не особо щедра, да и какие у неё резоны придавать чрезмерное значение моему фильму?

Мне самому что себе лукавить: фильм серьёзный, важный, о ключевом событии первоначальной русской истории. Но зачем он президенту?

Позже Анна Павловна пришлёт мне короткое письмо.

«Фильм А. К. Омельчука “Хождение в Каракорум. Сибирский путь Александра Невского” из телесериала “Сибирь – сон Бога” считаю событием мирового значения. Никогда и ни перед кем не откажусь от своих слов. Все Повелители Мира дружественных и недружественных стран должны посмотреть этот фильм в молчаливом одиночестве. И конечно, с радостью и гордостью за нашего Президента, наш Президент должен быть первым, кто это сделает. Встреча Путина и Александра Невского предreshена самим Спасителем. Пора им понять Друг Друга во имя спасения Человечества. Анна».

К тому времени и до меня дошла главная мысль моей вдохновенной зрительницы. Президенту нужна уверенность, что он всё сегодня делает правильно, по историческому русскому канону. Великий русский князь Александр Невский в середине XIII века, ища помощи и сорабничества, повёл европейскую Русь в сибирскую Азию, чтобы противостоять крестовой безжалостной агрессии Европы. Труден выбор Александра, но он спасал русский народ на долгие времена и попутно закладывал фундамент будущей Российской империи на двух континентах и берегах трёх океанов. У Путина выбор не легче. Но давний сибирский путь Александра Ярославича – залог успеха на долгие времена.

Я позвонил спонсорам фильма. Они люди серьёзные, умудрённые. Рассказал об экстравагантной идее Анны Павловны. Их реакция оказалась неожиданной – никакой восторженной чрезмерности они не заметили, согласились посодействовать в президентском одиночестве.

– Только вы сократите фильм. Где президент найдёт 45 минут для вашего шедевра? – посоветовал первый губернатор Тюменской области. – Сделайте ролик минут на 10–12. Основное, важное.

Гениальный телережиссёр Эдик Улыбин, конечно, постарался, но у него даже 15 не получилось. Очень сложно сокращать свежеснятый материал. Он виновато сознался:

– 25 минут. Меньше не получается.

Мы рискнули. Две флешки с «президентской» версией «Хождения...» через верных лю-

дей должны были попасть в президентскую администрацию. О дальнейшей судьбе их мне пока ничего не известно. Первый губернатор Тюменской области Шафраник – член Попечительского совета Русского императорского географического общества. Я ему как-то признался:

– Мечтаю презентовать «Хождение...» в московской штаб-квартире РГО. Ведь я член РГО с 1976 года. Могут оказать такую услугу старейшему сибирскому члену?

Юрий Константинович охотно включился. Когда согласовалась окончательная дата, географическая сотрудница Яна предупредила:

– Дмитрий Сергеевич Песков у нас будет вручать гранты РГО, так что мы вас передвинем на денёк пораньше.

Пресс-секретарь Путина Дмитрий Песков – активнейший попечитель отечественного РГО.

В старинно-фешенебельном штабе РГО на Новой площади презентация фильма прошла rispetабельно и значительно.

А Песков раздал щедрые гранты на следующий день.

Я полагал, что моя миссия «Александр в Каракоруме» завершена на этой высокой ноте.

Но через несколько дней (3 ноября) мне запыхавшись звонит знакомый интуитивный онтолог Игорь:

– Скорее включай телевизор. «Россия-24».

Президент Путин выступает на открытии Общественной палаты РФ нового созыва. И я слышу от него на трибуне:

– Давайте вспомним то, что происходило во времена, скажем, Александра Невского. Ведь он ездил в Орду, кланялся ордынским ханам, получал ярлык на княжение в том числе и прежде всего для того, чтобы эффективно противостоять нашествию Запада. Почему? Потому что ордынцы вели себя жестоко, но они не трагивали главного – нашего языка, традиций, культуры, на что претендовали западные завоеватели. И это – самое главное, потому что если разрушаются культура, и традиции, и история

народа, то народ постепенно начинает исчезать как этнос, растворяется, как снег поздней весной. Почему мы так почитаем Александра Невского как святого? Именно за этот выбор. Он думал о том, чтобы сохранить русский народ, а затем и все народы, проживающие на территории нашей огромной страны.

Конечно, меня уже не переубедить: Путину либо показали ролик – президентскую версию, либо Песков ему что-то пересказал. Слова знакомые. Либо идеи витают в воздухе, когда приходит их время.

Президент России – председатель Попечительского совета РГО.

Когда я сочинял книжку «Россия начинается с восхода. Размышление азиата в первом поколении» с синопсисом «Хождения...», нечто же сумняшеся предпослал ей эпиграф: «Я, пожалуй, сам себе не отвечу, почему занялся “Сибирским путём в Каракорум” Александра Ярославича. Но у меня нет ни капли сомнения, что Александр Невский сам мне это поручил».

Мы люди не гордые – что было, то было.

Александр Ярославич, я ведь ваше поручение выполнил? Честно? А миссия продолжается.

Авторитетные и проникновенные, очень точные слова президента наверняка мобилизуют и гражданское общество, сообщество отечественных историков, подлинных патриотов Отечества, активно изучать главное событие первоначальной русской истории, главный подвиг национального героя России № 1 князя Александра – его исторический путь Руси-Европы в Россию-Азию. И не забудут главную национальную дорогу: от Александрo-Невской лавры через Новгород Великий – Сарай-Бату – Волгу – северный Алтай – Саяны – Великую степь, истоки Тобола, Ишима, Иртыша, Енисея и Оби – в КараКорум. Дорогу познания России!

Хотите посмотреть ролик – президентскую версию «Хождения в Каракорум»? У Эдуарда Улыбина ещё есть экземпляры.

МИХАЙЛО ЛОМОНОСОВ

Сергей БЕЛОВ

*Тебя не тронет времени река.
Своим умом упрочил славу россов.
Ты родину прославил на века,
Поэт, учёный, гений Ломоносов!*

Сергей Белов

1

Родился он в глухой деревне
Близ устья Северной Двины.

У сей истории путь древний –
Преданье славной старины.
Сиротским было детство Миши:
Ушла из жизни рано мать.
Но в люди северянин вышел:
Стремленье к знаниям – благодать!

2

Читал Михайло громко, быстро
И за себя мог постоять.
Но волновали сердце мысли –

Он многое хотел познать!
Жизнь тяжелее небылицы –
Дорогой с мужиками мёрз:
Шёл три недели до столицы
Богатый рыбою обоз.

3

Москва, Санкт-Петербург и Киев
Учили юношу уму.
Ньютон, Коперник и другие
Открыли многое ему.
Он, лучший латинист Европы,
Стихи прекрасные писал.
Ценя всего превыше опыт,
Науки быстро постигал!

4

Века к себе манили звёзды
Учёных крупных разных стран.
Был нужен людям словно воздух
Планет, созвездий океан.
Ум пылкий волновали мысли,
Собою сердце веселя.
Непросто заглянуть в те выси,
В которых плавает Земля.

5

Сильнее золота, алмазов
Волшебное стекло ценил.
Понять стремился мощный разум
Движенья тайные светил.
Бессильна оптика Европы.
Но гений продолжал творить,
Изобретая телескопы,
Чтоб тайны космоса открыть.

6

Любил он больше жизни знанья
Своей душою и умом.

Узрев масштабы мирозданья,
Идеи проверял трудом.
Обширнейшие интересы
В среде космических светил:
Он Солнца бурные процессы
В своих стихах отобразил.

7

Его открытие не химера.
Он тайны космоса познал.
И на Венере атмосферу
Умом глубоким предсказал.
Имел он твёрдую походку
Среди созвездий и планет.
Подтверждены его находки
Лишь только через двести лет!

8

Чтобы российская наука
Несла достойно знаний флаг,
Терпел от лжеучёных муки,
Обороняясь от атак.
Бежали годы чередою.
Трудился, не жалея сил.
Он мощь духовную народа
В свои открытия воплотил.

9

Учёный знаньями своими
Оставил на земле свой след.
И носит дорогое имя
Московский университет.
Помор Михайло Ломоносов
Мелькнул кометой в небесах!
Он – гордость, честь и слава россов,
Прославил Родину в веках!

«ДОМ У ДОРОГИ»

Валерий АРШАНСКИЙ,

заслуженный работник культуры РФ

Для постановки спектакля-концерта по лирической хронике Александра Твардовского «Дом у дороги» режиссёру Николаю Елесину не потребовались ни пышные декорации, ни специальные световые и звуковые эффекты, ни экзотическая сценография. Всё решено как в самой поэзии поэта – скупое, точно, впечатляющее, без митингового начала, страстных интимных излияний, искусственных рыданий и задыхающихся от судорожных исповедей героев. У рампы только Автор в исполнении признанного мастера сцены Сергея Дубровского, размышляющего над поэмой. А при «смене кадра» – семья застигнутого войной простого сельского пахаря Андрея Сивцова, в роли которого всегда органичный актёр Павел Шуть достоверен вплоть до владения косой-литовкой. «Коси, коса, пока роса, роса долой – и мы домой». На долгие и беспощадные годы Великой Отечественной будет оторван от родного дома солдат Сивцов, как и миллионы его соотечественников, вставших на защиту Родины.

Муж на войне, а на долю его жены – солдатки Анны, Ани, Анюты – беззаветной труженицы, матери троих детей (а в страшных условиях неволи у неё появится и четвёртый малыш) выпадет столько бед, несчастий и горя, сколько сможет вынести, пережить, но и выстоять воспетая ещё Некрасовым русская женщина! Насколько правдиво, уверенно, подкупающе в своей искренности передаёт широкую гамму чувств, любви, эмоций главной героини молодая актриса Анна Ширшова, недавно – и сразу с успехом! – влившаяся в состав труппы МДТ, трудно пересказать, её абсолютное перевоплощение в образ хозяйки неказистого, но такого родного для семьи Сивцовых дома у дороги нужно видеть. Удачно сложились воедино красота, обаяние актрисы и её профессионализм. Но и выбор режиссёра безупречен!

Всего лишь сорок книжных страниц занимает, прямо скажем, не очень известная поэма «Дом у дороги» военного корреспондента фронтовых газет Александра Твардовского. А работал он над ней четыре года, и какие: пороховые-огневые, с 1942-го по 1946-й... Об этом он в самом начале, обращаясь к Читателю, рассказывает в стихах. В стихах, оборванных нашествием враждебной силы.

*Где пел по вёснам свой скворец
И жил, как все на свете,
Порядком вечным: мать, отец,
Потом скворчата-дети.
Пришла в родную сторону
Чужая злая сила.
И порознь мужа и жену
Из дома проводила...*

Чётко, взволнованно, не декламируя, а по-человечески делясь своими переживаниями со зрителями, читают чеканные стихи Твардовского заслуженные артистки РФ Татьяна Николаева и Ирина Дубровская, их младший коллега по сцене артист Илья Сирин. И весь спектакль сопровождает безукоризненно подобранная кинохроника фронтовой поры с её трагическими исповедами о первых неудачах в сорок первом, горечи плена, отступлениях. Но и накоплении Красной армией боевого опыта, вооружения, ратных сил, для того чтобы пядь за пядью освобождать от оккупантов родную землю, а затем и гнать их через всю Европу, вбивая осиновый кол в волчье логово в поверженном Берлине.

Творческий проект театра, посвящённый 80-летию Великой Победы и славным сынам России, принимающим в эти дни участие в специальной военной операции на Украине, получил мощную поддержку силами камерного оркестра областного колледжа имени В. К. Мержанова и Тамбовского государствен-

ного музыкально-педагогического института имени С. В. Рахманинова. Дирижировал прекрасным ансамблем заслуженный деятель искусств РФ, ректор этого вуза, композитор и давний друг нашего театра, откликнувшийся музыкой и в этот раз, широко известный на Тамбовщине и за её пределами талантливый музыкант Роман Бажилин. Исполнители вокальных номеров, хорошо известные театральной публике актёры Андрей Широкий, Ксения Воеводина, Елена Обедина, Яна Попова, не только душу и мастерство – казалось, сердце своё вложили в каждую песню. И стоит ли удивляться, что не только женщины-зрительницы (они – откровенно), но и вполне себе состоявшиеся мужчины (те – украдкой) вытирали слёзы под ставшую гимном Тамбовской области песню – походный марш «Прощание славянки», другие лирические песни, рождённые в годы Великой Отечественной войны? А стихи продолжали звучать и будоражить...

*Прошла война, прошла страда,
Но боль взывает к людям:
Давайте, люди, никогда
Об этом не забудем.
Пусть память верную о ней
Хранят, об этой муке,
И дети нынешних детей,
И наших внуков внуки...*

Остались как завещание потомкам на все времена стихи великого поэта Александра Трифоновича Твардовского. Создателя бессмертного образа настоящего русского солдата – Василия Тёркина, непревзойдённого главного редактора журнала «Новый мир», известного в планетарном масштабе государственного и общественного деятеля. Человека потрясающей интеллигентности, высочайшей культуры и образцовой скромности.

*Я счастлив тем, что я оттуда,
Из той зимы, из той избы,
И счастлив тем, что я не чудо
Особой, избранной судьбы...*

О том, чтобы вечно помнили пережитое отцами, дедами и прадедами, говорит в спектакле залу безмолвный, но такой пронзительный взгляд старейшей актрисы театра Татьяны Николаевой, не понаслышке знающей ужасы войны и блокаду родного для неё славного города на Неве – Ленинграда. О том, чтобы все мы вечно помнили цену завоёванной народом Победы, говорила после спектакля, представляя зрителям замечательную труппу театра, заслуженный работник культуры РФ, лауреат многих творческих премий, неутомимый труженик на благородной и благодарной ниве искусства директор театра Галина Попова.

Браво, господа актёры, bravo таланту режиссёра, bravo театру!

*...И что мне малые напасти
И незадачи на пути,
Когда я знаю это счастье –
Не мимоходом жизнь пройти!*

ЗАРОЖДЕНИЕ НОВОГО ТЕАТРА

Андрей ОБЪЕДКОВ,
член Союза театральных деятелей

27 марта отметили Международный день театра. Накануне главным режиссёром Театра иллюзии был назначен заслуженный артист России Артём Бибилуров, а режиссёр Глеб Черепанов возглавил новый театральный проект.

Своими планами они поделились с читателями журнала «Александръ».

Одним из популярных и активных режиссёров столицы является Артём Бибилуров, который до этого возглавлял Ивантеевский музыкально-драматический театр и, кроме этого, поставил в Москве пять спектаклей, в том числе в том же самом Театре иллюзии. После вступления в должность он отметил, что главная задача для него – поддержать репертуар в том качестве, в котором необходимо.

– Ведь репертуар сложный, если говорить о драматических спектаклях: пьесы серьёзные, их нужно поддерживать в качественном состоянии. Сейчас идут репетиции, чистки, уточнения, мы, не меняя режиссёрской структуры, подчищаем постановки по актёрским вопросам. Наша задача – чтобы актёр входил в правильную струю, – рассказывает А. Бибилуров.

– Артём, Театр иллюзии – многожанровый театр. Какие ощущения были, когда приступали к работе?

– Действительно, на основной сцене проходят многожанровые спектакли, там работают

как иллюзионисты, так и драматические артисты, в том числе и артисты других жанров. Постановка спектаклей – живой процесс и живое распределение актёрских сил, для того чтобы достичь лучшего результата.

При этом мы становимся свидетелями зарождения нового театра под руководством режиссёра Глеба Черепанова. У него в прошедшем сезоне был интересный опыт в театре «Школа драматического искусства», где он возглавляет молодёжную программу. На одной из ведущих театральных сцен Москвы предоставляли молодым режиссёрам возможность поставить свой первый спектакль. Как признаётся Черепанов, на такой шаг решаются не все театры, но вот ШДИ пошла навстречу выпускникам режиссёрских отделений театральных вузов. Но при всём этом в конце 2024 года возникла новая творческая идея.

– Есть актёрское агентство TVARI, они занимаются артистами из крупнейших театров: МХТ имени А. П. Чехова, «Ленкома», театра «Мастерская Петра Фоменко», Театра имени А. С. Пушкина... список можно продолжать, – рассказывает Черепанов. – У нас были общие знакомые, и мы оказались в одной компании. Во время разговора возникла идея: раз есть эксклюзивная сборная лучших молодых артистов, почему бы не сделать новый проект? Ведь все эти артисты работают у себя в театрах и с коллегами из других театров, кроме кино, не соприкасаются, хотя все талантливые. И нам показалась интересной идея объединить их всех на одной театральной сцене. Так как я имею отношение к молодой режиссуре, подумали: почему бы не объединить молодых артистов с молодыми режиссёрами? Но нам показалось, что будет не совсем правильным, если будем выпускать спектакли, не связанные одной идеей. Все постановки мы должны объединить темой. И вспомнили о цикле фильмов «Декалог» режиссёра Кшиштофа Кесьлёвского. Так и возникла идея создать свой «Диколог»: в течение года будет выпущено 10 спектаклей, посвящённых 10 заповедям. Каждый спектакль будет посвящён конкретной заповеди. Но не напрямую: зрителю предстоит самому понять,

почему с этой заповедью ассоциирует то или иное произведение.

В первом цикле будет выпущено пять спектаклей. Уже идут репетиции «Войны и мира» Толстого. Естественно, будет поставлена не вся эпопея, а взята одна линия. Этот спектакль должен стать первым. А продолжит цикл «Божественная комедия» Данте. Также взят один сюжет. Дальше будет спектакль по прозе Евгения Замятина и моноспектакль по современной драме 1990-х годов.

Четыре спектакля поставят театральные режиссёры, постановщиком пятого будет художник-сценограф. То есть спектакль будет больше визуальным. Эксперимент будет поставлен на «Божественной комедии».

Про планы говорить всегда опасно, но у нас уже есть набор режиссёров на остальные пять спектаклей, – продолжает Черепанов. – Там тоже будет четыре режиссёра, а пятым постановщиком станет хореограф. Нам показалось, что будет интересным опытом, если идея спектакля будет показана языком пластики и без слов.

Скорее всего, спектакли будут идти на разных театральных и нетеатральных площадках. Но, по сути, получится новая труппа, новый театр. Ведь 10 спектаклей – это полноценный репертуар. И тогда точно можно говорить о появлении нового театра.

Игорь БОРИСЕВИЧ

Игорь Львович Борисевич – поэт, член Российского союза писателей, автор нескольких поэтических сборников.

* * *

Вот осколок прилетел, да не в срок.
Я, конечно, жить хотел, да не смог.
Я, конечно, жить хотел, да не смог.
На войне мы умираем не в срок.
Я вернулся бы с победой домой,
Я обнялся бы с любимой женой,
Колыбель бы я ночами качал,
Только в поле за Россию упал.
Как положено, заплачет жена:
«Как же жить теперь я буду одна?!»
Я прошу тебя, не плачь обо мне.
За Россию я погиб на войне.
Много там уже ребят полегло.
Не одно уже, наверно, село.
Не один уже упал там солдат
За Отчизну, а не ради наград.
За Россию мы стояли века.
И на этот раз не дрогнет рука.
И пусть голову придётся сложить,
Знаем мы, что будет Родина жить!
Вот осколок прилетел, да не в срок.
Я, конечно, жить хотел, да не смог.
Я, конечно, жить хотел, да не смог.
Доживи её как надо, браток.

* * *

Я люблюсь Москвой, не могу наглядеться,
Её облик святой мне знаком ещё с детства,
Купола рвутся ввысь да с малиновым звоном,
Я скажу, что в Москву быть нельзя
не влюблённым.
Я пройду по Тверской, похожу по Арбату,
Здесь когда-то давно проходили солдаты,
Что спасли от огня и Москву, и Россию,
И на этой земле ничего нет красивей.
Годы тихо плывут над Москвой в синей дымке,
Я пройду не спеша по Большой по Ордынке,
Насладиться хочу я Москвы голосами
И поставить свечу за неё в белом храме.
Вешний сад зашумит надо мною листвою,
Всё, что было в душе, вдруг ему я открою,
И, склонясь, постою у огня у святого,
И никто в тишине не проронит здесь слова.
Часто вижу во сне я московские ночи.
Звёзд рубиновых свет мне любовь
напророчил.
И от этой любви никуда мне не деться.
Золотая Москва навсегда в моём сердце.

* * *

Тучи сгущались и грозно темнели,
Было тревожно в груди,
Тихо стонали под ветрами ели
И ожидали дожди.
Осень кружила жёлтыми листьями
Голых стыдливых берёз,
Рядом рябина с алыми кистями
Их утешала от слёз.
Рощи багряные тихо заснули
После прошедшей грозы,
Так же они поступали в июле,
Спали до первой росы.
Завтра проснутся с осенним туманом,
Зябко посмотрят вокруг.
Горько запахнет полынным дурманом
Спящий за речкою луг.
В это прохладное раннее время
Так неохота вставать,
Где-то зима ногу вставила в стремя,
Чтоб навестить нас опять.

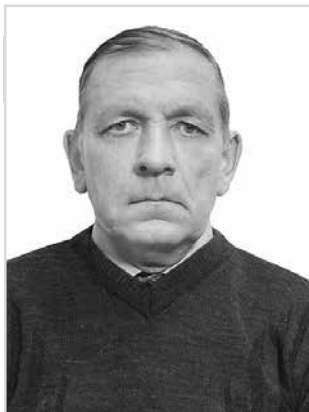
* * *

* * *

Загорелись зарницы далёкие,
Словно небо огнями любя.
Только ночи стоят одинокие,
Неуютно мне в них без тебя.
Звёзды светят с небес молчаливые
И тускнеют в преддверии дня,
Твои руки, такие красивые,
Не разбудят на зорьке меня.
Разлетаются листья осенние,
Словно следом летят за тобой.
Не найти мне в тех листьях спасение,
Не найти без тебя мне покой.
Мы узнали любви откровение.
Мы познали безумную страсть.
Как мне хочется хоть на мгновение
В эту бездну с тобою упасть.
На земле без любви нет гармонии.
На земле без любви холода.
Но ведь мы с тобой не посторонние,
Я любить тебя буду всегда.
И ночами осенними длинными
Снова вижу тебя я во сне.
Я тебя заклинаю, любимая,
Возвращайся скорее ко мне.

У каждого своя на свете мама.
И лучшая для каждого она.
И каждый хочет быть для мамы – самым!
И каждому она всегда нужна.
И сколько б мы ни прожили на свете,
И сколько б ни натикало нам лет,
Мы навсегда для мамы – просто дети,
Которых на земле прекрасней нет.
Вы берегите маму, берегите,
Старайтесь вы её не огорчать,
При первой же возможности спешите,
Спешите к маме, чтоб её обнять.
Приходит время, мы от мам уходим,
Но остаёмся в сердце навсегда.
И часто только в мамах мы находим
Участие, когда пришла беда.
Она одна в любое время примет,
Согреет, постарается понять.
Она одна святое носит имя,
Для всех для нас родное имя – Мать!
Вы берегите маму, берегите,
Старайтесь вы её не огорчать,
При первой же возможности спешите,
Спешите к маме, чтоб её обнять.
Для нас всегда открыты её двери.
Нам слёз её вовек не сосчитать.
Она всегда надеется и верит.
И никогда не перестанет ждать.

Вячеслав ЧЕРНОВОДСКИЙ

Вячеслав Михайлович Черноводский – бывший военнослужащий, ныне пенсионер.

В 2016 году вступил в Забайкальский литературный клуб и тогда же принят в Российский союз

писателей. Постоянный участник альманахов «Вместе» и «Край родной Забайкальский», а также совместных проектов «Алтай – Забайкалье» и «Кузбасс – Забайкалье»... Печатался в сборниках других регионов.

СТАРЕЕМ

С засохших цветов лепестки осыпались
В холодных объятьях ночей сентября,
И в иней росинки порой превращались,
Асфальт тротуаров к утру серебра.
Кусты с переменной как будто смирились:
У листьев давно пожелтели края.
Одни тополя для чего-то храбрились
Так, словно бы память о лете тая
И будто совсем не желая мириться,
Чтоб лето осенним отдать холодам.
Душа, не желая никак покориться,
Противится прожитым раньше годам.
Но время идёт. Неподкупна природа:
Состарить деревья и нас норовит.
Чем ближе к зиме – холоднее погода,
А нам же с годами виски серебрят..

СЖИГАЮ ПИСЬМА

Затухая и вновь расцветая,
Дышит жаркое пламя огня.
Вместе с листьями письма сжигаю
Женщин тех, что любили меня.
Ночь осеннюю свежестью дышит.
Стоит только прикрыть мне глаза –
Сразу кажется, будто я слышу,
Как с укором звучат голоса.
Прочитав, письма в пламя кидаю,

За собою сжигая мосты,
Словно прошлое прочь отметаю,
И, сгорая, чернеют листы.
А огонь чьи-то судьбы съедает,
Что остались давно позади.
Лучше б я их сжигал не читая,
Чтобы память свою не будить...

ТЫ ПРОСТИ

В небе стынет продрогший месяц,
И роса превратилась в иней.
Отчего же так бьётся сердце,
Ветер шепчет твоё лишь имя?
Ты прости, что я был несмелым,
Что любил я любовью чистой,
Что не смел прикоснуться к телу,
Отгоняя шальные мысли.
Были мы как кресало с кремнем:
Много искр разлеталось мелких.
Но вернуть невозможно время –
Неуклонно шагают стрелки.
Ты прости мне мою ошибку.
Предо мной ты не виновата.
Зря поддался судьбе-паршивке!
Ведь тебя я любил!.. Когда-то...

ЭЛЕГИЯ РАЗЛУКИ

– Всё, уходи, – сказала мне она,
Когда мы расставались на рассвете, –
Тебя ждут дома дети и жена,
И я хочу, чтоб муж, семья и дети...
Вдруг в это время резко хлынул дождь,
И словно слёзы потекли по окнам.
Она спросила:
– Может, переждёшь?
Ответил я:
– Не страшно, не промокну...
А кровь стучала бешено в висках,
И я готов был провалиться в бездну.
Поцеловал неловко, впопыхах
И быстро вышел в пустоту подъезда.
Так мы расстались раз и навсегда,
Но вспоминаю часто я о прошлом.
Мы друг без друга не могли тогда,
И вместе быть нам было невозможно.

Юрий СУЧКОВ

Член Российского союза писателей.

Родился и вырос в Якутии. В настоящее время проживает в Чите. Издал несколько поэтических сборников, участник коллективных сборников под эгидой творческого объединения «Забайкальский ли-

тературный клуб» и Российского союза писателей. Удостоен высшей литературной награды, медали А. С. Пушкина, за творческий вклад, вносимый в отечественную литературу.

У СКУЛЬПТУРЫ А. С. ПУШКИНА

в центральной библиотеке Читы

Я словно бы
Здесь у святого места...
Припомнив с улыбкой
«Подружку» и «кружку»,
Скажу про себя
И без лишнего жеста:
«Ну здравствуйте...
Александр Сергеевич Пушкин!...»
Живу в этом городе.
Пусть не так часто
Я поднимаюсь
По этим ступеням,
Но как на душе
Светло и прекрасно
В праздник поэтов
Денёчком весенним!
Да... гложет мне душу
Один лишь вопрос...
Уже не о том,
Что на Чёрной речке...
Какая же сволочь?!
И грязный донос...
И прямо по сердцу,
И... без осечки!..¹

¹ Намёк на дуэль с другом Кюхлей. Почему у Пушкина не выстрелил пистолет?.. По поводу дуэли с Дантесом: Пушкин не был так незащищён и покорен судьбе, он сам был хоро-

Ведь, видя значение,
Величие Поэта,
Тут вместе бы всем
Ту беду отвести!..²
И сколько бы было
Ещё им воспето,
Когда б не дуэль,
Ну а с ним Натали...

ОСЕНЬ В БОЛДИНО

Хоть и шла по России холера,
Осень эта была богата...
И вернулась к поэту вера
Под осеннюю грусть листопада...

«Подожди... – он просил Наталью. –
Всё у нас ещё впереди!...»
Вдохновенье!.. И грусть с печалью...
И большое пришло... и стихи!..

БОЛДИНО

Нет, не сидел сложа руки поэт,
Болдинской осенью был очарован...
И, за стихами встречая рассвет,
Думал невольно – о Гончаровой...

ПУШКИН ПЕРЕД ДУЭЛЬЮ

Меж нами появилась ложь,
Прокралась как-то незаметно.
И вроде ты... а не поймёшь,
Проснувшись вдруг порой рассветной...

Любимой женщины лицо.
А губы шепчут чьё-то имя...
И, как сейчас, неуловимо
Во сне дыхание её...

шим дуэлянтом, но Дантеса спасла пуговица на мундире, хотя дуэль могли предотвратить от имени царя.

² Поэтому не могу простить царя и вместе с ним тот монархический строй, который убил великого русского поэта А. С. Пушкина. Считаю, что расстрел царской семьи – это возмездие неба за повешенных декабристов и убийство Поэта от Бога, не говоря уже о Ленском расстреле и других кровавых событиях, связанных с простым русским народом.

А на рассвете ждёт дуэль.
Не знаю, возвращусь домой ли?!
И лягу ли в свою постель
Иль ты присядешь – к изголовью?..

Всё закрутилось, Натали...
И было ль что на самом деле?..
По-дружески мне донесли –
Что там так этого хотели...

Ты тут ни в чём не виновата.
То просто хитрая ловушка –
За «Годунова» мне расплата...
А... ты уже проснулась, душка?..

А я как битый час с тобою
Веду беседу в мыслях, рядом...
С желанною и дорогою,
С её открытым, чистым взглядом...

РАЗМЫШЛЕНИЕ О ДУЭЛИ

Если бы Пушкин стрелял первым...

И не стоял вопрос здесь о Наталье,
Когда поэт под дулом пистолета
Смотрел и думал: «Что за этой далью,
За этой лёгкой дымкою рассвета?..

Россия... кто тебя ещё поднимет,
Кто воспоёт красу твою и славу?..
Какой поэт твою историю двинет,
Как Пётр двинул русскую державу?!»

А он, Дантес, выцеливал и думал:
«О Франция!.. Не дай мне промахнуться...
Что скажет царь?.. “Мон шер, как ты надумал
С поэтом во дворец ко мне вернуться?!”»

И целил он... не в голову, не в сердце,
А чуть побольше – в область живота,
Чтобы поэту никуда не деться,
Не ровен час... а тут – наверняка!..

Он выстрелил. Кровь окропила снег.
И Пушкин, пошатнувшись, не поверил...

«Как... не поверил этот человек?!
Ведь я же только в пуговицу целил...»¹

И как убить?! Но... наказать мальчишку...
Надрать бы ему уши... проучить...
А тут зашло, однако, дело слишком,
Чтобы остаться нам обоим жить...»

Дантес, прощаясь, глянул на поэта.
Подумав про судьбу: «вот – занесла!..»
Но был доволен мысленно при этом,
Что не подвёл он дядюшку-посла!..

ПУШКИН ПОСЛЕ ДУЭЛИ

А дома, на диване, умирая,
Просил Наталью принести морошки,
Слегка придя в себя и представляя,
Что время заметёт пути-дорожки...

Как этот снег, что навалил сугробы...
И позабудут, кто такой был Пушкин.
Но погрустят ещё друзья у гроба,
Поплачут, может, две иль три старушки...

Потом... и недруги придут на тризну.
Продолжить шёпот придворцовых сплетен...
И кто-то, может, скажет про отчизну,
Что мир без пушкинских творений был бы
тесен...

«А сколько же не дописал... Не сделал...
Как мне Россию окрылить хотелось!..
Но ни одной строкой её не предал,
Ей жил одной... и только ею пелось!..

Екатерина... Рядом Ломоносов...
Всё русское... должно быть у России!..
И даже этот Кольский полуостров²,
Подверженный страстям морской стихии...

¹ Пушкин сам был неплохим дуэлянтом и стрелял хорошо, поэтому допускаю мысль, что, если бы Пушкин выстрелил первым, так бы он и сделал, давая этим понять, что дуэль следовало бы прекратить. Ассоциация с героем повести Белкина «Выстрел».

² Слова Ломоносова Екатерине о Кольском полуострове, на который зарились норвежцы и англичане в XVII–XVIII веках

Ну а про то, что тесен был бы мир...
Тут я, пожалуй, в мыслях двинул лишку.
Был первым в слове всё-таки Шекспир...»
И, попросив Наталью кликнуть Машку
с Гришкой,

Прижал к груди в последний час детей
И, нежно потрепав по волосам,
Подумал: «В чередё ненастных дней
Я ничего же не оставил вам?!»

Закрыв глаза... Настало забытьё...
А к трём часам пополудни скончался...
И им как завещание своё –
Литературный труд в томах остался!..

И ни сугробы, даже ни века
Не стёрли память, кто такой был Пушкин!
До сей поры живёт его строка,
И плакало – не две, не три старушки!..

А вся Россия, с мала до велика,
Рекой народной вслед за гробом шла.
И было в небе солнечно и тихо
За все его хорошие дела...

АРИНЕ РОДИОНОВНЕ

*Выпьем, добрая подружка
Бедной юности моей,
Выпьем с горя; где же кружка?
Сердцу будет веселей.*

А. С. Пушкин

Крепостная крестьянка...
Не имела фамилии.
По отцу, Родиону,
Родионовной и была.
Но мы сказки её
До сих пор не забыли,
Что читались нам в детстве,
Из-под пушкинского пера...
Здесь стоят они рядом,
Отлиты из бронзы:
Деревенская женщина
Лет к сорока,

С нею – мальчик кудрявый,
Улыбается солнцу,
Из того,
Не забытого всеми далека...
А когда в его спальне
Будет месяц в окошке,
Звёзды высыплют в небе,
Как светлячки...
Будет лебедь-царевна
Плыть по лунной дорожке,
Тихим голосом няни
Журчать ручейки...
Будет
Много народного
Слушать будущий гений.
Из далёкого прошлого
Встанет древняя Русь...
Всё потом оживёт
В гениальных творениях –
И господская удаль...
И мужицкая грусть!..
С ручейков – сказок нянь
Вырос слог о России!..
Всем заморским гостям
Как бельмо на глазу.
Как её ни топтали...
Как её ни палили!..
А Россия стоит,
Не теряя красу!..
Воскресенское...
Ныне памятна Гатчина.
Михаилу Задорнову –
Честь и хвала!
Что не кинул средства
На какую-то «барщину»,
А поставил ей памятник
В сердце села!..
Да и сколько таких
По стране Родионовных,
Что с пелёнок
Взрастили России умы?!
Спиридоновны,
Глебовны, Филимоновны...
Только жаль,
Что про них не слышали мы...

Андрей ШУТОВ

Родился 29 апреля 1987 года в городе Шилка Читинской области. Окончил юридический факультет Байкальского экономико-правового института. Автор 13 книг стихов, составитель двух антологий поэзии Забайкалья. Публиковался в ряде российских литературных журналов, альманахов и местных СМИ, в антологии современной лирики «Бесконечный свет» (Москва, 2020).

ЗЕРКАЛЬНЫЙ БЛЕСК РОДНОЙ ТОРГИ

Каждое лето я с родителями ездил на небольшую горную речку Торгу. Она славится ледяной чистой водой, глубокими плёсами, красными раками и чёрными, словно ночь, гальянами. Также водятся в её водах пескари, хариусы и, как говорят рыбаки, ленки. Последние мне, к сожалению, не попадались.

Торга протекает по территории трёх образований: Тунгокоченского округа, Нерчинского и Шилкинского районов. Её русло практически полностью усеяно камнями. Они, торчащие из воды, напоминают шахматную доску с большими и малыми фигурами. На этих камнях я и любил рыбачить. Бывает, пройдёшь по ним и сразу окажешься на середине реки, забросишь удочку в плёс, напоминающий природный бассейн, и ждёшь поклёвки ненасытных гальянов или осторожных, но резких пескарей. Очень редко с Торги мы возвращались без улова.

Её берега богаты разнотравьем. Здесь можно встретить, от обычного одуванчика до

уникального целебного молочая Палласа (Мужик-корень). Помню, как мы с моим дорогим папой его выкапывали среди горной породы для подготовки настойки от боли в горле и других болезней. Лекарство действительно помогало.

Что мы там только не делали: купались, загораля, стреляли из пневматической винтовки... Однажды даже ночевали с пекинесом Графом. Тогда над нами кружили птицы, похожие на летучих мышей, было как-то не по себе.

А после походов мы всегда убирали территорию и за собой, и за другими отдыхающими: тушили костёр, закапывали отходы в специально вырытые ямы. Кто-то предусмотрительно их выкапывал.

Иногда возле деревьев мы находили расколотые дровишки. Есть на свете хорошие люди, которые заботятся об остальных. Спасибо этим неравнодушным любителям природы!

Но отвлёкся, продолжаю рассказ.

В тот летний день ничего не предвещало беды. Мы свернули с дороги на плёсы, проехав через знакомый мост. Навстречу нам попалась иномарка с людьми. Сидящие в ней с улыбкой приветливо помахали нам руками.

Добравшись до места, папа пошёл к реке, но, зайдя за траву, скрывавшую его, сразу же выбежал, спасаясь от огня. Мы с мамой ничего толком и не поняли, но, схватив инстинктивно пластиковые ведра, побежали тушить. Когда пламя погасло, мы догадались, что беспечные люди забыли залить трухлявое тлеющее дерево.

Вот так и начался пожар! Оно, кстати, вскоре снова начало разгораться, труху оказалось не так-то просто погасить. Тогда мы с папой недолго думая свалили его в речку, окончательно обезопасив любимый островок. Как важно оказаться в нужном месте в нужный час!

Страшно представить, что там могло произойти.

К счастью, выгорела только прошлогодняя трава. Уютный шатёр из берёз и кустарники остались невредимыми, чему мы были очень рады.

Меня всегда тянет на Торгу. Этот уголок придаёт силы и вдохновения.

* * *

Уйду от шума городов
В Богом забытое селенье.
Готов я к этому... Готов! –
Вдали от суеты спасенье.
Здесь, среди зноя и пурги,
Мне никогда не наглядеться
В зеркальный блеск родной Торги,
Где навсегда осталось сердце.

ГДЕ Б НИ РОСЛА РУССКАЯ БЕРЁЗА...

Русская берёза! Нет в нашем лесу дерева более поэтичного, чем эта стройная белоствольная красавица.

Говорят, что в России около семидесяти видов берёз. А вот какая растёт в Шилкинском районе Забайкальского края, я не знаю.

Но, безусловно, зелёная семья заслуживает самого бережного отношения и даже восхищения. А вот почему.

Нежное деревце, проросшее из семечка в горсточке земли, возвысилось над скалой вблизи журчащей речки Торги и стало со временем разрушать горную породу, с трудом погружаясь корнями в трещины камня. Меня настолько это поразило, что я решил предложить маме, а она – своему родному брату, писателю Виктору Александровичу Домбровскому, разместить сделанный мною снимок на обложке двухтом-

ника «Не поле перейти». Книга готовилась к 85-летнему юбилею Шилкинского района и 60-летию города Шилка в читинском издательстве «Профи». Уважаемые Надежда Давыдовна и Олег Афанасьевич Димовы, умудрённые жизнью, блестяще справились со своей задачей. Дизайн обложки замечателен: растущая берёза в расщелине скалы – символ стойкости и мужества забайкальцев. Великое им за это Спасибо!

Ветерок-шалун шелестит её ветвями, благодатный дождик поливает листья, ласковое солнце греет её, а зимой снежная шуба прячет от мороза.

Словно на пьедестале, гордо возвышается эта невеста русского леса, распахнувшая объятия любимому.

Неумолимо с тех пор прошло более 10 лет. Нет уже с нами замечательного Автора.

18 ноября моему дяде Виктору Александровичу Домбровскому исполнилось бы 85 лет. А вот непреклонная берёзка растёт и радует сердца людей. Она вошла в историю. И пусть так будет как можно дольше.

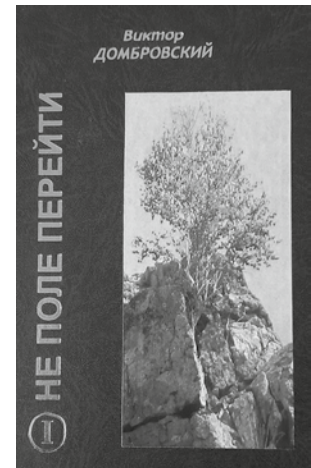
Я видел, как печален вид берёзки, сломанной бешеным порывом буйного ветра.

Очень надеюсь, что никакие ветра кудрявой берёзке не страшны. Ведь она символизирует нашу необъятную страну – Россию... А значит – выстоит, не согнётся и будет радовать тех, кто увидит её наяву или даже на обложке этой правдивой исторической книги, посвящённой нелёгкому времени в жизни моих земляков.

Действительно, удивительна судьба этой несгибаемой берёзки!

Сейчас я редко бываю в тех местах, но всегда про милое деревце вспоминаю с теплотой.

Где б ни росла русская берёза, везде она людям – радость, везде она людям – свет!

ПАПА-ЭКСТРЕМАЛ

*Жизнь человека только миг
В безбрежном времени вселенной,
И только в памяти живых
Она становится нетленной...*

Г.И. Кабаев

2024 високосный год для нашей семьи богат на юбилеи.

4 апреля дедушке Шутову Сафрону Дмитриевичу исполнилось девяносто пять лет.

6 октября старшей сестре мамы Субботиной Валентине Александровне – девяносто.

18 ноября брату мамы Домбровскому Виктору Александровичу – восемьдесят пять.

И, наконец, самому молодому юбиляру, моему дорогому папе Шутову Анатолию Сафрановичу, 4 декабря исполняется семьдесят пять. Именно исполняется, а не «исполнилось бы», поскольку они все в нашей памяти.

Всех перечисленных мною родных, к сожалению, уже нет на этом свете. Но умирают не тогда, когда умирают, а тогда, когда забывают. «Они ушли, они остались».

В этой миниатюре хочу рассказать о самом родном Человеке.

Уже четыре с половиной года папы нет с нами. Но я всё вспоминаю разные случаи из нашей порой нелёгкой жизни и делюсь ими с читателями.

Вот ещё одна очередная так называемая торгинская история.

Шло лето 2018 года. Из-за сильных дождей и ливней в городе Шилке река Кия топила улицы, огороды, дома, разрушала мосты... Наводнение.

Наша любимая горная Торга бушевала чуть меньше. Но тоже подмыла мост, по которому мы проезжали на плёсы. А ещё сломала деревья и так закрутила кустарники, что они стали непохожими на себя. Прямо валки на сенокосе.

В выходной день, приехав на любимое место, папа, несмотря на большую воду, решил всё-таки проверить, есть ли на противоположном берегу речки грибы и грузди. Мы с мамой его отговаривали, но напрасно. Переубедить его было невозможно.

Несколько лет назад с внуком Вадимом они уже переходили здесь вброд. Их радости

тогда не было предела. Ведь в нескольких вёдрах красовались плотно уложенные лохматенькие груздочки. Загляденье!

В этот раз неугомонный папа быстро накачал небольшую одноместную лодочку, выпитую мной, взял нож, несколько пластиковых вёдер и отчалил от берега на вёслах.

Мы с мамой боялись за него. Река была ещё большая, высокие волны били прямо в скалы, живописно дополняющие и без того естественную природную красоту. Но наши опасения тогда были беспочвенными. На противоположный берег папа доплыл без каких-либо препятствий. Я даже успел сделать снимок, который сейчас напоминает нам о том тревожном дне.

Примерно через полчаса он вернулся к лодке. Мы сразу поняли, что дары природы ему собрать в этот раз не удалось.

Возвращаясь обратно, подплыв к середине реки, он прокричал нам, что обошёл почти весь лесок, но увы... Крайне редко он возвращался ни с чем. Что-нибудь да принесёт, угостит нас вкусной земляникой или подарит букетик нежных цветов, растущих только там.

Едва папа успел нам это сообщить, произошло непредвиденное. Он не смог совладать с течением: оно усилилось, весла не слушались... Вода пенилась и бурлила.

Мы так перепугались! Что делать? Как помочь?

Но нужно было действовать немедленно. Каким-то чудом я нашёл на берегу длинный голый ствол дерева. Ветки не пришлось даже убирать: стихия всё сделала за нас.

В это время экстремал продолжал бороться с течением, но вода несла лодку прямо на скалы. Мгновение... К счастью, нам удалось поддать ему эту палочку-выручалочку. Папа её перехватил, и мы дружно общими усилиями подтянули лодку к берегу. Счастьем светились наши глаза. Получилось!!!

Позже смельчак говорил, что, скорее всего, пришлось бы прыгать

в воду. Ведь со скалой «встреча» не из приятных!

Вот таким экстремалом был мой папа. Смелый, крепкий, выносливый, прекрасно плавающий различными стилями. Ведь он окончил в 1974 году Читинский спортфак. Он и сейчас служит для нас, можно сказать, компасом, ориентиром. Всегда вспоминаем, а как же бы он решил ту или иную проблему. Он многое умел делать своими руками, приговаривая: «Не сломаю, так налажу!» Бывали и огорчения, но удача чаще сопутствовала. Он, конечно, не был идеальным, как и все люди. Но мы его воспринимали таким, какой он есть, со всеми достоинствами и недостатками. Мы ему говорили: «Тебе надо принять участие в передаче „Последний герой“, ты сможешь пройти трудные испытания. Костер можешь разжечь только одной спичкой и т.д.»

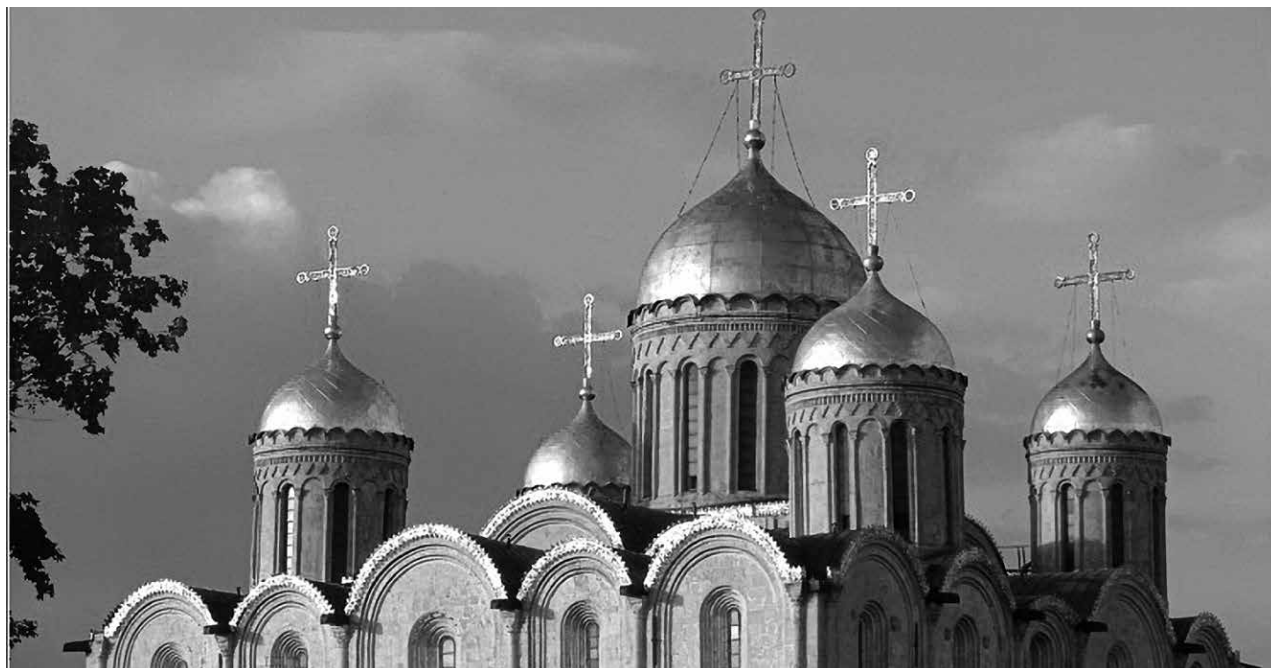
Когда читаю стихи Николая Зиновьева «Траву в раю отец мой косит...», то почему-то представляю, как дедушка с папой плывут по небесной реке и сверху глядят на нас, переживают и, быть может, просят Бога помочь нам во всех делах.

Пусть, по крайней мере, в моих фантазиях это так и будет.

Любимые, близкие люди живы до тех пор, пока в наших сердцах есть память о них.

Жизнь продолжается!

Золотые пятиглавия

Никита БРАГИН

* * *

Иных миров тревожное дыхание
моей щеки касается во сне,
и холод высшего загадочного знания,
как фимиам, течёт извне.

И, просыпаясь, неизбежно чувствую,
что из крошечной вековой дали
уже плывут слова преданья устного,
как эллинские корабли.

И кубок золотой в пучину падает –
закончился его прощальный пир,
и выгибается над морем радуга,
любовью осеняя мир.

Изломы древних гор белеют мрамором,
вбирающим гармонию и свет,
чтоб воплотиться солнечными храмами
и устоять до наших лет.

Седой мыслитель говорит об атомах,
плетёт софист сухие словеса,
а рыба мчит за перстнем Поликратовым,
как повелели небеса.

И дивное растёт во мне сознание –
я слышу пенье бронзы издали
и вижу белокаменные здания
родной владимирской земли.

Я вижу – царь на небо поднимается
на крыльях двух божественных орлов,
и Китоврас размахивает палицей,
и древний сказ идёт без слов!
И грезится за львами и грифонами
России сокровенная краса –
встающие несчётными колоннами
её сосновые леса.

Могучих рек спокойное слияние
само провозглашает – навсегда!
Так пятиглавий золотых сияние
увенчивает города!

И летний ветер пролетает во поле
тугою колосащейся волной,
и падают в ручьи серёжки тополя
на Воскресение весной.

И, словно струг варяжский в море греческом,
душа плывёт по глади тихих рек
под бесконечным небом человечества
из года в год, за веком век.

ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД

Славен Великий Новгород чёрной своей землёй,
древние брёвна в ней вместе с печной золой
спят вековым сном, тёмным, как зимняя
полночь.

Славен Великий Новгород, старый, как богатырь
из незапамятных лет, где поднебесная ширь
строгим софийским крестом осенила
варяжские волны.

Крепок Великий Новгород мощной стеной
детинца –
её не пробить тараном и даже дождём свинца,
каждая башня её словно шлем великана.
Крепок Великий Новгород славой своих
мастеров –
входишь во храмы его – плачет душа без слов
пред образами Руси, возле столпников
Феофана.

Светел Великий Новгород всем, кто с миром
пришёл,
злато возносит к небу первый княжий престол,
небо свою лазурь Волхову щедро дарит.
Светел Великий Новгород, светел, словно мечта –
в белых одеждах она, и непорочны уста,
белые косы у ней, но её седина не старит!

РУССКОЕ УТРО

Светает над полями вешними,
и на душе легко и вольно,
как будто светлое раздолье
охватывает и несёт,
и над цветущими черешнями
плывёшь, возносишься, и вскоре
ты видишь золотое море
и слышишь голос древних вод.

Ты представляешь поле дикое,
его ковыльные курганы,
где каменные истуканы
стоят на страже вековой,
и корабли Петра Великого,
что шли к Азову тихим Доном,
и боевых машин колонны,
и бомбы беспощадный вой.

И надо всем – виденье Родины,
хранящее под омофором
все эти вольные просторы
бескрайних солнечных полей!
Как древле у реки Смородины,
мы ныне стали на распутье
меж смутой, серебром и сутью,
и надо выбирать скорей!

А впереди война столетняя,
всё длится, множа кровь и ужас,
вершится и в жару, и в стужу
России новой горький труд.
Мы ждём, когда настанет сретенье
у разделённого народа,
когда на бранном поле всходы
над нашей кровью прорастут.

Оно настанет, без сомнения,
в один поток сольются воды
согласно Богу и природе,
согласно кровному родству.
Так поднимаешься ступенями
из предрассветной тьмы всё выше
и вскоре птичье пенье слышишь
и видишь утра синеву.

* * *

Если ты дышишь смертью и злобой,
если живёшь безумьем и местью
и барабанишь по крышке гроба –
ты обречён на бесчестье.

Злоба твоя на тебя обратится,
в чёрном дыму помутится рассудок,
казней египетских вереница
пеплом палящим падёт на иуду.

И ниоткуда не будет спасенья
от поражений и мук безобразных;
в топкой грязи, в чернозёме осеннем
скоро все планы и силы увязнут.

Знай, в этой битве любовь побеждает,
выучи – совесть сильнее, чем ярость,
скоро пощады запросишь, рыдая,
падая в грязь под разящим ударом.

А за зимой весна наступает,
травы поднимутся на пепелищах,
птиц перелётных шумные стаи
скоро вернутся к родине нищей.

Следом и люди вернутся к храмам,
будут гореть поминальные свечи,
стихнут звонки, завершатся речи,
и понемногу затянутся шрамы.

СВЯТОГОР

По далёкой дороге в иных временах,
где стоят на курганах безглазые идолы,
уходить безоглядно сквозь темень и страх
до Почайны-реки, до креста Леванидова.

Там седая трава на сыпучем песке
и родник у подножья горы Фараоновой,
там находишь сокровище в каждом глотке
и земле возвращаешь поклонами.

Там на белых костях завершается путь
у горячего камня Алатыря,

там ни в руки не взять, ни копьём шевельнуть
вес земли, что в суме у оратая.

Там пора завершить, попрощаться пора,
обтесать домовину сосновую
и согреться алеющим жаром костра,
освежиться водой родниковую.

И увидеть, как тает у сердца свеча,
и, прощаясь с лазурью заоблачной,
ощутить, что на месте ударов меча
вырастают железные обручи.

И живого дыханья последний глоток
отпустить в широту поднебесную
и почувствовать времени тёмный поток,
уносящий тебя, бестелесного.

* * *

Когда стоит предзимье и нагие кроны
отряхивают слёзы на сыром ветру,
когда однажды утром, бледным и бессонным,
печально шепчет память – я с тобой умру,
я ощущаю землю тяжелей и ближе,
в сыром дыханье листьев, луже ледяной,
в распутице и распре, на золе и в жиже,
где перемешан с глиной чёрный перегной.

Я небо ощущаю всё светлей и выше;
туманно и печально тают облака;
я чувствую, как ветер над полями дышит,
и на опавших листьях изморось легка,
и я встречаю зиму светлой и крылатой,
свободной и желанной, чистой, как снега,
и память возвращает все мои утраты,
и каждая минута сердцу дорога.

* * *

Душа нашупывала дно,
и не хватало сил,
и было смутно и темно,
и мокрый снег валил;
вилась из прошлого вина
змеёю подколодной,
и горечь зелена вина
текла слезой холодной.

И дум истерзанная рать
ползла, как вешний лёд,
и было время горевать
неделю, месяц, год
и волочить свою тоску,
как срубленное дерево
по гравию и по песку,
меж валунов по берегу.

Прости меня, моя беда,
на волю отпусти,
потоку моего труда
не преграждай пути;
я искуплю свои грехи
стихами и бессонницей,
и, словно ива до реки,
душа моя поклонится.

И смерть, весной побеждена,
заплачет, уходя,
и растворится тишина
в шептании дождя...
Какие тонкие мечты,
пушинки тополиные!
Любимая, что скажешь ты,
моя неопалимая?

* * *

Когда наливаются тучи на Западе
кромешным пожаром и кровью больной,
когда, словно буря сквозь мирные заводы,
война налетает свинцовой волной,

когда говорит с интонацией скептика
о родине неисправимый подлец,
когда ни огня по дороге не светится,
и смерть наступает, и миру конец,

тогда ощущаешь – огонь ослепительный
вздымается в сердце, взлетает с душой,
и, лица закрыв, потрясённые зрители
не в силах смотреть – за устоем устой

мучительно рушатся, медленно падают,
разносится грохотом дьявольский смех,
смыкается над городскими громадами
огромное море, едино для всех!

К финальному акту мы вовремя прибыли,
последние стены готовы упасть,
но нам ли мириться с безумьем гибели,
открывшей над миром кровавую пасть?

Мы издревле помним, как множится
мужество,
как малый росток разрывает бетон,
как ворон над полем сражения кружится
и падает оземь, стрелой поражён,

как Русь за холмами прощается с Игорем,
как парус Петра осеняет Неву,
как древний собор, что обрушился, выгорев,
опять поднимает златую главу,

как поле зовёт победителя-пахаря,
как яблони в мае роняют цветы,
как светятся над топорами и плахами
Покровского храма родные кресты.

И слышится пение Матери-Родины –
от детской кровати, где сказки и сны,
до поля Донбасса – пресветлой мелодией,
победной симфонией Русской весны.

Валентина ДОРОЖКИНА

ЕГО РОДНИК НЕ ОСТЫВАЕТ...

ВСПОМНИМ О ХОРОШЕМ ЧЕЛОВЕКЕ...

Многие писатели, ставшие впоследствии известными прозаиками, начинали свою литературную деятельность со стихов. К ним относится и Виктор Иванович Герасин. Он родился 24 сентября 1939 года в рабочем посёлке Земетчино Пензенской области, но вся его сознательная жизнь связана с Тамбовским краем. Здесь он окончил среднюю школу и Котовский индустриальный техникум, затем – Мичуринский педагогический институт.

Немало профессий сменил Виктор Иванович, прежде чем стать писателем: работал автослесарем, киномехаником, учителем, журналистом. Литературный дар начал пробуждаться ещё в школе: сочинения в стихах, пробы пера в местных газетах. С приобретением жизненного опыта стихотворения становились более значительными, стали появляться публикации в журналах, в коллективных книгах. В 1979 году в Воронеже, в Центрально-Чернозёмном книжном издательстве, вышел первый стихотворный сборник Виктора Герасина «Один денёк». Несмотря на небольшой объём, он вместил в себя стихи на разные темы: о Великой Отечественной войне, о природе и людях Тамбовской земли, размышления о человеческой сущности.

Работая над стихами, Виктор Герасин пробовал писать прозу. Ко времени выхода стихотворного сборника у него уже было написано несколько рассказов. Два из них – «Газета» и «Углы» – в 1978 году опубликовал московский альманах «Истоки». Молодой автор не остался не замеченным читателями и критикой. Его рассказы привлекали искренностью, свежестью восприятия окружающего мира.

В начале 1980-х годов произведения Виктора Герасина часто появляются в журналах

«Наш современник», «Подъём». Первая книга прозы «Не помни зла» была издана в 1981 году. Потом одна за другой начали выходить книги повестей и рассказов: «Костёр на снегу» (1984), «Час туда – час обратно» (1986), «Алёна Большая» (1988). Не менее плодотворными стали для писателя и все последующие годы.

С 1988 по 1993 год Виктор Герасин возглавлял Тамбовскую областную писательскую организацию, затем перешёл на журналистскую работу – стал редактором котовской городской газеты «Наш вестник». В 1999 году у Виктора Герасина вышло в Тамбове двухтомное собрание сочинений «Нравы, норовы», куда вошли лучшие его повести и рассказы.

Необыкновенные судьбы героев, их живой, народный язык не могут не привлекать читателя. Автор умеет видеть в потоке событий главное, в людском потоке – интересных личностей. Читая рассказ «Свиданье с Волгой», действительно идёшь на свиданье с просторами великой реки, с прекрасными людьми, умеющими увидеть и оценить эту красоту... Два тамбовских труженика, награждённые за хорошую работу путёвками в Волгоград, впервые видят огромную реку: «По каменным ступеням спустились к самой воде. Вода покачивалась, поталкивалась в камень малыми барашками. Ветерок гнал мелкую рябь поперёк реки с того берега. Присев на корточки, Толя опустил ладони в воду. То же самое сделал и Ваня... Молчали оба, долго молчали, вглядываясь вдаль. Заговорил Толя, тихо так, под стать воде, заговорил:

– Вань, а ведь и из нашей Цны вода здесь. С наших полей, лугов. Ты понимаешь это, Ваня? Дела-то какие, а? Она, поди, наша водичка, и в берег-то поталкивается. Вроде того, что земляков встретила. Радостная водичка...»

Это осознание причастности своей малой родины к огромной Отчизне возвышает в собственных глазах простых тружеников одного из тамбовских совхозов: они у Волги и на Мамаевом кургане вдруг почувствовали себя гражданами непобедимой страны, и это чувство теперь навсегда останется в них...

Многие произведения Герасина автобиографичны. Мы видим автора в его повести «Моя

вина». Это воспоминания о войне, которых много можно найти в нашей литературе. Тема не новая, но тамбовский писатель внёс в повествование свежую струю, заставляющую по-новому осмыслить прошедшие годы всем, на чью долю выпало военное детство. Так и хочется сказать – «безрадостное». А почему, собственно, безрадостное? Были, были детские радости и в ту пору. Накормили досыта – радость. Письмо от отца с фронта получили – даже в избе становилось тепло, светло, радостно. А ожидание конца войны, ожидание возвращения родных и близких – разве не радость? Ещё какая! Хотя и тревожная, но радость. И герой повести «Моя вина» Володька тоже испытывает это чувство. Детским умом он понимает, что люди в горе становятся ближе, стараются сделать для других что-то приятное, особенно для тех, кого война уже отметила похоронкой.

Самая главная героиня произведений Виктора Герасина – Доброта. Не случайно в каждом рассказе, в каждой повести незримо присутствует вопрос: как нам жить друг с другом – с детьми, с родителями, с соседями, с товарищами? По принципу: ты – мне, я – тебе, как молодой тракторист из повести «От избы до избы», привозивший сельчанам хлеб и бравший за услугу «на бутылку», или как другой герой этой же повести, тоже тракторист, бескорыстно спешивший на помощь, не дожидаясь, когда об этом попросят? Так и идут рядом добро и зло. Вечная проблема борьбы между этими двумя жизненными категориями ставится и решается автором не «в любовную», не рассуждениями о том, «что такое хорошо и что такое плохо», а через взаимоотношения людей, через их поступки. Некоторые подчас не ведают, что творят: беря плату за привоз хлеба, молодой человек рассуждает так: «Совесть – штука вредная... да и толку-то в ней, в одиночной совести. Вот когда она общая, тогда, я понимаю, она – сила. Одиночная же – это отклонение от нормы, это называется дурью...»

А другой, с «одиночной совестью», Сашка – синяя рубашка, как он сам себя называет, потеряв много драгоценного времени, делает изрядный крюк, чтобы довезти до дома жен-

щину, застигнутую пургой. И она, эта женщина, которой за минуту до встречи с весёлым парнем, был не мил весь белый свет из-за людской чёрствости, сидит в кабине трактора, как на празднике великом. И кажется ей, что всё злое осталось позади. Она словно очистилась Сашкиной весёлостью и добротой и смотрит теперь на белый свет совсем другими глазами.

Все лучшие черты характера русского человека как бы сконцентрировались в Алёне Большой – героине одноимённого рассказа. Потеряв на войне мужа и сына, она воспитывает чужого ребёнка. Эта полуграмотная женщина-крестьянка оказалась мудрой воспитательницей, тонко чувствующей всю сложность человеческих отношений. Приёмного сына она учит добру и милосердию, справедливости, ответственности перед людьми: «Ты, сынка, особливо-то с людьми не задирайся... не обижай их, а они тебя не обидят лишний раз; вам и без обид дел хватает; людей на зло не наводи, против тебя же оно обернётся...»

Авторские сюжеты несложные: всё, кажется, лежит на поверхности; язык прост – мы слышим фразы, произносимые героями в общественном транспорте, в магазинах, на улице. За каждой фразой – живой человек, собеседник писателя и читателя. Но за простотой языка и сюжета скрывается подчас такая сложность человеческих отношений, которую нарочно не придумаешь, она – из жизни.

Тревога за судьбы людей звучит в повести «Мосты», в рассказах «Чёрный омут», «Изба с краю», «Под грозой», «Волки». Автору удаётся избегать монотонности и однообразия повествования. Он с любовью рассказывает о земляках, которых хорошо знает, потому что живёт с ними рядом, оценивает их поступки, болеет за них душой. Чувствуется, как дорога писателю каждая история, рассказанная в книге, как нравится ему язык сельчан. Он не придумывает специально колоритные фразы, не перенасыщает речь героев неологизмами. Язык героев – это язык самого автора.

Органично вписывается в произведения Виктора Герасина природа. Она не живёт у писателя какой-то самостоятельной, отдель-

ной от человека жизнью. Правда, далеко не все замечают её красоту. Как открытие воспринимает городской человек богатство красок леса, просторы полей, размеренную деревенскую жизнь. Такое чувство испытывает он, приехав на отдых в Листвянку – типичную русскую деревню: «Мне так и хотелось вслух воскликнуть: Боже ты мой, благодать-то какая!.. Хороший сентябрь в нашей средней полосе, та же нейтральная полоса года – между весной и летом, с одной стороны, и осенью и зимой – с другой. В нём есть всё от четырёх времён года: тепло и прохлада, увядание и цветение...»

И рассказчик, в душе которого всегда живо лирическое начало, с удивлением и восторгом описывает сентябрьское цветение какого-то «неведомого кустика»: «Вот-вот холода подступят, обжигающие утренники подрежут последнее тепло, повалят на землю с деревьев лист, а он – цветёт. Цветёт, невзирая ни на что! Что с ним? Поверил в осеннее тепло? Шутка природы? Нет, быть того не может, чтобы природа так шутила. Зацвести, когда всё вокруг увядает... Что это? Вызов? Непокорность? На это-то мне и не ответить никогда. Потому и принять надо просто, как должное: зачем-то это кому-то нужно...»

Поэт и прозаик Виктор Иванович Герасин продолжал плодотворную творческую работу, по сути, до конца жизни. Изданы книги повестей и рассказов, в которых автор оставался верен себе – он писал о людях, хорошо знакомых ему, об их судьбах; писал неравнодушно, подчёркивая каждый раз с помощью художественных средств непреходящую ценность человека.

Писатель скончался 5 января 2016 года в Котовске. Несмотря на тяжёлую болезнь, Виктор Герасин до конца дней общался с теми, кто был ему дорог, от кого он набирался мудрости и черпал, как из родника, вдохновение и желание творить... В одном из стихотворений Виктор Герасин много лет назад написал:

*Ты пой, родник!
То – песня жизни. Звёзды прячет
Рассвет за дымкой голубой...
Не остывай, родник горячий,
Не нагревайся, ледяной.*

СОНЕТ – ЛЮБИМЫЙ ЖАНР ПОЭТА

СОНЕТ ФОРТУНЕ

Фортуна, где глаза твои?
Мне кажется, что ты ослепла...
Открывши мне источник пепла,
Огня источник не таи.

Мне предстоят ещё бои.
И чтоб душа моя окрепла,
Живой водою напои,
Дай выйти из огня и пепла.

И повернись ко мне лицом –
Остаток жизни невесом.
Не жди губительного срока,

Чтоб доброта не вышла боком,
Чтоб ты, фортуна, колесом
Вдруг не задела ненароком.

СОНЕТ СМИРЕНИЯ

Когда беды не миновать
И письма брошены в корзину,
Про золотую середину
Почаще б надо вспоминать.

Мечом что без толку махать,
Упрёки посылая в спину!..
Я прощена наполовину,
Меня не надо защищать.

Теперь не о защите речь:
Ведь я уже не протестую,
Рукой и сердцем голосую,

Смиренно опуская меч,
За середину золотую,
Которой смела пренебречь.

СОНЕТ ОСУЖДЕНИЯ

* * *

Кто может с лёгкостью сказать,
В согласье ли душа и тело?..
Как мы горазды осуждать,
Не потрудившись вникнуть в дело.

Грехи чужие посчитать
Берёмся без оглядки, смело..
Молва с три короба напела,
И от неё не убежать.

Опять – на скользком полозу
Полутеатра, полурынка..
Поистине: в чужом глазу
Заметна малая соринка...

В чужом соринку видим, но
В своём не видим и бревно.

* * *

В пучину, в бездну – всё равно ко дну..
И проступает вырожденья метка,
Когда потомки осуждают предков,
Свою никчёмность ставя им в вину.

Молотит время новую копну
И подменяет ржавую монеткой
Богатство. Дерево – сухою веткой,
А ветер гонит мутную волну.

Пришельцы чертят хитрые круги,
Не за горами – новые напасти..
Лежат судьбы обугленные части,
И слышен голос: «Боже, помоги

Прозреть хотя бы у последней кромки,
Где все равны – и предки, и потомки».

Готовые за правду крест нести,
Одни творят спасительное слово,
Другие, сребреник зажав в горсти,
Строчат доносы – это всё не ново.

Одни в заботе – шкуру бы спасти!
Для этого уже на всё готовы:
И разрушенье в доблесть возвести,
Свободою провозгласить оковы.

Сливёт за храбреца вчерашний трус,
Под «злобу дня» подстраиваясь ловко..
...Окончен век. Идёт перелицовка –
До времени змея таит укус.

И пребывают в панике творцы,
И рушатся и храмы, и дворцы.

* * *

В чьё сердце попадёт твоя стрела?
В каком она к тебе вернётся виде?..
Творя неблагоприятные дела,
Мы думаем, что нас никто не видит.

Мы бережём лишь оболочку – плоть.
Но как давно не очищали душу..
Пошли прозрение, Всевидящий Господь,
Открой нам, грешным, и глаза, и уши.

Пока стрела ещё не долетела,
Не ранила и не убила тело,
Ты, Господи, сверши опять добро:

Предотврати людское злодеянье,
Спаси и преврати стрелу в перо,
Чтоб было чем писать нам завещанье.

К 80-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

ПРИСЯГНУВШИЙ БЕРЕЗАМ И РОССИИ

Было бы лучше, если бы слова любви, признательности, восхищения стихами говорились поэту (и вообще – любому человеку) при жизни. К сожалению, чаще всего мы произносим их «в память об ушедшем». Хотя нельзя утверждать, что Семён Милосердов был обделён вниманием читателей и критики. Нет, конечно. У него и почитателей было (и есть) немало. Его стихи не только не забыты, они постоянно звучат на вечерах в школах, в библиотеках, просто в кругу любителей поэзии. Это потому, что написаны они настоящим поэтом, а у настоящего поэта стихи всегда современны.

Семён Семёнович Милосердов родился в посёлке Семёновка Тамбовской губернии 16 февраля 1921 года. Потом семья переехала в Тамбов. Здесь будущий поэт окончил среднюю школу № 5, поступил в Саратовский университет имени Н. Г. Чернышевского, но завершить учёбу не удалось: началась Великая Отечественная война. Много фронтовых дорог прошёл молодой боец. В бою под городом Севском, на Брянщине, он был тяжело ранен, находился на оккупированной территории. Не долечившись, Семён Милосердов уходит в партизанский отряд, который позже влился в действующую армию. На белорусской земле, под Гомелем, Семён Милосердов получил серьёзное ранение и в 23 года стал инвалидом. На фронтовых дорогах, в госпиталях, в минуты озарения он писал стихи, мечтал о литературной деятельности. Дерзнул после демобилизации поступить в Литературный институт имени А. М. Горького. Радости не было конца: осуществилась давняя мечта! Но в 1949 году его незаконно репрессировали, и пришлось ему изведать ещё и горечь сталинских лагерей. Всё это потом нашло отражение в стихах и поэмах Милосердова.

Тема войны – неотъемлемая часть творчества поэта. Во сне и наяву ему постоянно слышался «отзвук раскалённого набата»:

*Стонь, грохот, пепел, дым и прах...
Я бегу... Мне слышится комбата
Голос, огрубевший на ветрах...
Проплывают выжженные лица,
И разверсты огненные рты...
Сколько ж будут сны такие длиться?
До моей последней, знать, черты.*

Во всём хорошем, с чем сталкивался поэт в мирной жизни, он видел своеобразный памятник павшим:

*Эти мосты и ангары,
Эти дворцы, телебашни,
Эти сады и бульвары –
Памятник павшим.*

Не могла не найти отражения в творчестве поэта и лагерная тема. Его «запретка» продолжалась шесть лет, после чего Семён Милосердов был реабилитирован, вернулся в Тамбов, работал в районной газете. Стихи его постоянно появлялись во всех местных изданиях. Первый сборник стихотворений «Зори степные» увидел свет в Тамбове в 1960 году. В 1963-м его приняли в Союз писателей. Много сил и времени отдавал Семён Семёнович работе с молодыми литераторами. Он создал в Тамбове литературно-творческое объединение «Радуга», которым руководил до конца своих дней.

Любовь к малой родине, неотделимой от большой, он пронёс через всю жизнь и творчество. Поэт воспел во многих стихах и поэмах природу родного края, его людей, которых любил беззаветно, постоянно восхищался ими.

Главный мотив поэзии Семёна Милосердова, по его собственному признанию, – мотив «восхищения и света»; это поле утренней чистоты, которой наполнены стихотворные строки, несмотря на поистине трагическую судьбу, выпавшую на долю этого человека. И тем не менее поэт всегда находился «во власти стихии солнца и стиха».

Вот что особенно выделила литературовед, профессор филологии Л. Полякова в «Слове о друге», предваряющем сборник «Белые колокола» (1991): «Земля и корень. Это, пожалуй, одна из объёмных метафор поэзии Милосердова. Земля с постоянно звучащей симфонией жизни, земля, прислушивающаяся к скрипу колёс и жужжанию шмеля, к гудению трактора и к пению старинных народных песен. Земля в разноцветии красок и запахов... Природа и человек, природа и работа. Какая-то щемящая русская грусть, какое-то постоянное присутствие ощущения невосполнимости. Но эта печаль не разрушающая, не испепеляющая душу. Она очищает, идёт в корень, насыщает его живительной силой, накапливается в народе, передаётся от поколения к поколению...»

Поэт Милосердов и названия своим книгам давал не модно-абстрактные, а такие, которые свидетельствовали о его любви к России, к людям, к родному Черноземью: «Ржаные венки», «От солнца до ромашки», «Земной простор», «Хлебный ветер», «Присягаю берёзам» и другие. Читаешь и с первых же строк узнаёшь родной Тамбовский край, его людей:

*И свет во все концы,
И хлеб во все концы...
И я иду по рубчатому следу,
Весёлые шофёры-удальцы:
– Садись! – кричат.
– Куда?
– Навстречу лету.*

Навстречу знакомому, много раз виденному, но ставшему ещё прекраснее, идёт читатель, ведомый простыми, но мудрыми словами поэта.

Тема Родины, тема человека-труженика звучит в каждом сборнике Семёна Милосердова. Отчётливо слышится «степей разноголосье», видится луна, которая, «как вызревшая дыня, спит в ржаной соломе на боку». Поэт передаёт запахи и звуки, помогает увидеть красоту и богатство страны и в то же время не позволяет забывать, что «знала Россия и горечь полыни».

О чём бы ни писал поэт – о весне или лете, об уборке урожая или рощах Приамбовья, о

зимовщиках или переселенцах, – везде чувствуется «земное притяженье»: не созерцание людского труда, а участие в нём, не взгляд со стороны, а глубокий интерес ко всему, чем живёт человек. Поэту дороги «косцов запотевшие лица», «облака над головой», потому что «всё это вместе – частица России моей луговой...».

И на войне поэт защищал прежде всего эту бескрайнюю красоту родной земли. Сколько душевной боли автора вобрали в себя строки стихотворения «Зёрна»:

*Я помню: был смертельным грузом
Взрыт косогор; как близ реки,
Дымясь, на поле кукурузном
Светились зёрен угольки.
Бой отгремел. Пожар потушен.
И мы ушли за косогор...
А эти зёрна жгли нам души
И обжигают до сих пор.*

Стихи Семёна Милосердова проникнуты ощущением неразрывной связи человека с землёй, на которой он трудится. И оттого, что сам поэт близок к этой земле, что он свой в любом селе, в любой деревне, стихи читаются легко. Они даже не читаются, а льются, как золотое зерно на большом току. И так просторно и светло становится на душе, словно ты сам приобщаешься к добрым делам, которые творит человек. Простота и образность – вот что свойственно поэзии Милосердова. У него не найдёшь таких «сверхоригинальных» рифм и выражений, когда, прочитав написанное, долго думаешь: а что же всё это означает? И уж, конечно, нет той избитости, какая даёт пищу для многих пародий. Кажется, поэт вообще и не подбирает рифму, не придумывает образные выражения – они сами приходят в стихи, делая их запоминающимися, а главное – заставляющими по-новому, глазами поэта, посмотреть вокруг себя и увидеть, что «березняка светящаяся кромка дыханьем сентября обожжена», услышать, как звучит осенняя тишина, и в этой прозрачности, в этой лёгкости уловить «черты моцартианства, гармонии сияющей красу».

Присягнув когда-то берёзам, Семён Милосердов присягнул всему, что связано с Родиной. Он верен присяге, своей теме – верен труду и труженику. У автора – «ненасытные очи: // Всём мало земной красы – // Света августа звёздной ночи, // Луга, мокрого от росы»; у него – «ненасытные руки: // Не устали сеять и жать, // Опоясывать лесом яруги, // Срубы ставить, рычаг держать».

Во вступительной статье к сборнику «Люби меня, люби» (1991) его составитель – вдова поэта Любовь Горина – писала: «...читатель прежде всего знал Семёна Семёновича как поэта хлебного поля, воспевающего людей “особой пробы, которых называют ‘хлеборобы’, на чьих плечах и держится земля”. Эту тему поэт считал главной для себя... Назначение своей музыки он видел в том, чтобы “тихой песней земной” поднять до звёзд “русый колос ржаной”, подчеркнуть предопределяющее значение крестьянского труда для Отечества, его судьбоносность.

В неотделимости от земли собственных закатов и рассветов, в признании “пахотной России” черпал С. Милосердов силы для своего творчества... Однако “власть земли” была не единственной темой поэзии С. Милосердова. Его архив богат и разнообразен. Это философские стихи, стихи на исторические темы, размышления о судьбе России, русском национальном характере, особенно ярко проявляющемся в драматические моменты истории страны – от татарского ига до сталинизма, поэтические портреты любимых деятелей литературы и искусства от А. Пушкина до П. Антокольского, пародии, эпиграммы, подражания маститым и малоизвестным широкому читателю собратьям по перу. И среди всего названного – строки любви...»

Да, стихов Милосердова о любви читатели знали меньше, чем о земле, о природе, о хлебе. И вот –

*Да пребудешь ты, любовь, со мною,
То, чем жив вовеки человек,
То, что подымает над землёю
В ядерный безумный этот век!*

Конечно, и в любовной лирике Семёна Милосердова присутствуют цветы и деревья, белые метели, черёмуха и сирень – вся наша удивительная природа. Да и как без неё? Без неё – это уже не любовь:

*Опять сквозь белые метели
По январю, по февралю –
Лишь только б лыжи звонко пели –
Приеду. Выдохну: «Люблю...»*

И ещё одно удивительное свойство поэзии Милосердова: в его стихах постоянно присутствует образ малой родины. Поэт, обращаясь к любимой, убеждён, что «на широких улицах Тамбова всё равно вдвоём не разойтись».

Стихотворения «Татарский вал», «Герб Тамбова», «Цна», «Весна в Тамбове» и другие создают картину русского края с богатой историей:

*Грозою отшумели годы,
Перепахал былое труд.
Дома, как солнечные соты,
На наших улицах растут.
Взгляни: стал город выше ростом.
Как песни, наши дни светлы.
Тамбовцам свойственно упорство
И трудолюбие пчелы.*

Поэт находит особые слова и образы, чтобы описать красоту тамбовских улиц, речку Цну, которую он любит во всякое время года: когда она –

*Малиновая на закате,
Купающая облака,
Когда в них врезается катер,
Подставив брызгам бока.
Люблю тебя на рассвете
Прозрачной порой октября,
Твой свежий прибрежный ветер,
Сосняк, пионерлагеря...*

Сам жизнелюб и великий труженик, Семён Милосердов любил людей жизнерадостных, добрых, работающих. И в его произведениях – на виду вся жизнь человеческая: иногда суровые, но светлые лица Авдотьи, Ульяны, бабы Гар-

шихи и, конечно же, Алёнушки, чью нежность и красоту можно сравнить разве с весенним рассветом, навстречу которому, переполненный любовью, идёт он, её Иванушка.

Природа Тамбовского края с берёзами, ржаными колосками, бескрайними ромашковыми полями постоянно присутствует в стихах поэта. Он живёт в ней, разговаривает с цветами и деревьями, как с живыми существами, ощущая «непостижимое слиянье сердцебиенья с тишиной»:

*Иду в лицо моим цветам взглянуть.
Они меня встречают, как знаконца.
Вот одуванчик освещает путь,
Как луговое маленькое солнце.*

Поэт мог часами бродить по лесу, вдыхая живительный аромат, наполняющий сердце нежностью, а голову – новыми поэтическими образами. И берёзы, как будто оберегая его вдохновение, шептали кому-то невидимому, предупреждая: «Тише, тише, не хрустите веткой, не мешайте думать...»

Из множества поэтических сборников Семёна Милосердова в Москве вышел только один – «Хлебный ветер» (1981). Остальные – в Воронеже и в Тамбове. Да он и не стремился в столичные издательства. Во-первых, знал, что поэту, живущему в провинции, непросто издать книгу в столице; во-вторых (и это было главным в данной проблеме) – он был необыкновенно скромным: и когда не имел ни одного сборника, и когда их было уже достаточно много. Он не кичился членством в Союзе писателей, хотя, безусловно, гордился этим. Но не меньше, а может, и больше гордился тем, что был членом Союза журналистов. Работе в газете поэт отдал много лет жизни. И первые его стихи были напечатаны именно в газете.

Не раз слышал Семён Милосердов советы отправляться в Москву, «пробивать» сборники. В таких случаях неизменная ироническая улыбка освещала его лицо. С горчинкой, правда, улыбка. Обычно он молча отмахивался, а как-то взял да и написал стихотворение «Пребываю в

тени». В нём он не только ответил на все советы о поездках в столицу, но и ещё раз подчеркнул предназначение поэта, которое не зависит от места жительства:

*Мне внушают: поезжай в столицу!
Пробивай! Резину не тяни!
Мол, в Тамбове к славе не пробиться,
Так и будешь пребывать в тени.
Ну, а я люблю теней сплетенье,
В жаркий полдень задремавший плёс.
Тени, как пятнистые олени,
На траве – от золотых берёз...
Птичья бескорыстная эстрада
Мне была с младенчества сродни.
Разве просит соловей награду,
Тоже пребывающий в тени?
Может быть, не всем мой голос слышен,
Но без усилителя пою.
С каждым годом пребываю ближе
К людям и цветам в родном краю.*

После кончины Семёна Милосердова – 4 декабря 1988 года – вышли четыре сборника стихов и поэм, составленные вдовой поэта. Она же подготовила его стихи для публикации в журналах «Наш современник», «Подъём». Её воспоминания о Семёне Семёновиче полны светлой памяти и великой любви к поэту и человеку. Ибо, как говорила Марина Цветаева, «любовь – это действие». А Любовь Михайловна Горина действовала так, как, наверное, ни одна комиссия по литературному наследию. Результат? Сборники «Белые колокола» (1991), «Люби меня, люби» (1991), «России чистая душа» (1993), «Нюансы» (Эпиграммы, пародии, подражания; 2001).

Именно в книге «России чистая душа» раскрылась ещё одна грань его творчества: с огромной внутренней силой, но без надрыва зазвучала тема крестного пути, по которому пришлось пройти Семёну Милосердову, лагерная тема:

*Отوبرали волю,
Посадили в клетку,
Лагерную зоной*

*Обернулся мир...
Как же так случилось?
На Тверском бульваре
Я, литинститута
Молодой студент,
Плакал от восторга,
Презирал Бухарина,
А теперь – враждебный
Сам вот элемент.*

Пять стихотворений из цикла «Запретка» – «Эй вы, сталинские соколы...», «Вот ещё один ледоход», «Голоса», «Песня», «Повезло» – вошли в книгу «Поэзия узников ГУЛАГа», выпущенную в 2005 году в Москве в издательстве «Материк» при поддержке Международного фонда «Демократия» в серии «Россия. XX век». Содержание их – отражение той обстановки, в которой находились лагерники. Это крик невинной души, насильно втянутой в воронку страшных лет массовых репрессий. Но в стихах была и надежда:

*Вот закончится этот год,
Вот ещё один ледоход,
Потерпи, браток, подожди:
Разберутся во всём вожди...*

Вожди «разбирались» слишком долго: сколько жизней пропало, сколько загублено талантов! Но, слава Богу, есть память сердца, есть подвижники, воздавшие (в частности, этим изданием) должное мученикам ГУЛАГа.

Но, «споткнувшись о камень беды», как определил С. Милосердов перипетии своей судьбы, он не потерял равновесия, человеческого достоинства:

*Душа оттаяла, запела,
Блеснула и моя звезда...*

*А белый свет – он, точно, белый,
Хоть был и чёрным иногда.*

Много чёрного было в жизни Семёна Милосердова. Он перенёс голод и холод, войну и колючую проволоку. Но ни окопы, ни окрики часовых, ни грубость и мерзость бараков не ожесточили его, не вытравили в нём нежную душу лирика. Она светится в каждой его строке, полная любви и желания взаимности. Родниковая свежесть стихов пробуждает благородные чувства, желание стать выше, лучше, значительнее, любить и быть любимым:

*Всё ж на грани смерти и запрета,
Проверяя душу на разрыв,
Полный восхищения и света,
Я пронёс о Родине мотив.*

«Мотив о Родине» стал основным и в книге Семёна Милосердова «Халцедон», вышедшей в Тамбове в 2007 году в серии «Литературные родники Тамбовского края»...

Волшебством веет от лирики поэта, его стихи завораживают, и неохотно выходишь из этого мира – берёзового, грачиного, листопадного, пронизанного светом нежной, ранимой, вечно влюблённой души. Он порой и сам удивлялся, откуда появлялось такое, – вроде бы ничего волшебного, а душа трепещет:

*Ты говоришь: бессонница...
Всё бросить и забыть...
Но разве можно солнце
В самих себе гасить?*

Могут ли такие стихи оставить человека равнодушным? Конечно, нет. Оттого и будут они жить вечно, как и их автор – поэт Семён Милосердов.

«ПОМЕНЬШЕ ПУШЕК, ПОБОЛЬШЕ КНИГ И ИГРУШЕК!»

ТЕМА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ТВОРЧЕСТВЕ МОЛОДЫХ

*Послушайте, люди:
Делайте меньше пушек,
Лучше – побольше книг
И игрушек!*

Такие строки написала много лет назад начинающая поэтесса из литературно-творческого объединения «Тропинка» Тамбовской областной детской библиотеки. Отрадно сознавать, что тема войны и мира для молодых поэтов – не на последнем месте. И тут просто необходимо сказать о воспитании у молодых чувства патриотизма.

Патриотизм – понятие духовное, это неотъемлемая часть творчества, в чём нас убеждают многие примеры. Во все времена писатели, художники, музыканты, учёные творили во имя любви – к своей малой родине, к Отечеству, к человеку. Нет, пожалуй, ни одного произведения, в котором так или иначе не проявлялись бы патриотические, духовно-нравственные мотивы: ведь слово «патриот» означает «земляк, соотечественник», а «патриотизм» – «преданность и любовь к своему отечеству, своему народу». Так трактуют это понятие словари. Но, даже не зная точного определения этих терминов, мы сердцем чувствуем, что они означают.

Алексей Николаевич Толстой не устал повторять, особенно в беседах с молодыми: «Патриотизм – это не значит только одна любовь к своей родине. Это гораздо больше... Это – сознание своей неотъемлемости от родины и неотъемлемое переживание вместе с ней её счастливых и её несчастных дней»...

Дети острее и, может, даже сильнее чувствуют неискренность, ложную патетику. А одарённые дети – особенно. Много раз и библиотекари, и учителя проводили анкетирование

среди учащихся 5–11-х классов, занимающихся в различных творческих кружках и объединениях, на тему «Как я понимаю патриотизм?».

Одним из вопросов анкеты был такой: «Знаете ли вы высказывания великих людей о патриотизме? Приведите наиболее близкие вам». И так неожиданно среди многих примеров – стандартных, высокопарных – неожиданно и приятно было прочитать такие высказывания: «В человеке порядочном патриотизм есть не что иное, как желание трудиться на пользу своей страны, желание делать добро...» (Н. А. Добролюбов); «Патриотизм – чувство самое стыдливое и деликатное... Побереги святыне слова, не кричи о любви к Родине на всех перекрёстках. Лучше – молча трудись во имя её блага и могущества» (В. А. Сухомлинский).

Этими принципами руководствуются одарённые дети, занимающиеся в литературно-творческом объединении «Тропинка» областной детской библиотеки и в её филиалах, созданных в районах области. Какие темы затрагивают юные поэты в своих стихах? По-моему, нет такой темы, на какую бы они не писали. Не перечислять стихов о родном городе, о Тамбовском крае, который для них, как и для всех нас, – часть России. Не случайно ведь говорят, что любовь к большой Отчизне начинается с любви к малой родине.

Юные авторы, как правило, пишут много посвящений: родителям, бабушкам, дедушкам, подружкам, учителям. Со временем у них появляются рифмованные сочинения о природе, о любви. Почти все пишут на тему Великой Отечественной войны.

Поколение молодых знает о войне по книгам, фильмам и по рассказам ветеранов, которые часто приходили в школы, студенческие аудитории, чтобы поделиться своими воспомина-

ниями. И конечно, после каждой такой встречи ещё сильнее болели старые раны. Но зато рассказы бывших воинов не прошли мимо молодых сердец. Проникая в трагическую суть событий 1941–1945 годов, юноши и девушки, подростки пишут на эту тему сочинения, рефераты, стихи.

*Я много книг читала о войне,
Я знаю, что она бесчеловечна.
Нам нужен мир, надёжный мир –
Навечно!*

Это строки из стихотворения Галины Петровой из Кирсанова. А школьница из Котовска Анна Борисова, называя день 9 Мая «днём радости и слёз», пишет:

*И в этот день священный,
В день радости и слёз,
Возложим к Вечному огню
Букеты алых роз.*

В творческих конкурсах, посвящённых Великой Победе, юные стихотворцы принимают самое активное участие. По итогам одного из областных конкурсов первое место за цикл стихотворений, посвящённых Великой Отечественной войне, было присуждено студентке ТГУ имени Г. Р. Державина Марии Знобищевой (сейчас Мария – уже член Союза писателей). А в интернет-конкурсе и в конкурсе, проводимом Тамбовским отделением Всероссийского общества любителей книги, призовые места получили семь участников литературно-творческого объединения «Тропинка»: Роман Багрецов, Елена Захарова, Мария Знобищева, Никита Кабисов, Дмитрий Ключевский, Ольга Кулькова, Александра Николаева. Стихи Никиты Кабисова и Александры Николаевой были опубликованы в «Литературной газете». Тогда им было по 17 лет. Сейчас – это уже взрослые люди, окончившие вузы и нашедшие свою дорогу в жизни.

У ВЕЧНОГО ОГНЯ

*Светлый храм, где не гаснет огонь,
Цвет небесной лазури во взорах...*

*Мать ребёнку вложила в ладонь
Старый снимок, что ей очень дорог.
А на снимке – пять храбрых ребят,
Улыбаются, шутят друг с другом,
Все на фоне берёзок стоят –
Тех, что много в любимой округе.
«Ваня, видишь, твой прадед стоит, –
Мать тихонько сказала ребёнку. –
Как душа моя, Ваня, болит...»
И заплакала горько в сторонке.
«Что ты, мама? Не надо, не плачь!
Наш дедуля был храбрым и смелым.
Нас с тобой он прикрыл, словно плащ,
Защитил от врага своим телом...»
Мама, крепко ребёнка обняв,
Положила две красные розы
У горящего вечно Огня,
Что хранит нашу память... и слёзы.*

Это строки Никиты Кабисова. Александра Николаева начала свои стихи с вопроса: «А что я знаю о войне?». И сама отвечает:

*Я не знаю войны. Я тогда не жила.
Даже бабушка малым ребёнком была.
Но я книги читала об этой войне,
И я фильмы смотрела про ужас в стране:
И как бомбы рвались, как горели дома,
Дети гибли, их мамы сходили с ума,
Как солдаты себя не жалели в бою,
Заслоняя собою Отчизну свою;
На заводах ребята в войну с малых лет
Ожидали от воинов скорых побед...
И остались бессмертными все имена –
Тех, кого погубила, убила война.*

Способность и желание откликаться на все события, происходящие в родном крае, в России, в мире, свойственны молодым. Сколько написано сочинений, стихов о событиях в Беслане, о подводной лодке «Курск», о молодых ребятах, погибших в так называемых горячих точках!

Тема Великой Отечественной войны в творчестве юных поэтов – это вообще отдельная, требующая долгого разговора тема. Откуда дети, знающие о трагических сороковых годах только по книгам, фильмам и по расска-

зам дедов и прадедов, берут такие слова, что взрослому человеку порой трудно сдержат волнение при чтении их непритязательных стихотворений, а порой и достаточно зрелых по содержанию и форме?

*Услышьте тех, кто не успел родиться,
Чьи матери погибли на войне.
Статистика считает только лица
Отдавших жизнь за счастье на земле.*

*Услышьте тех, кто не успел родиться,
Их матери не встретили отцов.
На белый свет им не дано явиться:
Война убила их родителей – юнцов.*

Автору этих строк, Ирине Серовой, было тринадцать лет. Сейчас она оканчивает аспирантуру.

А Ольга Штыркина в восемнадцать лет написала стихотворение «Осенний призыв», в котором передала состояние природы и состояние лирической героини от вида уходящих в армию юношей:

*Листья, будто феи,
Закружились в танце.
Мимо прошагали
Маршем новобранцы.
Голые деревья,
Прячась друг за друга,
Ветками прикрылись,
Словно от испуга.
И дышать мне трудно
От осенней пыли...
Мальчики-солдаты
В памяти застыли.*

В другом стихотворении Ольга пишет о матери, плачущей над похоронкой: у неё погиб сын, и –

*Тишина повисла в окнах,
Разделила мир стена.
Плачет мать над похоронкой –
Не окончена война.*

Дети пишут о блокадном Ленинграде, о Сталинградской битве, о Прохоровском поле, о Великой Победе и в конечном счёте – о великой России. Каким же надо обладать даром, чувством сопричастности ко всему, чем жила и живёт Родина, чтобы написать вот такие строки:

*Всё пройдёт. Останется Россия –
Чистая, свободная – без нас –
Пустынью, лампадой негасимой,
Той, которую никто не спас.
Порицали, отвергали, уезжали,
Но забыть в итоге не смогли
Край святой любви, святой печали,
Плачущее сердце всей земли.*

Это написала 17-летняя Ольга Кулькова, которая в настоящее время живёт и работает в Москве.

А Мария Знобищева рассказывает в стихах о том, как, проходя мимо сквера, где стоит памятник Зое Космодемьянской, каждый раз останавливается перед вечно юной героиней, и кажется ей, что Зоя улыбается, глядя с высоты постамента на красивый сквер: «Не погибла, смотрите, и даже // Улыбается юная нам...» И совсем по-взрослому задаёт молодая поэтесса вопрос: зачем стоит на одной из улиц Тамбова «огромный танк, как память о войне?» И сама же отвечает:

*Затем под гладью неба голубого
В вечернем полумраке тишины
Стоит наш танк, что фронту дан Тамбовом,
Чтоб вечно помнить: мы сильнее войны!*

Когда читаешь такие строки молодых, как «Помилуй, Господи, скорбящую Россию, // Истерзанную, но душою – сильную» (Ольга Штыркина); «Но дышит сердце болью о Беслане. // О Господи, что завтра будет с нами?» (Елена Захарова); «Я родился в великой России, // И в России я буду жить» (Олег Григоров); «Русь моя – жизнь моя, в сердце бездонном // Только любовь к тебе будет законом» (Анна Клещ) и многие, многие другие, – с волнением и гордостью думаешь: «Если у нас есть такая молодёжь – значит, Россия не пропадёт...»

ПРОКЛЯТЫЙ ДАР

Инна ВАЖДАЕВА

Родилась в 1966 году в г. Нижнем Новгороде. Художник Арсеньевского ЦКДиК Тульской области.

Автор произведений в жанре «мистическая фантастика», а также юмористических монологов и рассказов.

Стрелка на часах показывала пять часов утра, когда Сергей, взмокший от волнения, с трепещущим сердцем в груди, очнулся от беспокойного сна.

– Опять кошмар!

Сергей зашлёпал босиком в ванную комнату и посмотрел в зеркало, висевшее на стене. Отражение показывало, что не мешало бы отдохнуть от работы. Но он не мог. Он никак не мог себе этого позволить, потому что отпуск не принёс бы никакого удовлетворения. Несчастный и в то же время известный журналист стал вечным рабом беспрестанно возникающих видений.

Сергей брызнул в лицо холодной водой, пытаясь вернуться к действительности. Крупные капли стекли на майку, оставив мокрые пятна. Сергей подошёл к телефону и, секунду поразмыслив, уверенно набрал номер.

– Потанина позовите, – глухо прозвучал его голос.

– Сергей, почему так рано? – спросил недовольный Потанин.

– Есть сенсация. Вернее, скоро будет. Для твоей уверенности могу назвать точное время: шесть часов десять минут по местному.

В телефонной трубке послышался лёгкий шорох. Это Потанин приготовил листок бумаги и карандаш.

– Я весь внимание, Сергей. – И неуверенно добавил: – А вдруг на этот раз твоё видение окажется эфемерным? Ты представляешь, в какую лужу мы сядем?! Да нашу газету просто закроют! И это в лучшем случае!

– Потанин! – обиженно оборвал его журналист. – Я тебя когда-нибудь подводил?

– Да что ты, Серёжа! – пытался оправдаться редактор газеты. – Это я так, для полной уверенности.

– Тогда записывай, – грубо ответил Сергей. – А то я спать хочу.

Но Сергей после разговора спать не лёг. Он взволнованно посмотрел на часы. Стрелки показывали пять минут седьмого. Накинув рубашку, Сергей вышел на балкон. Ровно в шесть часов десять минут огромный самолёт, дымя хвостом, низко пролетел над зданиями города и упал за его пределами. Мощный взрыв вызвалдребезжание стёкол в зданиях.

– Пять человек экипажа самолёта и восемьдесят два пассажира, – тихо проговорил Сергей, – а с ними депутат Государственной Думы, кандидат на пост президента Александр Анатольевич Лесков, – ещё менее слышно пробормотал Сергей, залезая под тёплое одеяло и натягивая его до подбородка. – Все погибли от вмонтированной на борту часовой бомбы.

«Как я устал! Если бы все знали, как я устал от этих сенсационных видений!» – уже засыпая, думал Сергей.

Утренние газеты пестрили различными заголовками и статьями о крушении авиалайнера Ту-154, мучаясь догадками и излагая разные версии. И только одна молодая, но уже популярная газета дала точную информацию об утреннем происшествии. Потанин был чрезвычайно доволен, а Сергей снова утвердился в звании талантливого и профессионального

корреспондента. Но два месяца назад жизнь Сергею не казалась такой уж интересной. Если бы не тот злополучный день, может, и не стать ему никогда известным журналистом. Но судьба распорядилась иначе.

«Посредственность! Серая, бездарная посредственность!» – не переставая звенел в ушах Сергея визгливый голос разъярённого редактора. Снова и снова перед глазами вставала одна и та же неприятная картина – целая кипа печатных листков, летящих прямо в лицо неудачливого журналиста.

Сергей переключил скорость. Стрелка на спидометре приблизилась к отметке «сто». Белые «Жигули», словно испуганная чайка, летели прочь из города. Вскоре машина выехала на пригородное шоссе. Сергей мчал бессознательно. Лишь бы скорее удалиться от злополучной редакции.

«Надо же! Так опозориться на глазах у коллег!» После развода с женой куда-то девалось бывшее мастерство и удача. словно что-то сломалось внутри. Жизнь приобрела серые краски, а всё вокруг оказалось не таким уж и важным.

Сергей тяжело вздохнул и упёрся вытянутыми руками в руль, от чего включилась кнопка сигнала. От резкого шума Сергей пришёл в себя и растерянно огляделся. День близился к закату, он находился в незнакомом месте на обочине загородного шоссе. Сергею сильно хотелось пить. Недалеко от дороги виднелись деревянные домики.

«Наверное, деревня», – подумал журналист и развернул машину на просёлочную дорогу.

Сергей остановил «Жигули» возле первого дома, стоявшего на краю деревни. Обветшалый дом с первого взгляда казался заброшенным, но Сергей всё же решил зайти, чтобы попросить у хозяев воды. Внутри дома стояла жуткая тишина. Лишь неяркий огонёк от свечи, стоявшей на столе в медном подсвечнике, тускло освещал железную кровать с высокими спинками, едва заметную в дальнем углу комнаты. На кровати кто-то зашевелился. Это привлекло внимание Сергея, он подошёл ближе. Под горой стёганных одеял находился старик. Заметив Сергея, он заговорил:

– Наконец-то ты пришёл. Дай мне быстрее воды, а то в горле пересохло. – Старик закашлялся.

Ковш с водой стоял рядом на столе. Видимо, по слабости своей старик никак не мог до него дотянуться. Но как только Сергей подал немощному старику воды, тот мёртвой хваткой вцепился ему в руки. Не выпуская из своих рук ладони Сергея, он одним глотком осушил посудину.

«Не похож старик на больного, – подумал Сергей, тщетно пытаясь освободиться из цепких рук. – Вон как крепко ухватился! Скорее сумасшедший какой-то».

Старик никак не желал отпускать парня. Ловко ухватившись за рукава его рубашки, старик безумно горящими глазами уставился на Сергея. Подтянувшись слабыми руками, дед тяжело задышал ему в лицо.

– Один я. Уже много лет один, добра от людей не видел, а у тебя сердце есть и смелость. За доброту души твоей подарок хочу сделать.

Сергей усмехнулся. В этом убогом домишке навряд ли найдётся что-нибудь подходящее для подарка. Но старик заметил недоверие в глазах парня и грубо встряхнул его, снова призывая к вниманию.

– Нет, ты послушай меня! Послушай внимательно. Дар непростой. Особенный. Его голыми руками не возьмёшь. Его почувствовать надо. Только согласишься ли взять мой дар? Не испугаешься? – загадками продолжал старик, не отпуская Сергея и пытливо вглядываясь в его глаза.

«Старик точно спятил! – не на шутку испугался журналист. – Чего он тянет с подарком? Надо бы подыграть старику. Может, тогда отпустит?»

– Ладно, дед, давай свой подарок, – сдаваясь, согласился парень.

– Бери! – обрадовался старик. Он громко расхохотался и грубо оттолкнул от себя опешившего журналиста.

Освободившись, Сергей выскочил прочь из дома. Задетая свеча упала на деревянный пол, а язык разгоревшегося пламени жадно лизнул край одеяла, под которым лежал старик.

...Сергей решил взять пару дней заслуженного отдыха. Проехав несколько километров

по широкой автостраде, он повернул машину на ту самую просёлочную дорогу, по которой ездил два месяца назад. Сентябрь осенними дождями успел размыть узкую колею дороги. Впереди появились деревянные дома, но Сергея интересовал только один дом. Вернее, его хозяин. Но надежды мужчины не оправдались. Вместо старого домика он увидел груды обгоревших брёвен. Сергей вышел из машины. Впереди брела пожилая женщина. Журналист без труда догнал её.

– Вы не скажете, когда сгорел этот дом? – поинтересовался Сергей.

Пожилая женщина остановилась и с минуту внимательно разглядывала мужчину.

– Тебе зачем знать? – задала она встречный вопрос.

Сергей не растерялся. Чтобы удовлетворить любопытство старушки и расположить её к себе, журналист показал ей своё удостоверение и ответил, что хочет написать об этом загадочном доме статью. Увидев удостоверение, женщина стала разговорчивей. Ведь, как-никак, она в первый раз столкнулась с настоящим живым корреспондентом. Может, и о ней что-нибудь напишут.

– Загадочный дом, говорите? – произнесла она, задумавшись, видимо, что-то пытаясь вспомнить. – Верно говорите. Только у нас в деревне называли его проклятым и обходили стороной. Старик здесь один жил, никто его не любил. Колдуном называли за язык его. Говорил он мало, жил обособленно и с сельчанами не общался. Но если скажет что-нибудь, обязательно случится, словно ворон накаркает. Видящим он был, да только видел одно плохое. Мужики подстерегли его однажды, припугнуть хотели, чтобы языком не болтал, да забили беднягу до смерти. Испугавшись наказания, хижину-то его и сожгли. Так уже лет двадцать тому назад это случилось, а люди всё никак забыть не могут. Говорят, ходит его призрак по обгоревшим обломкам да ищет человека, чтобы свой дьявольский дар передать. Только тогда тёмная душа успокоится и покинет этот мир.

Сергей с удивлением выслушал женщину.

– Пойдите, пойдите. Как двадцать лет назад? Вы ничего не перепутали?

Но старушка обиженно добавила, недовольно глядя на неблагодарного слушателя:

– Я, милоч, уже свой век в этой деревне доживаю. А ты говоришь, что напутала!

Старушка развернулась спиной к журналисту и захромала в глубь деревни. И вдруг Сергей заметил, что на обгоревших развалинах, где находился дом колдуна, кто-то ходит. Он подошёл к покосившейся, почти лежавшей на земле калитке. И тут до него донеслись странные слова:

– Ищешь, ищешь, не найдёшь, своей смертью не умрёшь.

Вслед за словами раздался скрипучий старческий хохот. После этого фигурка старика, стоявшая на развалинах, исчезла так же внезапно, как и появилась.

«Этого не может быть! Чушь какая-то. Наверное, я просто переутомился, и у меня от потрясений нервный срыв», – успокаивал себя Сергей и поспешил к машине. Но в его голове раздавался всё тот же голос старика. «Меня не найдёшь. Странной смертью умрёшь».

На дороге, по которой ехал Сергей, случилась пробка. Нетерпеливые пассажиры ругали водителей, водители нервно жали на стоп-сигналы. Вдруг совершенно неожиданно одна из машин выехала на встречную полосу и тут же была сбита налетевшей на неё чёрной «Волгой». Маленькая «Ока» опрокинулась набок и через несколько метров остановилась напротив машины Сергея. В автомобиле находились двое: молодая женщина и её пятилетний сын. Сергей, не мешкая, кинулся им на помощь. Он помог женщине выбраться из машины и полез за мальчиком. Но тот крепко вцепился маленькими ручонками в кресло и не желал отпускать его.

– А ну, малыш, идём ко мне, – уговаривал он ребёнка. Но тот упрямо качал головой, не отпуская спинку кресла.

– Давай поиграем, – неожиданно предложил мальчик.

– Какие игры?! Выбраться надо, и быстрее! – Сергей тревожно посмотрел на задымившийся капот машины.

– Тогда подари мне что-нибудь! – не унимался капризный мальчишка.

Сергей пошарил у себя по карманам, но там лежали только сигареты.

– Нет у меня с собой ничего.

– Ты мне понарошку подари, – продолжал настаивать маленький зануда.

– Как это – понарошку?

– Ты что, маленький? Протяни свои руки и скажи: «Возьми мой подарок».

Но вместо этого Сергей неожиданно для себя произнёс:

– Бери! – Он играючи хлопнул малыша по ладошкам.

Мальчик довольно расхохотался, но его весёлый смех неожиданно прервался. Малыш испуганно посмотрел на Сергея и закричал:

– Дяденька! Вытаскивай меня отсюда скорее! Сейчас машина взорвётся!

Сергей выбрался с мальчиком наружу. Через несколько минут пламя охватило «Оку», и мощный взрыв подкинул её в воздух, словно спичечный коробок. Молодая женщина крепко прижала к груди спасённого малыша и с бесконечной благодарностью посмотрела на журналиста.

– Скоро по этой дороге ни одна машина не проедет. Уже завтра, – задумчиво и тихо произнёс мальчик, словно что-то увидел. И только Сергей заметил странную искорку, сверкнувшую в огромных карих глазах пятилетнего ребёнка.

На следующий день, проснувшись, Сергей почувствовал необычайную лёгкость во всём теле. Впервые за последние месяцы он так спокойно спал. Сергей сладко потянулся на кровати и посмотрел на часы – половина двенадцатого.

– Ничего себе! – удивился Сергей и стал поспешно одеваться. Из дверей на выходе выпал свежий номер газеты. В нём сообщалось, что ночью на одной из городских дорог произошла крупная авария. Столкнулись шесть автомобилей. Причём одна из них везла взрывчатое вещество. Мощный взрыв разворотил дорогу до неузнаваемости, превратив место происшествия в огромный котлован. Причины аварии выясняются, а дорогу закрыли на капитальный ремонт.

Баллада об уральских пушкенистах

К 30-ЛЕТИЮ АССОЦИАЦИИ ПУШКИНСКИХ КЛУБОВ
СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ – ПАС «ЛИРА»

Наталья ШАРНИНА

Духовно светлым гением мы связаны
И крепкой дружбой Пушкину обязаны.
Слова Пророка в наше время помнить надо.
«Тиха украинская ночь»... исчадь ада.

Не о Мазепе мой рассказ, не о Полтаве.
Великий патриот писал о русской славе.
На наших встречах больше лирика, любовь,
Волшебным словом восхищаемся мы вновь.

А началось с Проскуряковой Эвелины.
Писали «Музе» молдаване и грузины.

Хранились экспонаты в кухне под диваном,
Ослепшая, пришла на встречу с Геворкяном.

Коллекционеров клуб не зря называли «Муза»,
Пенсионеры, краеведы – суть союза.
Кузьмин, Ренёв, с женой Табуркин, наш добряк,
Да собиратель книг полковник Сауляк.

Открыли выставку в столетье пионеров
И к юбилею палехских (да!) чародеев.
Звенит детей игра со сказками поэта,
Из Коновалово стихи читает Вита.

Здесь был Жуковский – «побеждённый»
он учитель –
И цесаревич Александр Освободитель.
А рядом Соломирский, из Сысерти, жил.
Его отец в столице с Пушкиным дружил.

Домашние «салоны», посиделки, встречи:
Сестрицы три, деды и градед царь Салтан
Поют, читают сказки наизусть весь вечер –
И громче всех десантник родственник Руслан.

Добраться до Ильинского не так-то просто.
Надежде Дёминой не занимать упорства.
Культурой города и края управляет,
Демидовых и Строгановых почитает.

Она меня в шестую школу привела,
А там высокая поэзия жила.
Бывали Найдич, Станцев, Осипов Вадим,
Блинов, Надъ – кто «духовной жаждою томим».

Там Нина Юрченко с директором Светланой
Создать свой пушкинский музей имели планы,
Чтоб Балашова, Щекутова знал народ,
Чтоб Пушкина простой язык пришёл в завод.

Но Нина дерзкую мечту осуществила.
Музей при школе вопреки всему открыла!
Ученики несут в ту школу экспонаты,
Встречаются на «Лукоморье» все фанаты.

Со школьниками съездили в Пушкиногорье!
С Галинами родители не знают горя:
Проехали и вдоль и поперёк Отчизну,
Пройдя и школу дружбы и патриотизма.

Поездка к Всеволожским – мне Людмилы дар.
Владели землями Никита, Александр.
Друг Пушкин начал свою повесть про Пелым,
По воле рока был тот план невыполним.

Читает юбиляру стих Руммо Галина,
Талантливая белорусская дивчина.
А клуб в библиотеке «Интеллектуал»
Романтиков, любителей искусств собрал.

Пушкиногорье, Псковская область. Галина
Строева и Наталья Шарнина

В деревне Коновалово – домашний клуб «Елена»

В бывшем Доме пионеров г. Екатеринбурга
в пушкинской комнате сказок, расписанной
палехскими мастерами в 1937 году. Слева направо –
Н. С. Смольникова, Н. В. Шарнина, Вита Бакирова,
А. В. Сауляк, А. В. и Э. С. Табуркины, Н. А. Черкунова

На фото Н. В. Шарнина и В. П. Лукьянин

У дома Ольги Марковой в Новоуткинске. Вторая
слева – Зинаида Павловна Мехонцева

«Евгению Онегину» сегодня двести лет,
В победный день роман задумал наш поэт...
Встречали Голышева, родом из Касли,
Ему «ЕО» куплеты славу принесли!

Свершили чудный подвиг Софья и Татьяна:
На изоляции соткали нить романа!
Соавторы – герои Пушкинского клуба;
Их связь – золотая цепь у сказочного дуба.

Свой первый стих наш лицеист назвал
«К Наталье»,
«Мадонну» посвятил невесте Натали.
Судьбой назначено немало Наталей...
В уральской «Лире» дюжина «домашних» фей.

Лукьянин Валентин – философ и мыслитель,
«По жизни с Пушкиным» он страстный
просветитель.

Учитель подарил нам ценный мастер-класс,
Историю уральских пушкинистов спас.

Махалина Татьяна – наш руководитель.
Трудыга «Уралмаш» – её читатель, зритель.
А славный клуба юбилей на тридцать лет!
Запомнится в шампанских брызгах бал – банкет.

Музей Кириллова был отчий дом,
И клубу Пушкина уютно в нём.
Историю войны и области
Хранил и знал народа доблести.

А полковник Сауляк
Сделал благородный шаг:
Тыщу книг отвёз в глубинку:
В Коновалово, в Битимку.

Суровое детство. Война. Не до рифм.
Но скрашивал горести пушкинский стих.
На пенсии в клубе подружки сошлись,
Где дивные звуки свободно лились.

Двести двадцать пять поэту
В «Шайбе» фестиваль отметил,
И стар и млад стихи читали,
Трубы медные играли.

Юний Горбунов – писатель, эрудит,
Экспедиций по Уралу «следопыт».
В горном крае знал и описал секрет,
Где душа поэта оставляла след.

Зинаида, «муз царица», красоты,
Краеведов не в салон сзывала ты –
К камням Чусовой, в храмы и музеи,
На поляне в Троицу толпы ротозеев.

«Крапивинка» – родной дом пушкинский сейчас,
Екатерина, Ольги встретят в добрый час.
Поддержат в декабре Учайкина – министр
И Павел Креков – театрал и пушкинист.

ДВОЙНОЙ УСПЕХ

Валерий АРШАНСКИЙ

В принципе, можно было бы ограничиться короткой заметкой, сообщив о том, что действующий в Москве Научный профессорский форум России, рассмотрев итоги конкурса в номинации «Сельскохозяйственные науки», присудил общенациональную премию «Учебник года» учебнику «Тенденции развития инженерного обеспечения в сельском хозяйстве», выполненному под руководством нашего земляка, главного научного сотрудника Мичуринского государственного аграрного университета, заслуженного деятеля науки и техники РФ, академика Анатолия Завражнова. Сообщить и поздравить с большой победой Анатолия Ивановича, а вместе с ним ещё девять сотрудников

вуза, чей совместный труд стал теперь достоянием сотен и сотен студентов, учёных, преподавателей вузов, а также инженеров-практиков из самых разных уголков страны.

Но как не расширить рамки события, приведя и другие существенные подробности? В частности то, что спрос на учебную книгу превзошёл все ожидания, и это подтверждает официальная статистика. Учебник (книжное издательство «Лань»), отпечатанный в типографиях Москвы, Санкт-Петербурга, Краснодара, запросили помимо столичных вузов университеты аграрного профиля Алтая, Белгорода, Волгограда, Воронежа, Костромы, Кубани, Перми, Рязани... Этот список можно продолжать и продолжать. Следом за первым пришёл и второй успех: такой же премии «Учебник года»

удостоен ещё один научный сборник – «Техническое обеспечение животноводства» под общей редакцией и с участием академика РАН Анатолия Завражного, написанный в содружестве с мичуринскими учёными и коллегами из Беларуси, Казахстана, Тамбова и Воронежа.

Предоставим слово виновнику торжества А. И. Завражному.

– Конечно, признание и оценка нашей работы профессурой высочайшего уровня, отмечившей соблюдение самых строгих требований общенационального конкурса, а также полученные четыре тысячи запросов на учебники говорят сами за себя. Единственное, что снижает радость, это факт предоставления на большой, авторитетный конкурс учебника «Тенденции развития инженерного обеспечения в сельском хозяйстве» под эгидой не нашего университета, а иного вуза, хотя автором большинства глав являются именно научные сотрудники Мичуринского ГАУ.

Лауреатов конкурса тепло поздравили академики Российской академии образования: председатель Российского профессорского собрания (РФС), заместитель секретаря Общественной палаты Российской Федерации, доктор юридических наук Владислав Гриб; руководитель аппарата РФС, доктор экономических

наук Андрей Панарин; руководители ведущих вузов страны.

Гордимся мы и интернациональными успехами наших земляков-учёных! Но не только за весомые победы в большом научном конкурсе. В ближайшие майские дни свой 86-й (!) день рождения отмечает сын фронтовика, советского офицера, погибшего в первые дни Великой Отечественной войны, учёный с мировым именем Анатолий Иванович Завражный. В течение очень сложных и трудных 25 лет он возглавлял наш вуз, начав с поста ректора Плодоовощного института, подняв его до уровня академии, а затем и университета, построив пять жилых домов для сотрудников (а это 360 квартир!), укрепив кадровый состав университета.

Ведущий учёный в области разработки теоретических проблем проектирования и эксплуатации машин для механизации процессов в садах, хранения и переработки продукции садоводства, полеводства, животноводства, проще говоря, создатель многих машин и механизмов, значительно облегчающих тяжёлый ручной труд сельчан, Анатолий Иванович Завражный с 2007 года является академиком РАСХН, а с 2013 года – уже не сельскохозяйственной, а общенациональной Российской академии наук. Стоит, наверное, заметить, что в отделении «Сельскохозяйственные науки» РАН насчитывается лишь 12 академиков-агров. Десять из них представляют Москву и Санкт-Петербург и только двое – провинцию: Сибирь и наш Мичуринск-наукоград. Но, как мы видим, нет провинции географической, есть провинция духовная. Для истинного таланта место прописки значения не имеет.

И, несмотря на почтенный возраст, когда многие его ровесники отошли от всяких дел, академик РАН Анатолий Иванович Завражный – почётный гражданин города Мичуринска, почётный работник высшего образования РФ, Герой Труда Тамбовской области, кавалер четырёх высоких орденов страны – продолжает активно работать на избранном с юных лет поприще, оставаясь верным родному Отечеству и являя собой пример истинного российского учёного, для которого наука превыше всего!

САХАЛИНСКИЙ ЛЁД

Анатолий ТРУБА

Поездка на остров Сахалин началась с неожиданного вызова к директору ГНЦ ФГБНУ «ВНИРО» Кириллу Викторовичу Колончину. Задание состояло в оказании помощи Ассоциации рыболовов Сахалинской области в организации спортивной рыбалки «Сахалинский лёд». По задумке организаторов, в этот раз должна быть «космическая рыбалка», и необходимо обеспечить присутствие космонавта. Нисколько не сомневаясь, что это может быть только Герой России и действующий космонавт Олег Артемьев, я набрал номер его телефона.

Олег Германович ответил оперативно и выразил готовность лететь на Сахалин, но при этом выразил сомнения по поводу того, готово ли руководство отпустить представителя звёздного отряда в момент подготовки к космическому полёту. Несмотря на сомнения, я заверил друга, что для большевиков нет крепостей, которых бы они не взяли, приступил к реализации поездки на далёкую землю. Но супруга Олега Аня поставила жёсткое условие, что летим мы

только вместе с его сыном Саввой. Что было сразу принято.

Первым делом составил письмо на имя главы Роскосмоса Юрия Борисова с просьбой направить космонавта-испытателя Олега Артемьева в Сахалинскую область и направил на подпись руководителю Ассоциации рыболовов Максиму Козлову с просьбой подписать у региональных властей.

Подписанное письмо получил неожиданно быстро и отправил его в Роскосмос,

продублировав для Олега Артемьева, который обнаружил, что письмо написано на имя Дмитрия Баканова, и выразил недоумение по данному поводу. Оказалось, что сахалинские товарищи не только встают раньше всей страны, но ещё добросовестно исполняют свои обязанности. За ночь сменился руководитель Роскосмоса, и первое письмо, которое получил новый руководитель, было отправлено с моего адреса. А благодаря этому первым приказом, который получили в Центре подготовки космонавтов им. Ю. А. Гагарина, стал приказ о командировке Олега Германовича Артемьева на мероприятие «Сахалинский лёд».

Дальше подготовили открытки с космонавтом, собрали в дорогу подарки, не забыли взять скафандр и вылетели «навстречу солнцу».

* * *

Единственное, что омрачало подготовку к путешествию – это страх перед тяжёлой дорогой. Восьмичасовой перелёт казался тяжёлым испытанием. На удивление же всё прошло предельно просто. Час познавательной беседы с Олегом Артемьевым, два перекуса, просмотр фильмов – и уже объявляют о посадке. Жаль, что не увидели Сахалин через иллюминатор, но надежда лицезреть далёкий край с воздуха на обратном пути осталась.

Южно-Сахалинск встретил солнцем и лёгким морозцем.

Оперативно получив вещи, мы вышли из здания аэропорта и увидели прекрасные горы. Город, обрамлённый грядой гор, покорила сразу. Спортивные комплексы, клубы и красивые дома на фоне заснеженных гор смотрятся привлекательно и гармонично.

Порадовала и гостиница. Хотя я был предупреждён об обратном: плохих сервисе, обслуживании, уборке. На деле можно было поставить твёрдую пятёрку.

В номере сразу раздался телефонный звонок, и голос взволнованной девушки, представившейся Марией, сообщил, что мы категорически опоздали, и нас ждёт активная молодёжь Сахалина в штабе «Единой России».

Возмущившись, что после долгой дороги мы не сможем везде успеть, я набрал номер телефона Олега и, к удивлению, услышал, что он готов к работе.

Через пятнадцать минут мы стояли в холле гостиницы и ждали транспорт. За это время я успел погладить одежду, принять душ, выпить чашку чая и разложить по пакетам подарки и раздаточный материал.

Забегая вперёд, скажу, что, несмотря на плотный график, несовместимый с реальностью, мы отработали по полной и даже посетили незапланированные мероприятия, порадовав детей.

* * *

Первая встреча состоялась в Штабе общественной поддержки «Единой России» Сахалинской области.

На мероприятии гости узнали о том, как Олег Артемьев пришел в профессию, о его уча-

стии в уникальном эксперименте по имитации полёта на Марс – проекте «Марс-500», а также о буднях экипажа на Международной космической станции (МКС). Космонавт рассказал о научных исследованиях, которые проводятся на орбите, о том, какие ощущения испытывает человек в состоянии невесомости и как проходит реабилитация после длительных космических полётов.

Особое внимание Олег Артемьев уделил достижениям российской ракетно-космической отрасли и её перспективам. Он подчеркнул, что будущее космонавтики зависит от молодого поколения, и призвал всех мечтать, ставить перед собой амбициозные цели и не бояться идти вперёд.

«Космос – это не только наука и технологии, но и мечта, которая объединяет людей. Сегодня я хочу передать вам частичку этой мечты. Надеюсь, что такие мероприятия вдохновят подрастающие поколения на великие свершения, они начнут мечтать и достигнут в жизни новых высот», – сказал Олег Артемьев.

Вкратце рассказал о своём творчестве и я.

Мероприятие стало поистине настоящим праздником для всех, кто интересуется космосом и мечтает о новых горизонтах. Приятным дополнением для молодёжи стали памятные фотографии, в том числе с космонавтом.

Организаторы поблагодарили Олега Артемьева и меня за визит и заверили, что такие встречи станут доброй традицией, вдохновляющей жителей Сахалинской области на новые достижения. Так что не зря мы так торопились.

* * *

На месте следующей встречи настоял я. Куда же писатель без библиотеки?

Мы выехали в городскую библиотеку города Корсакова. Дорога шла по живописным местам. Радовала погода, к тому же благодаря опытному водителю мы сократили время отставания.

Вот что было написано организаторами данного мероприятия на сайте библиотеки:

«Кто из вас может похвастаться, что общался с настоящим космонавтом? А кто жал руку члену Союза писателей России? Нашим читателям повезло вдвойне! В центральной библиотеке состоялась встреча с Олегом Артемьевым – лётчиком-космонавтом Роскосмоса, Героем Российской Федерации, и Анатолием Трубой – членом правления Союза писателей России, доктором экономических наук».

Зал был полон: дети, подростки, родители и даже бабушки с дедушками с нетерпением ждали начала. Гости наперебой задавали вопросы – от забавных: «Видели ли вы летающую тарелку?» – до серьезных: «Сколько длится восстановление после возвращения на Землю?» или «Как семья относится к работе космонавта?».

Олег Артемьев поделился своим опытом работы на Международной космической станции, рассказал о жизни экипажа, научных экспериментах и ощущениях в невесомости. Ребята и взрослые с интересом слушали о том, как космонавты готовятся к полётам, какие трудности преодолевают и как восстанавливаются после возвращения на Землю.

Я же рассказал о литературном пути, издательской деятельности и передал в фонд библиотеки журналы «Александръ», «Агрегатор счастья» и др.

Встреча не ограничилась вопросами о космосе и литературе. Олег Германович рассказал о наборе в отряды космонавтов. Я поделился информацией о поиске новых авторов для журналов. Кто знает, может быть, именно после этой встречи кто-то из юных читателей захочет стать космонавтом, писателем или учёным?

Такие события не только расширяют кругозор, но и вдохновляют на новые свершения. Мы уверены, что подобные встречи станут доброй традицией библиотеки, а наши читатели всегда будут в центре интересных и познавательных событий!

ПИСАТЕЛИ НА ВСЕРОССИЙСКОМ СУББОТНИКЕ

26 апреля, в день Всероссийского субботника, в Звёздном городке были высажены 35 саженцев яблони и 15 – сирени, подаренные Союзом писателей России. Саженцы доставили казаки Промышленно-технологического колледжа города Мичуринска.

Активное участие в организации этого мероприятия принял главный редактор журнала «Александръ» Анатолий Труба, который по поручению ответственного секретаря СПР Николая Иванова передал в библиотеку Звёздного городка от Союза писателей России четырёхтомник подарочного издания «Полки России».

Символично, что казаки Промышленно-технологического колледжа не только приняли участие в благоустройстве Звёздного городка, но и с православными иконами прошли крестным ходом вокруг храма Вознесения Господня.

Апофеозом субботника стал выпуск в озёра Звёздного городка 1200 мальков карпа, белого амура и толстолобика, предоставленных Институтом рыбного хозяйства и океанографии, главным научным сотрудником которого является Анатолий Труба.

Александр СЕРГЕЕВ

Никас Сафронова. Красота лета. Золотое кольцо. 24 x 30. 2018

«АЛЕКСАНДРЪ»
🏠 alexlib.ru